

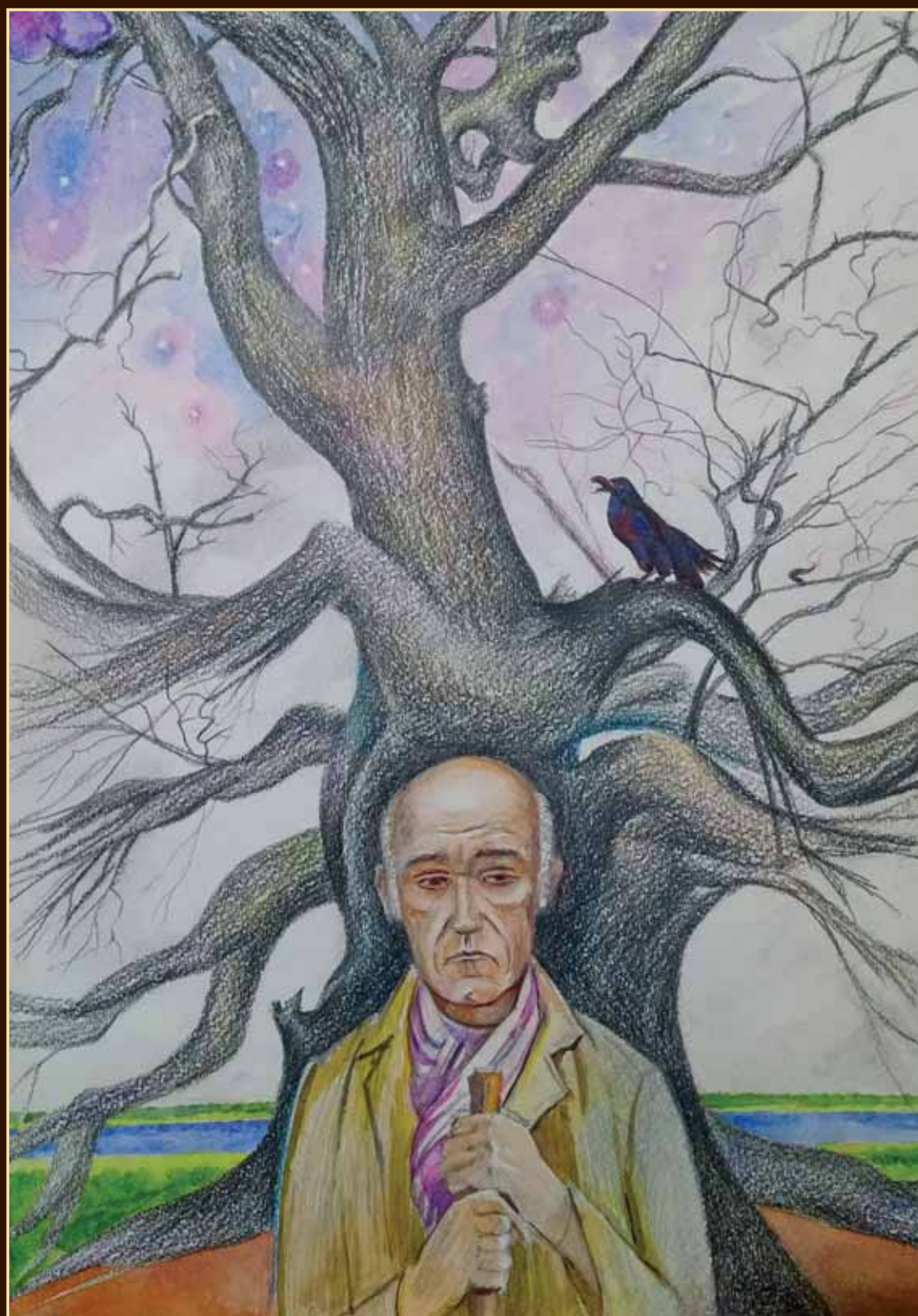
СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

*Виктор Ом.
«Реквием по дереву». Рихтер в Тарусе.*

Читайте на странице 74.

Это интересно

<i>Валентин Осипов</i>	Лев Толстой. Дополнения к биографии 4
<i>Ирина Опимах</i>	Как стать знаменитой, или История одной голландки 65
<i>Александр Ралот</i>	Княгинюшка 110

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Птичка в золотой клетке 14
----------------------	---

Фантастика

<i>Игорь Вереснев</i>	В следующей жизни, когда я стану кошкой 30
-----------------------	---

Судьбы

<i>Владимир Братченко</i>	Письмо Гарибальди 44
---------------------------	-----------------------------------

Славянские древности

<i>Агния Заберина</i>	Июнь — «червонный» месяц 59
-----------------------	--

Житейские истории

<i>Владимир Пегов</i>	Ромашки 62
-----------------------	-------------------------

Эссе

<i>Виктор Ом</i>	«Там, где серебрится Ока...» 73
------------------	--

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	В.Г. Шершеневич «Певучий почерк соловья» 90
--------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Елена Гусева: «Жизнь оперного певца — это марафон...» 103
------------------------	--

Чем живем

<i>Михаил Михайлов</i>	Целители души и тела 114
------------------------	---------------------------------------

Иронический детектив

<i>Дарья Булатникова</i>	Охота на Елену Прекрасную 122
--------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Оперная певица музыкального театра
им. Станиславского и Немировича-
Данченко Елена Гусева
фото С. Родионова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

ОАО «Можайский

полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.05.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« 26 июля 1803 года в Кронштадте торжественно провожали в первую российскую кругосветную экспедицию два парусных судна «Надежда» и «Нева». Торжественные проводы почтил своим присутствием молодой император Александр I. Под залпы орудийного салюта из крепости корабли подняли на мачтах Андреевские флаги и легли на курс. Командовал этой экспедицией спокойный, деликатный, рассудительный Иван Федорович Крузенштерн. Как считал он сам, главная заслуга его командования «кругосветкой» заключалась в том, что за столь длительное путешествие он не потерял ни одного человека из своей команды.

Георгий **Кричевский** «Повелитель морей»

« Судьба единственной дочери императора Александра II и его супруги, в девичестве Марии Геммен-Дармштадской, удивительна. Великая княжна Мария была любимицей родителей и сделала блестящую партию: вышла замуж за второго сына английской королевы Виктории принца Альфреда, бывшего в то время вторым в очереди британского престолонаследия. Этому союзу сразу стали приписывать большое политическое значение. Считалось, что брак дочери русского царя с британским принцем поможет России и Англии преодолеть взаимную враждебность, сохранявшуюся со времен Крымской войны.

Денис **Логинов** «Русская невестка королевы Виктории»

« Стихи, как известно, переживают своих создателей. Конечно, если это настоящие стихи. Такие, как у Николая Заболоцкого. Поэта негромкого, не рвавшегося в «первый ряд», однако оставшегося в этом ряду навсегда. Его сформировала революция, а дальше он прошел сложный путь исканий и опытов, пока не приобрел широту звучания и глубокое дыхание большого мастера.

Юрий **Осипов** «Я нашел в себе силы остаться в живых»

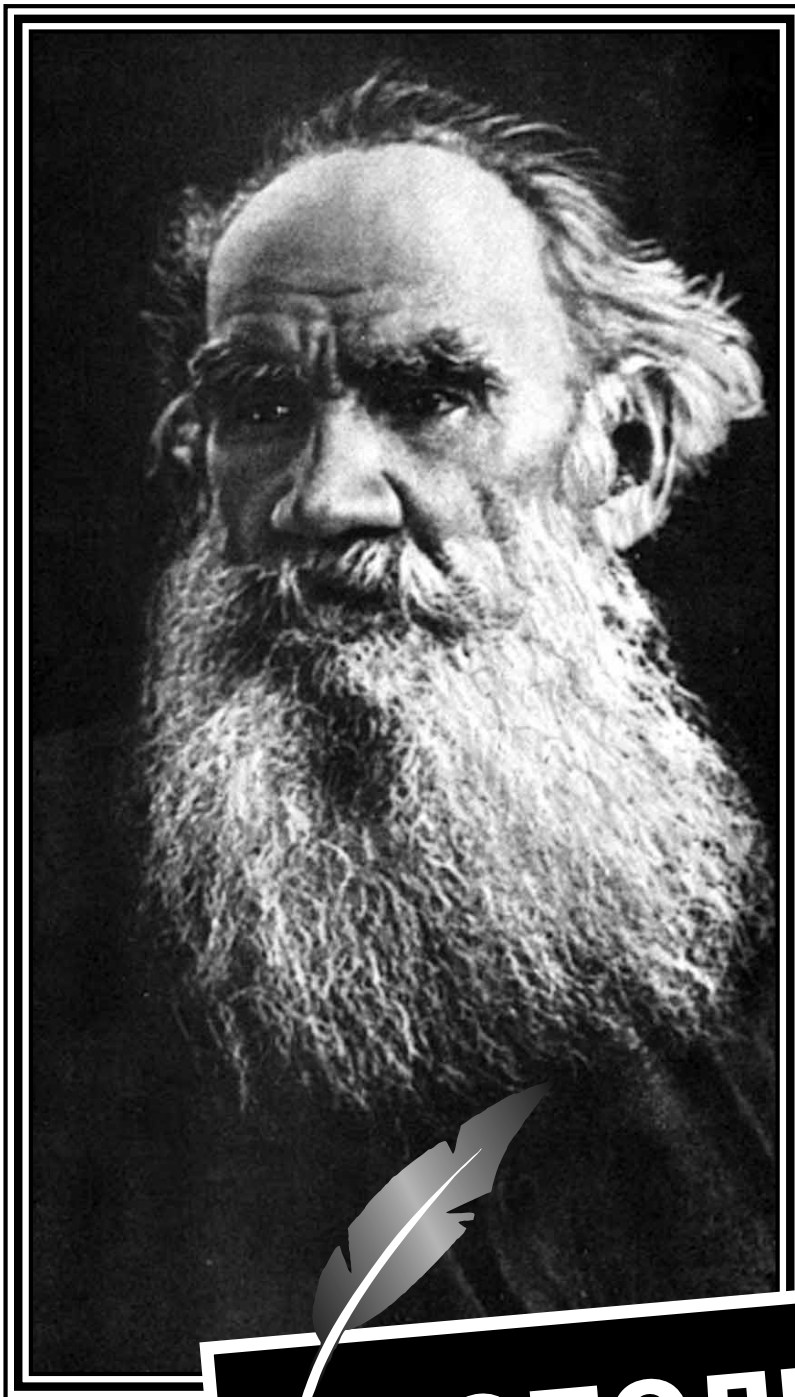
« При жизни произведениями этого писателя восхищались Гете, Байрон, Бальзак, Пушкин. Сам себя он именовал «наблюдателем человеческого сердца». И это не преувеличение — Анри Бейля, известного миру под псевдонимом Стендаль, по праву можно причислить к величайшим писателям-психологам всех времен. Его страсть к мистификациям и розыгрышам стала притчей во языцех в парижском обществе. Ему как будто мало было двух сотен псевдонимов, которыми он подписывал свои письма, он и похоронить себя распорядился под чужим именем...

Алла **Зубкова** «Сердцевед»

« Окончание детектива Дарьи **Булатниковой** «Охота на Елену Прекрасную».

Лев Толстой

Валентин Осипов

*У меня нет всего,
что я люблю.
Но я люблю все,
что у меня есть.*

Л. Толстой

Многое ли из необычной жизни нашего Гения остается в памяти от «прохождений темы» в школе? Велик океан, да в мелях побережье. Это я о скудности и скучности учебников.

А если погрузиться в свидетельства и самого Толстого, и его современников, и в кладовые архивов?

**дополнения
к биографии**

ПЯТЬ ФАКТОВ СО СЛОВАМИ «ВПЕРВЫЕ» И «В ЗАВЕРШЕНИИ»

Первые строки творчества.

7-летний Левушка вместе с братьями принялись вести семейный журнал: рукописный. И здесь семь рассказиков, и все о птицах. Вот один из них (для примера):

«Орел — царь птиц. Говорят о нем: один мальчик стал дразнить его, он рассердился и заклевал его».

Первое письмо в редакцию.

Закончена повесть «Детство». Автору 24 года. В 1852-м, он, явно робея, пишет редактору журнала «Современник» Николаю Некрасову: *«Посмотрите эту рукопись и, ежели она не годна к напечатанию, возвратите ее мне...»*

Как начинался наставник.

Толстой в своей жизни самолично отредактировал 100 переданных ему чьих-то там рукописей. Началось же всего-то 26 лет от роду, да не в кабинетной тиши, а в Южной армии на Кавказе, где вместе с несколькими офицерами вознамерился выпускать журнал не вообще для публики, но для солдат.

Завершение творчества.

Кануны кончины: он готовит доклад для Конгресса мира в Стокгольме и статью «Действительное средство» с темой протеста против смертных казней.

Последние строки.

Это незавершенная запись в дневнике на предсмертном одре: «Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня... Fais ce que dois, adv...» (Французская фраза — делай, что должно, и пусть

будет, что будет — не дописана). Какое же воссоединение — истинно толстовское! — земных страданий и возвышенного философствования.

ИЗУМЛЯЮЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ

Толстой предстает — воедино и панорамно! — и романистом, и новеллистом, и драматургом, и публицистом, и сказочником, и баснописцем, и педагогом, поэтом тоже, даже переводчиком, редактором и составителем поучительных книг для народного чтения, к тому же открывает свою душу письмами и дневниками.

«ВОЙНА И МИР» И США

Умеют в Америке приобщать к главному роману нашего гения. В печати появилось: «Признанный величайшим романом из всех, когда-либо написанных, «Война и мир» — это вечный бестселлер». Далее предъявлены наставления, почему надо читать (перепечатаваю лишь заголовки):

1. Этот роман — увлекательнейший исторический урок.
2. Этот роман помогает понять сегодняшнюю Россию.
3. Это одна из самых мудрых книг о самосовершенствовании, которую вам когда-либо удастся прочесть.
4. Это увлекательное чтение.
5. Вы узнаете множество интересных людей.
6. Этот роман заставит вас радоваться жизни.

36 миллионов тираж — таким явилось отношение советских читателей к этому роману. Он тогда был переиздан 312 раз.

ТРУТНИ. ПРИТЧА НА ВЕКА

Великий художник Репин высказал Толстому, как это осталось в воспоминаниях: *«Вы знаете, я живу в предместье Петербурга, вблизи строительной площадки. И часто вижу, как рабочие тащат огромные балки. Однажды, когда рабочие выбились из сил, я увидел, как два молодца на нее вскочили и запели веселую песню. Их воодушевление сообщилось рабочим, и прилив новых сил облегчил им напряженный труд».*

Добавил, обобщая: *«Те, кто своим искусством облегчает жизнь рабочих, имеет право на существование».*

Толстой в ответ: *«Очень хорошо. Плохо только то, что большинство хочет взобраться на балку, и очень мало желающих ее тащить...»*

ЗАПОВЕДИ Л.Н.ТОЛСТОГО, КАК ЖИТЬ

Главных — 10: 1. Не убий, но уважай жизнь. 2. Не крадь, не грабь, но помогай каждому пользоваться произведениями своего труда. 3. Воздерживайся от нечистоты и веди целомудренную жизнь. 4. Не лги, говори правду, бесстрашно, но любовно. 5. Не выдумывай дурных слухов и не повторяй их. 6. Не клянись. 7. Не трать время на болтовню, но говори дело или молчи. 8. Не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближнего. 9. Очищай сердце от злобы и не держи ненависти против врагов, но с любовью смотри на все существа. 10. Освобождайся от неверия и старайся познать истину.

Еще одно предостережение: *«К сожалению, у большинства разбогатеть — это верх счастья. Я это по письмам сужу».*

Наставления молодежи: *«В молодости все силы направлены на будущее, и будущее это принимает такие разнообразные, живые и обворожительные формы под влиянием надежды, основанной не на опытности прошедшего, а на воображаемой возможности счастья...»*

О семейных устоях: *«Брак истинный только тот, который освещает любовь. Всякое рассуждение о любви уничтожает любовь. Большая часть мужчин требует от своих жен достоинств, которых они сами не стоят. Будь правдив даже по отношению к дитяти: исполняй обещание, иначе приучишь его ко лжи».*

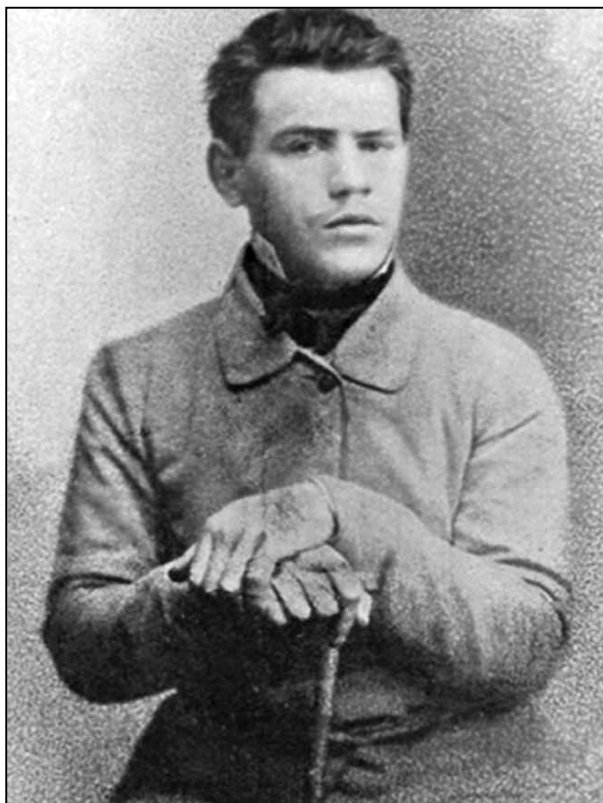
Об алкоголе: *«Вино губит телесное здоровье людей, губит умственные способности, губит благосостояние семей и, что ужаснее всего, губит душу людей и их потомство».*

КТО ЖЕ ВАРВАРЫ?

В спорах за честь своего народа Толстой выстрелил: *«Если русский народ — нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы — цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать».*

ГРАФ ТОЛСТОЙ И КРЕСТЬЯНЕ

Как же выразительна сцена его общения с яснополянским людом. По свидетельству очевидца: *«Один из них стал просить у Л.Н. некоторые его книжки. "Надо пойти к Ма-*

Лев Николаевич

ковицкому (секретарь Толстого. — **В.О.**) и попросить». «Я бы пошел, да боюсь работу оставить: управляющий заругает». На это Л.Н. ответил: «Ничего, иди, я тебя заменю».

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Он обогатил простонародную детвору — самолично составил «Азбуку» и три «Русские книги для чтения». Здесь и приобщение к грамматике и арифметике, и кое-что о тогдашних науках и о Священном писании. И тут же юные читатели вкушали тщательно отобранные сказки, басни, былины, рассказы. Более ста (!) из них написал сам Толстой, в их числе и классические «Филиппок» и «Три медведя».

Софья Андреевна

ЗАПОВЕДИ, КАК ТВОРИТЬ Не торговать своим пером.

Как же современно звучит его обращение к молодым писателям: «Избавьте нас от рыночной пищи»; «Одинаково, по-моему, дурно и вредно писать безнравственные вещи»; «Слово есть дело величайшей важности. Оно может быть и величайшее зло, и величайшее добро. Но дело в том, что тут всегда примешиваются деньги, а как денежное дело, так конец». Или: «Если же вы найдете по своей совести нужным писать не для славы людской, а для исполнения воли Бога, то тогда пишите».

Самоприговор.

«Я написал рассказ, но даже не дал переписывать. Стыдно лгать. Крестьянин если прочтет, спросит: "Это точно так все было?"»

Обличать буржуазию.

Из отклика Толстого на одну из прочитанных книг: «Для меня ново. Никогда не слышал такого обличения безумия, безнравственности, бесполезности, нелепости, глупости жизни аристократов. Она разоблачена, а возле выставлена трудовая, осмысленная жизнь крестьян. Надо надеяться, что так же разоблачена будет скоро и жизнь буржуазная».

Мысли о новаторстве.

«Я последнее время не могу читать и писать художественные вещи

в старой форме, с описанием природы. Мне просто стыдно становится. Нужно найти какую-нибудь новую форму...»

О МУЗЫКЕ — НЕОБЫЧНО

Сказано им: «Что такое музыка? Почему одни звуковые сочетания радуют, волнуют, захватывают, а к другим относишься совершенно равнодушно? В других искусствах это понятнее. В живописи, в литературе всегда примешан элемент рассудочности, а тут нет — сочетание звуков, а какая сила. Я думаю, что музыка — это наиболее яркое практическое доказательство духовности нашего общества». Таков необычный вердикт Л.Н. Толстого.

Но и такая острота (по воспоминаниям): «Л.Н. по поводу музыки сказал: "Как бывает, что вспоминаешь слышанную музыку, а я ее предвкушаю. Вот нынче — я надеваю сапог, а из сапога выскочил менуэт..."»

НИЧТО НЕ ЧУЖДО

Из письма жене: «Сейчас был в бане и хотел пить чай. Весна второй день — медунички, орешник в цвету, и муха, пчела, божьи коровки — ожили и жужжат и копошатся. Ночь еще лучше: тихо, тепло, звездно, не хотелось домой идти».

Из увлечений. В архивах хранятся: «Шутовское свидетельство, выданное 15 января 1885 г. А.Фетом, удостоверяющее, что Толстой сшил пару ботинок»; «Проект музыкального общества, составленный Л.Н. Тол-

стым в январе 1858 г.»; «Обязательства против курения, предложенные Л.Н. Толстым крестьянам Ясной Поляны (1887)»; «Билет Московской городской управы, выданный Л. Н. Толстому для езды на велосипеде по улицам Москвы (1896)» и даже «Соглашение, подписанное несколькими лицами, решившими бросить пить вино (1887)». Дополню последний факт свидетельством советского писателя Ильи Оренбурга, как в пивоварню его отца пожаловал Толстой: «Подали горячее пиво в кружке; он, к моему изумлению, сказал: «Вкусно» — и вытер рукой бороду. Он объяснил отцу, что пиво поможет в борьбе с водкой».

ТОЛСТОЙ И ВЛАСТЬ

В заботе о народе.

Из письма Николаю II: *«Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии сделать это, нужно, прежде всего, дать народу возможность высказать свои желания и нужды и, выслушав эти желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа».*

О капитализме.

«Кто же отнимает у трудящегося его труд? Капиталисты».

ЦЕНзуРА

С чего началось?

1852 год — издатель сообщил Л. Толстому: «Видно, уж такова судьба, что и «Отрочество» в печати подверглось значительным и обидным урезываниям».

Чем закончилось?

1946 год: партвласть обрушилась на издателей очередных томов полного (90 томов) собрания сочинений Толстого: *«Включены все его реакционные религиозно-философские произведения, их различные варианты, а также составленные Толстым конспекты религиозных книг...»*

Надо же, партцензоры пренебрегли заверениями в 1-м томе (1928 г.): *«Государственная редакционная комиссия не имеет ни намерения, ни полномочия что-нибудь скрывать или сокращать в наследстве Толстого».*

ПЕРСТЕНЬ ПРАВНУЧКЕ

1977 год. Встреча автора с правнучкой классика Татьяной Альбертини-Сухотиной. Ее приезд в СССР был чрезвычайно плодотворен. Читатели заполучат воспоминания ее мамы, а музеи будут обогащены щедрым даром — многими сотнями толстовских раритетов.

И вдруг в разговоре: *«Передала в дар и золотое кольцо с рубином и бриллиантами — то был подарок мне, пятилетней девочке. Дедушка*

сказал мне: "Вырастешь большой — будешь носить, я его носил многие десятилетия..."». Среди толстоведов это кольцо стало почему-то в некоем таинственном ореоле именоваться «кольцом Анны Карениной».

С КЕМ ЗНАЛСЯ

Корифеи! Поразительно широк круг общения Толстого. В их числе даже один из декабристов и, ясное дело, писатели, крестьяне, рабочие, издатели, ученые, музыканты, художники, журналисты, дипломаты, вольнодумцы разных мастей (толстовцы тоже), представители царской семьи, и даже бродячий люд или попрошайки-нищие, а также множество иностранцев.

Напомню, что среди них — Тургенев, Чернышевский, Гончаров, Фет, Тютчев, Чехов, Горький, Танеев, Илья Мечников, Нестеров, Репин, Паоло Трубецкой, В. Стасов и еще, еще. Вел переписку с великим сыном Индии Махатмой Ганди — одно из писем по важной для него теме избавления от колониальной Британии разрабатывал полгода.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Со школьной скамьи привычно помнить: два великих творца — Толстой и Горький — уважали друг друга. Это так! Однако жизнь сложна, и совсем не случайна древнейшая заповедь про кумира.

Однажды Толстой признался в идейном расхождении с Горьким: «Читал после обеда о Горьком. И странно, недоброе чувство к нему,

с которым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ницше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, то есть понимающих значение жизни убеждений...» Но всякий ли критический отзыв Толстого о Горьком — истина в последней инстанции? Вот ответ: «Перечитывал Горького. Он мне был тогда несимпатичен. Боялся, что я несправедлив...»

А что Горький? При всем благоговейном отношении к Толстому (одно хотя бы вспомнить: «Толстой — это целый мир!») — он тоже не сробел отчеканить: «Я не хочу видеть Толстого святым; да пребудет грешником, близким сердцу насквозь грешного мира...»

УЧЕНЫЕ И ТОЛСТОЙ

В архивах хранятся «Диплом на звание члена Вольного экономического общества с предоставлением всех прав члена этого общества, выданных Л.Н. Толстому 28 января 1862 г.» и «Протоколы отделения русского языка и словесности Академии наук о представлении Л.Н. Толстого в действительные члены Академии (1875)».

О СУПРУГЕ СОФЬЕ АНДРЕЕВНЕ

Каково ей все же пришлось за 52 года супружества? Вот признание: «Тяжело быть женой гения». Еще свидетельство: «Этот хаос бесчисленных забот, перебивающих одна другую, меня часто приводит в ошалелое состояние, и я теряю равновесие. Ведь легко сказать, но во всякую

Семья Л.Н. Толстого

данную минуту меня озабочивают: учащиеся и болящие дети, гигиеническое и, главное, духовное состояние мужа, большие дети с их делами, долгами, детьми и службой, и планы Самарского имения /.../, прошение о разделе с овсянниковским попом, корректуры 13 тома, ночные рубашки Мише, простыни и сапоги Андрюше, не просрочить платежи по дому, страхование, повинности по имению, паспорта людей, вести счета, переписывать и проч. и проч.»

Напомним о ее двух первостепенных заботах:

— прошла через 13-ть родов, пережив смерть пяти деток в юном возрасте;

— самоотверженно переписывала сотни страниц сочинений мужа.

Увы, на старости лет Софья Андреевна вошла в несогласие с мужем — кому завещать его творческое наследие: семье или издателям-благотворителям.

СМЕРТЬ ТОЛСТОГО И ВЛАСТЬ

Кончина гения — едва ли не вся страна скорбит. А что власть? Перепугана — как ясно видно из архивов: «Дело Департамента полиции о мероприятиях против политических демонстраций и выступлений студентов, интеллигенции и рабочих России в связи со смертью Л.Н. Толстого» и «Дело об отклонении Министерства Народного образования и Внутренних дел ходатайств о присвоении имени Л.Н. Толстого народным библиотекам и стипендиям

в высших учебных заведениях и в земских учреждениях».

А еще в архиве хранится Дело: «Особый журнал Совета министров от 23 декабря 1910 г. об учреждении при Академии наук Комитета по увековечению памяти Л.Н. Толстого с подлинной резолюцией Николая II об отклонении рассмотрения этого вопроса». Кроме того, как кощунственно это ни выглядит, царь не разрешил правительству в 1911-м выкупить Ясную Поляну.

ДВА УРОКА ОДНОЙ ЖИЗНИ

Аристократ старинного рода Л.Н. Толстой во всем и всегда исповедывал чувства истинной народности!

Великий классик-новатор каждой своей строчкой являл себя реалистом именно русской литературной традиции!

Как же накапливалось все это?

...Он отобразил своим чутким пером четкое отношение к Отечественной войне 1812 года и к Русской-японской 1905 года, к восстанию декабристов 1825 года и революции 1905 года, к отмене крепостного права в 1861 году и зарождению в России социалистических идей в преддверии XX века.

...Он по воле своих чувств истинного гуманиста защищал приговоренных к казни и организовывал спасение смертно голодающих.

...Он, как никто другой, будоражил человечество своими чувствами миролюбца и антиколониалиста.

И этот перечень его высоких общественных и творческих запросов можно продолжать и продолжать...

О ПОТОМКАХ

Их у Толстого почти 400. Меньше чем за 150 лет (первый его сын родился в 1863 году) входили в жизнь уже шесть колен рода нашего гения. Они живут помимо России в разных странах: от Швеции до Уругвая, от Канады до Чехии и Италии. И у них сложилась традиция каждые два года встречаться в «своем» имени Ясная Поляна.

Меня могут спросить: что я, автор этой композиции, сам-то сотворил для приобщения к биографии Л.Н. Толстого. Недавно вышла моя книга «Лев Толстой во сне и наяву. Книга поиска новых фактов биографии».

В ней 4 части: «Из путешествия по домашнему архиву. Кое-что о тех, кто приобщал автора к наследию Льва Толстого» (в их числе внучка писателя, его правнук и даже Святослав Рерих); «Из путешествия по домашней библиотеке. Десять глав о старых изданиях, которые продолжают удивлять»; «Л.Толстой: «Избавьте нас от рыночной пищи». Кое-что о советах гения молодым писателям». И завершающий раздел: «Лев Толстой: 63 года индийской летописи. 165 сюжетов в 5 разделах о малоизвестном и забытом».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Удивимся: Толстой — поэт.

Выбираю для знакомства одно из его

стихотворений в жанре «стихасказки» — «Дурень». Это концевые строки им переработанной народной сказки — так даже в отрывке выявляется его талант. Полностью обнародовано в его первой «Русской книге для чтения».

*Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Идет он, дурень,
Во чистом поле,
— Навстречу дурню
Идет полковник.
Зауськал дурень,
Загайкал дурень,
Заулюлюкал.
Сказал полковник
Своим солдатам.
Схватили дурня,
— Зачали бити;
До смерти дурня
Тут и убили.*

Удивимся: Толстой — переводчик. Читаем его письмо в редакцию одного из журналов: «Посылаю вам переведенную мною буддийскую сказочку под заглавием "Карма". Сказочка эта очень понравилась мне и своей наивностью, и своей глубиной».

Вообще, он перевел почти сто индийских притч, сказок, былей и, как принято называть, крылатых выражений.

Не надо думать, что было это некоей забавой гения меж дел великих. Он признался: «Работа над языком

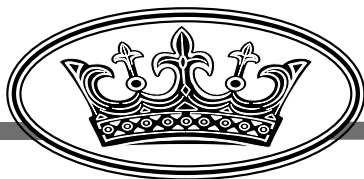
ужасная — надо, чтобы все было красиво, просто и, главное, ясно».

Один из примеров. Басня «Голова и хвост змеи».

Змеинный хвост заспорил с змеиной головой о том, кому ходить впереди? Голова сказала: «Ты не можешь ходить спереди, у тебя нет глаз и ушей». Хвост сказал: «А зато во мне сила, я тебя двигаю: если захочу да обернусь вокруг дерева, ты с места не тронешься». Голова сказала: «Разойдемся!»

И хвост оторвался от головы и пополз вперед. Но только что он отполз от головы, попал в трещину и провалился. □

Денис Логинов

Птичка в золотой клетке

Она была, пожалуй, самой красивой из русских императриц. Что, в общем-то, неудивительно: ее мать, прусская королева Луиза, считалась одной из красивейших женщин Европы в начале девятнадцатого века. Брак королевы был исключительно удачен — редкое явление среди коронованных семейств. Так что Фредерика-Шарлотта-Вильгельмина — дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III

и сестра двух следующих королей, выросла в обстановке любви и взаимопонимания.

Но прекрасная королева Луиза, любящая мать и ближайший друг, скончалась, когда ее дочери исполнилось двенадцать лет. Европа только начала оправляться от наполеоновских походов, семейство прусского короля жило в эмиграции под защитой русского императора Александра I.

И в 1814 году принцесса Шарлотта познакомилась с младшим братом императора Николаем Павловичем. Молодые люди влюбились друг в друга с первого взгляда и пронесли эту любовь через всю жизнь.

В начале февраля 1814 года визит прусской королевской семье нанесли великие князья Николай и Михаил, следовавшие в штаб-квартиру русской армии и путешествовавшие под именем графов Романовых. Принцессе Шарлотте сразу же приглянулся один из братьев — красивый и статный Николай.

Одна из статс-дам была в полном восторге от великого князя:

«О, какое очаровательное создание! Он дьявольски красив! Это будет самый красивый мужчина Европы!»

Свое шестнадцатилетие Шарлотта справляла среди ликования и торжеств по поводу разгрома Наполеона и взятия Парижа. Но прошло еще два месяца, прежде чем принцессу поставили в известность, что король собирается выдать ее за великого князя Николая Павловича. Это произошло в середине сентября 1814 года.

Брак был одобрен в целях укрепления союза России и Пруссии. Никаких династических соображений не

было: Николай не должен был унаследовать российский престол, так как наследником являлся его старший брат Константин.

А Шарлотта была счастлива стать просто великой княгиней и жить подале от дворцовых интриг, которые ненавидела с детства. Она предвкушала мирную и безоблачную жизнь с любимым человеком и терпеливо ждала бракосочетания, которое, ввиду нежного возраста невесты, было решено отложить на два года.

Тем не менее, прусская принцесса отправлялась в Россию в качестве невесты Николая Павловича с грустью и страхом перед своим будущим вдали от родины.

«Я много плакала при мысли, что мне придется встретиться с вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали».

Но юная принцесса напрасно боялась. *«Я очутилась в объятиях моей будущей свекрови, которая отнес-*

*Родители
Шарлотты —
прусский
король Фридрих
Вильгельм III
и королева Луиза*

лась ко мне так нежно и ласково, что сразу завоевала мое сердце», — вспоминала будущая великая княгиня.

О том, какой фурор она произвела на придворных, Александра Федоровна описала от третьего лица, переходящего в первое, и не без женского кокетства:

«Юную принцессу осматривали с головы до ноги и нашли, по-видимому, не столь красивой, как предполагали; но все любовались моей ножкой, легкостью моей походки, бла-

годаря чему меня даже прозвали птичкой».

Принцесса прибыла в Россию в июне 1817 года и приняла православие с именем Александра Федоровна. Венчание состоялось в день рождения невесты — 13 июля 1817 года в церкви Зимнего дворца.

«Мне надели на голову корону и, кроме того, бесчисленное множество крупных коронных украшений, под тяжестью которых я была едва жива. Посреди всех этих уборов я приколотла к поясу одну белую розу. Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши, наконец, соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды!» — так описывала день венчания Александра Федоровна.

Николай называл свою невесту «моя птичка», его первым чувством была не страсть, не жажда обладания ее красотой, а желание защитить ее, согреть, уберечь от треволнений мира. И это ему впоследствии почти полностью удалось.

Первые годы семейной жизни супруги провели в «аничковом раю», так Николай называл Аничков дворец.

«Мы совершали прогулки, поездки, экскурсии морем в Кронштадт, где император производил смотр флоту. Многочисленное общество, в котором дамы отличались более нарядами, нежели красотой, а кавалеры были скорее натянуты, чем любезны, было, однако, веселое: присутствие императора Александра, очарова-

ние, которое он умел придать всему, что ни предпринимал, наэлектризовывали весь двор. Несколько лет спустя все это изменилось совершенно в обратную сторону, о чем я вспоминаю с грустью; тем не менее, это правда, и я расскажу об этом в свое время», — писала о тех годах Александра Федоровна.

Все страхи оказались беспочвенны. Грозная вдовствующая императрица почти мгновенно полюбила новую невестку и всю жизнь относилась к ней, как к родной дочери. Впрочем, это было закономерно: Шарлотта очаровывала всех, с кем ей доводилось встречаться.

*Шарлотта
в юности*

Свое шестнадцатилетие Шарлотта справляла среди ликования и торжеств по случаю разгрома Наполеона и взятия Парижа. Но прошло еще два месяца, прежде чем принцессу поставили в известность, что король собирается выдать ее замуж за великого князя Николая Павловича. Брак этот был одобрен в целях укрепления союза России и Пруссии

Да и при русском дворе новую великую княгиню приняли очень тепло.

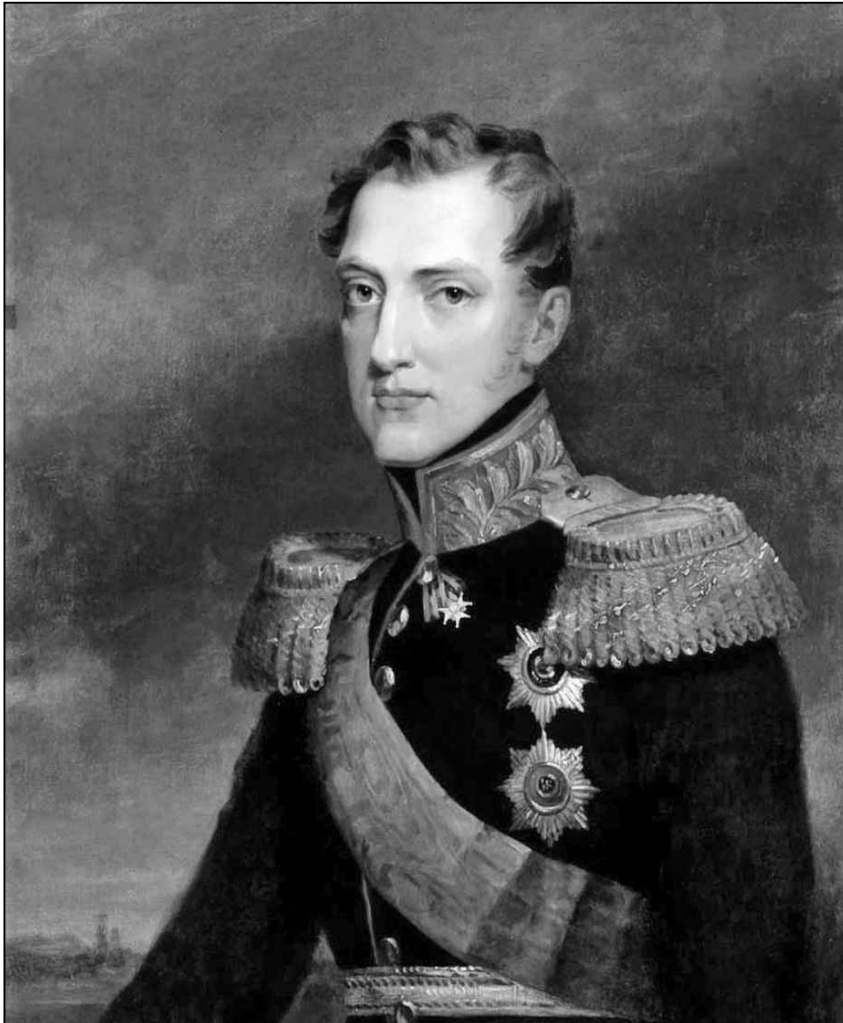
«Нам памятна ее величественная и строгая фигура, представлявшая законченный тип немецкой красоты», — писал современник.

Александра Федоровна отличалась грациозностью, любезностью и веселостью, хотя блистательной красоты матери не унаследовала. Но это компенсировалось невероятным обаянием и добрым характером.

Хотя она и выучила русский язык (под руководством поэта Жуковского), изъясняться всю жизнь предпочитала по-немецки.

Брак Николая и Александры оказался многодетным, уже через девять месяцев после свадьбы великая княгиня родила первенца, сына Александра, названного в честь дяди, императора Александра I.

Интересно то, что ни Николай, ни его молодая супруга никогда не

*Портрет
великого князя
Николая
Павловича*

Справа:
*Фредерика-
Шарлотта-
Вильгельмина
Прусская*

стремились к трону: их устраивала спокойная семейная жизнь с не слишком обременительными придворными обязанностями. Достаточно было и того, что их сын мог стать императором, так как оба его дяди были бездетными.

Но то, что произошло впоследствии, Николаю и Шарлотте тогда даже в голову не могло прийти.

В молодости Александра Федоровна была изрядной кокеткой, сорила деньгами на лучших курортах Европы, почти каждый год ездила с мужем в Германию.

В 1821 году в Берлине прусский король Фридрих устроил праздник

в честь приезда его дочери с супругом, будущим императором Николаем I. На празднике была театрализована поэма Томаса Мура «Лалла Рук» о дочери монгольского правителя, которая должна выйти замуж за царевича Бактрии. Главную роль исполняла... Александра Федоровна.

Присутствовавший на представлении поэт Василий Жуковский был так очарован княгиней, что написал о ней стихотворение «Лалла Рук»:

*«Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты».*

Позже Пушкин позаимствует и увековечит фразу «гений чистой красоты». Об авторстве Жуковского никто никогда не вспоминал, включая его самого.

После личного знакомства с Александрой Федоровной Пушкин, почему-то вошедший в историю как ярый ненавистник всей царской семьи, записал в своем дневнике:

«Я обожаю императрицу!»

Думаю, что поэт несколько не лукавил, поскольку обожал и супругу императора Александра, посвятив ей несколько восторженных стихов.

Шарлотта действительно очаровывала всех с первого взгляда.

«Два звонка, и в залу впорхнуло прелестное существо. Эта молодая дама была одета в голубое платье, розы украшали ее маленькую головку. Она не шла, а как будто плыла по паркету. Она поцеловала руку императрице Марии Федоровне, которая ее нежно обняла. Мы все сказали: "Какая прелесть! Кто это та-

ное признание императора Александра летом 1819 года о том, что царевич Константин собирается отречься от престола. Это означало, что после смерти Александра I императором должен будет стать великий князь Николай Павлович.

«На него со временем ляжет большое бремя, так как император смотрит на него как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорее, нежели можно ожидать, так как Николай заступит его место еще при его жизни», — описывала в дневнике Александра Федоровна свой разговор с Александром I, который ска-

А ***лександра Федоровна отличалась грациозностью, любезностью и веселостью, хотя блистательной красоты своей матери не унаследовала. Но это компенсировалось невероятным обаянием и удивительно добрым характером. Русским языком она овладела (под руководством поэта Жуковского), и все же изъясняться всю жизнь предпочитала по-немецки***

кая? Мы будем ее обожать"», — так придворные дамы вспоминали первое появление Александры Федоровны на балу.

Постаревшая и увядающая императрица Елизавета, совершенно заброшенная тогда своим царственным супругом, не могла соперничать с этим блеском, очарованием и аурой любви.

Но на безоблачном небе уже появлялись первые тучи. Как громом поразило Николая и Шарлотту внезап-

зал ей: *«Кажется, вы удивлены, так знайте же, что брат Константин, никогда не помышлявший о престоле, порешил ныне, тверже чем когда-либо, формально отказаться от него, передав свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира. Европа теперь более чем когда-либо нуждается в государях молодых, вполне обладающих энергией и силой, а я уже не*

*Императрица
Александра
Федоровна*

тот, каким был прежде, я считаю долгом удалиться вовремя».

Эти слова Александра I перечеркнули надежды княгини на спокойное и счастливое будущее.

«Император Николай I питал к своей жене, этому хрупкому, безответному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной природы к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него эта была прелестная птич-

ка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки», — писала фрейлина Анна Тютчева.

Но любил он супругу глубоко и искренне. Во время пожара Зимнего дворца император приказал

*Александра
Федоровна
в русском царском
костюме*

в первую очередь спасти письма, которые писала ему Александрин из Германии в период их помолвки.

Мало кто знает, что жесткая цензура появилась в России из-за желания императора оградить свою «птичку» от расстраивающих ее произведений и авторов. Началось все с малоизвестного украинского поэта Тараса Шевченко, который изобразил сатирический портрет императрицы:

*«...Царица-небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,*

*Та ще, на лихо, сердешнее
Хита головою.*

Так оце-то та богиня!»

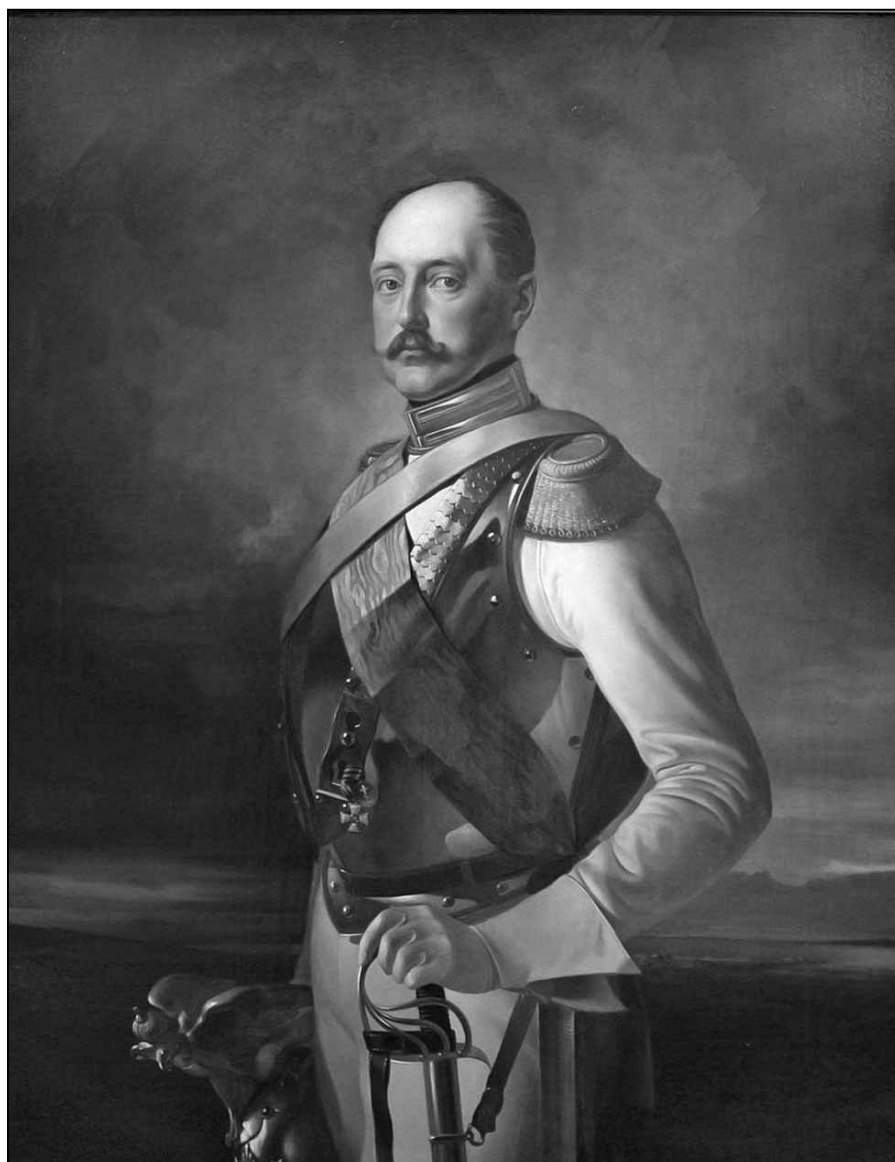
Когда Николай I прочел эти строки, то пришел в страшный гнев, и вот его собственные слова:

«Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?»

А действительно — за что?

Семейное счастье и без пасквилей омрачало ее расстроенное здоровье (она выносила семерых детей) и невозможность приспособ-

*Император
Николай I*

биться к климату Петербурга. Из-за частых болезней Александра Федоровна была вынуждена уезжать лечиться на европейские курорты.

Идиллия действительно внезапно закончилась, причем совсем скоро, всего через несколько лет, и совсем не так, как предполагалось. Александр скоропостижно и загадочно скончался в Таганроге, Константин от престола официально отрекся. Сбылся худший кошмар великих князя и княгини: начиналось их царствование. А, следовательно, себе они

больше не принадлежали, и из Аничкова дворца, столь милого их сердцам, вынуждены были переселиться в чопорный и холодный Зимний дворец.

Когда из Таганрога пришла страшная новость, Александра написала в своем дневнике:

«Николай немедленно принес присягу императору Константину. Совет сделал ему упреки, показал волеизъявление императора Александра, но Николай не переменил своего решения, он знал, что делал».

Действительно, Николай считал невозможным воспользоваться неопубликованным манифестом об отречении Константина от престола, к тому же он знал, что гвардейские войска в Петербурге не хотят видеть его императором. Константин, находившийся тогда в Польше, узнав о присяге Николая, написал ему письмо, где сказал, что отрекся от престола еще при жизни Александра.

Так как это было частное письмо, а не официальный документ, никакой юридической силы оно не имело, поэтому Николай попросил Константина приехать в Петербург и лично объявить о своем отречении. Константин отказался, тогда Николай сам объявил о своем вступлении на престол.

«Все, кто были очевидцами этих событий, находили, что государь был слишком терпелив, что ему следовало прибегнуть к пушкам. Я же так хорошо понимала, что должно было происходить в сердце моего Николая. Все дивились его спокойствию, его хладнокровию, его кротости, но хотели, чтобы он скорее приступил к решительным действиям, — писала Александра Федоровна в своем дневнике. А так как вскоре Николай все же перешел к решительным действиям, последствия которых всем хорошо известны, она добавляла: — Я так взволнована! Господь видит это. Еще бы, столица и такие казни — это вдвойне опасно! Счастье, что я осталась здесь, но я бы хотела знать, как все пойдет

дальше. Да сохранит Господь священную жизнь моего Николая! Я бы хотела, чтобы эти ужасные два дня уже прошли... Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты... О, если б кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен».

При получении страшного известия Шарлотта бросилась в придворную церковь молиться о благополучии своего семейства. От пережитого волнения у нее развились тик лица и нервная болезнь, из-за которой пришлось несколько раз откладывать коронацию.

А позже, узнав о том, что жены декабристов поехали вслед за мужьями на каторгу, она воскликнула: *«О, на их месте я поступила бы так же!»* По воспоминаниям историков, Александра Федоровна просила супруга помиловать декабристов, но он наотрез отказался, напомнив ей, что эти люди хотели убить их детей.

Коронация Николая I и Александры Федоровны состоялась 22 августа 1826 года в Успенском соборе Кремля. Во время коронации на императрицу был возложен орден Андрея Первозванного.

Для супругов началась совсем иная жизнь. Придворные вспоминали:

«Трудовой день императрицы начинается с раннего утра смотрами и парадами. Затем начинаются приемы. Императрица уединяется на четверть часа, после чего отправляется на двухчасовую прогулку в экипаже.

Далее, перед поездкой верхом, она принимает ванну. По возвращении — опять приемы. Затем она посещает несколько состоящих в ее ведении учреждений или кого-либо из своих приближенных. После этого сопровождает императора в один из лагерьей, откуда спешит на бал. Так проходит день за днем, подтачивая ее силы. Поговаривают, что у нее чахотка, и опасаются, как бы зима

в Петербурге не оказалась роковой для ее здоровья, но ни за что на свете она не решится провести шесть месяцев вдали от императора».

Болезненная и инфантильная, Александра Федоровна мало интересовалась государственными делами. Она вела активную светскую жизнь, с 1828 года стала попечительницей благотворительных учреждений, перешедших в ее ведение после

Александра Федоровна с цесаревичем Александром и великой княжной Марией

смерти свекрови — жены Павла I, императрицы Марии Федоровны. Государыня была также покровительницей Императорского женского патриотического общества и Елизаветинского института. Ее именем назван Александринский театр в Санкт-Петербурге.

Николай I окружал супругу вниманием и любовью, создав настоящий культ «белой дамы» (символом императрицы была белая роза). Но его мимолетные увлечения приносили ей сильную душевную боль. Она умела владеть собой, скрывать под маской безоблачного счастья обиды и слезы, старалась казаться здоровой и веселой, когда ее мучила лихорадка. Маркиз де Кюстин в

Нервные конвульсии безобразили черты ее лица, заставляя иногда даже трясти головой. Ее глубоко впавшие голубые и кроткие глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием. Она так слаба, что кажется совершенно лишенной жизненных сил. Жизнь ее гаснет с каждым днем; императрица не принадлежит больше земле...»

Здоровье Александры Федоровны так и не восстановилось полностью после декабрьского восстания дворян и гвардии. Усугубили дело и частые роды. В 1832 году она родила своего седьмого ребенка.

Вот полный список детей венценосной четы:

Сбылся худший кошмар великих князя и княгини: начиналось их царствование. А, следовательно, себе они больше не принадлежали, и из Аничкова дворца, столь милого их сердцам, вынуждены были переселиться в чопорный и холодный Зимний дворец. От пережитого волнения у Шарлоты развились тик лица и нервная болезнь, из-за которой пришлось несколько раз откладывать коронацию

1839 году отмечал, что в свои сорок лет государыня выглядит гораздо старше своего возраста:

«Императрица обладает изящной фигурой и, несмотря на ее чрезмерную худобу, исполнена, как мне показалось, неопикуемой грации. Она была сильно взволнована и казалась мне почти умирающей.»

1. Александр Николаевич, будущий император Александр II (1818–1881), женат в первом браке на Марии Гессенской и во втором,morganaticком браке, на княжне Екатерине Долгоруковой.

2. Мария Николаевна (1819–1876), замужем в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенберг-

*Портрет
семьи им-
ператора
Николая I
в средневе-
ковых
костюмах*

ским и во втором, мorganатическом, за графом Григорием Строгановым.

3. Ольга Николаевна (1822–1892), замужем за вюртембергским королем Карлом I, умерла бездетной.

4. Александра Николаевна (1825–1844), замужем за ландграфом Фридрихом Гессен-Кассельским, сконча-

лась при родах через год после замужества.

5. Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), женат на принцессе Александре Саксен-Альтенбургской, оставил потомство.

6. Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891), женат на принцессе Александре

*Вдовствующая императрица
Александра Федоровна.
Портрет кисти Винтерхальтера*

Ольденбургской, оставил потомство.

7. Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), женат на Цецилии Баденской, оставил потомство.

Доктора всерьез опасались за жизнь матери и вынесли вердикт: еще одни роды убьют женщину. В те времена это означало полное прекращение супружеских отношений.

Николай Павлович был к тому времени еще сравнительно молод, поэтому начались сначала мимолетные интрижки (причем, как ни удивительно, с разрешения самой императрицы), а потом он встретил Варвару Нелидову, связь с которой продолжалась 17 лет, до самой смерти государя в 1855 году. Она родила ему троих детей.

Но и законную жену Николай по-прежнему обожал. В 1845 году, когда врачи велели Александре Федоровне ехать для поправки здоровья на юг, в Палермо, казавшийся нестигаемым император умолял их со слезами:

— Оставьте мне мою жену!

Не в силах вынести разлуку, он совершил путешествие на Сицилию. В сопровождении... фрейлины Нелидовой, с которой императрица к тому времени смогла наладить отношения. И не просто наладить. Варвара стала одной из любимых фрейлин Александры Федоровны.

Варенька была очень красива, и она питала к Николаю глубокие и искренние чувства. Но никогда не пользовалась своим положением, была скромна, скрывала эту связь, чтобы еще больше не травмировать законную жену императора, и никогда не претендовала на первые роли в жизни государя, более того, по неизменному правилу, он проводил все ночи в супружеской кровати, рядом с Александрой Федоровной.

В 1837 году Николай начал для супруги строительство приморского

дворца в Ореанде, однако там Александра Федоровна, искренне любившая Крым, побывала лишь однажды. С годами она предпочитала все больше времени проводить на Лазурном берегу.

В 1855 году Николай Павлович принимал парад в легком мундире, будучи при этом уже болен простудой, и у него развилось воспаление легких. В то время умели диагностировать эту хворь, но не лечить ее. Государь был обречен. И окружающие это знали.

Императрица, не отходившая от ложа больного мужа, как-то спросила у него, не желает ли Николай про-

заплакали о том, кого обе так преданно и самоотверженно любили.

Через год после кончины Николая I Александра Федоровна затворилась в Александровском дворце и на протяжении пяти лет носила титул вдовствующей императрицы. Она была окружена избранными любимыми фрейлинами, читавшими ей на ночь Шиллера и Гете; среди них была и Варвара Нелидова.

Здоровье государыни окончательно пошатнулось после кончины царственного супруга. Она не переставала болеть, и 20 октября 1860 года тихо скончалась в Царском Селе на 62-м году жизни.

Когда Николай I скончался, Александра Федоровна сама позвала к себе Нелидову, сняла со своей руки дорогой браслет с портретом мужа и со слезами надела его на руку Варвары. Женщины обнялись и горько заплакали о том, кого обе так преданно и самоотверженно любили

ститься с некоторыми близкими ему людьми, при этом имя Варвары Нелидовой было названо одним из первых. Он благодарно пожал ее руку, но ответил, что не должен более видеть Варвару, и велел жене попросить у той за него прощения.

Когда все было кончено, Александра Федоровна сама позвала к себе Нелидову, сняла с собственной руки дорогой браслет с портретом мужа и со слезами надела его на руку Варвары. Женщины обнялись и горько

Варвара Нелидова пережила ее на 37 лет, успев застать коронацию правнука подруги, ставшего последним русским императором.

P.S. Интересно, что благодаря Александре Федоровне в России появился новый символ семейного праздника — рождественская елка. Лесную красавицу впервые убрали в канун Рождества 1817 года в Московском Кремле, где зимовала тогда императорская семья, специально для супруги Николая I. □

В следующей жизни, когда я стану кошкой

1

Человек заглянул к ней в палату после утреннего обхода, — улыбчивый, темноволосый, в белом халате поверх элегантного костюма.

— Добрый день, Глория! Не стану спрашивать, как вы себя чувствуете, понимаю, что вопрос неуместен. Но я рад вас увидеть, я большой поклонник вашего таланта, вашего голоса...

Утренняя доза обезболивающего пока действовала, поэтому она смогла улыбнуться и ответить:

— И моего денежного счета, вероятно. Будете уговаривать опробовать нетрадиционные методы лечения где-нибудь в гималайской клинике? Не трудитесь. Я и так урвала почти пять лет жизни после первого «смертного приговора». Достаточно, чтобы поблагодарить медицину и на этом закончить, господин... э-э-э...

— Чандракант. О нет, я не собираюсь вам врать. Вылечить вас или хотя бы подарить еще месяц жизни не в моих силах. Я предлагаю другое, для чего ваши деньги не понадобятся. Интересное приключение напоследок.

Ему все-таки удалось ее удивить!

— Приключение? — Она указала взглядом на то, что операции и химиотерапия оставили от ее тела. — Для меня сходить по нужде без посторонней помощи — уже приключение!

— Скажем иначе: я предлагаю вам принять участие в научном эксперименте. Вы ничего не теряете, но можете приобрести необыкновенные впечатления.

Особой привязанности к кошкам я никогда не испытывал. Ни родители мои, ни сам я не держали в квартире этих хвостатых, полосатых прыгунчиков. Поэтому объявление «Требуется смотритель в частный зооотель для элитных кошек» скорее всего, пропустил бы, если б глаз не задержался на требованиях, предъявляемых к соискателям. Такое ожидаешь увидеть при найме начальника отдела охраны средних размеров компании, а не сотрудника зоопарка, как бы он ни назывался. Я, офицер полиции в отставке Артур Стевич, одинокий, физически здоровый, имеющий опыт, владеющий навыками и еще многим чем, подходил под эти требования идеально. Посмеиваясь над собой — ишь, кошачий нянька выискался! — отправил резюме. Посмеиваясь, прочитал приглашение на собеседование, посмеиваясь, прошел его. Я мысленно подтрунивал над собой, даже когда подписывал контракт, согласно которому мне предстоит провести полгода на затерянном в Эгейском море островке в компании тринадцати четвероногих питомцев. Смеяться перестал лишь тогда, когда вертолет высадил меня на бетонной площадке перед окруженным оливами и кипарисами одноэтажным строением, и улыбочивый, словно сросшийся с элегантно серым костюмом и туфлями из крокодиловой кожи господин Чандракант повел к вольерам знакомить с подопечными.

Честно говоря, элитных кошек я себе представлял по-другому: нечто мелкое, в рюшечках и бантиках, наподобие дамских собачек. Серые, рыжие, серебристые, пятнистые и полосатые существа, взирающие на меня из-за сеток вольеров, были совсем не мелкими. Полметра в холке, весом по двенадцать-пятнадцать килограммов, они могли поспорить со средними размерами псами. Когда выяснилось, что питаются эти коты отнюдь не кормом из пакетиков, а сырым мясом и рыбой, мне сделалось не по себе. В бытность свою полицейским я не боялся выходить против вооруженного психопата, но остаться в одиночку с чертовой дюжиной хищников...

Но все же это были домашние кошки, пусть и необычные — гибриды, выведенные скрещиванием с дикими родичами, — они с рождения привыкли жить рядом с человеком, получать пищу из его рук. Господин Чандракант открыл дверь вольера, поманил меня внутрь, и я понял — никакой опасности нет. Любого из питомцев можно запросто погладить и получить в ответ довольное мурлыканье, а не откушенный палец. К тому же контракт подписан, и работа предстоит несложная: кормежка два раза в день, уборка,

гигиенические процедуры в виде регулярного вычесывания и купания. Также в обязанности смотрителя входило следить за исправностью регистрирующей аппаратуры, натыканной везде по острову, выходить на связь с «материком» в указанное время, готовить доклады владельцу зооотеля и раз в неделю принимать доставляемые вертолетом продуктовые посылки для кошек и себя.

Напоследок меня загрузили гигабайтами информации — внушительное досье на каждого подопечного — пожелали успехов и улетели. Уже садясь в вертолет, господин Чандракант посоветовал: «Не расслабляйтесь, Артур! Если заметите или почувствуете что-то странное, не ждите сеанса связи, вызывайте меня немедленно!» Я покивал и тут же этот совет забыл. Вспомнил о нем лишь два месяца спустя.

2

В 19.00 он окончательно убедился, что нужную сумму не собрать. Никакую не собрать! В 19.40 стало ясно, что из города ему не улизнуть, слишком плотно «пасли». В 19.50 он вернулся в свою берлогу, протопал на кухню, порылся в шкафчиках. «Джека Дэниэлса» осталось на полстакана — неприятное открытие, он рассчитывал на полный. До магазина рукой подать: спуститься и перейти через дорогу, но сделать это ему не позволят. Потому что на часах 19.57. Три минуты до установленного Бумбоксом крайнего срока. Самого крайнего.

Он поставил стакан с виски на стол, вытащил пистолет, положил рядом. Сел. Он знал, как Бумбокс поступает с должниками, поэтому лучше все сделать самому. «20.00» — высветилось на циферблате. Пора! Он опрокинул в себя алкоголь, не ощутив ни вкуса, ни крепости. Быстро, не оставляя времени на колебания, прижал дуло к виску, нажал на спусковой крючок. Щелк...

Не веря себе, он осмотрел пистолет. Снова приставил к виску — далось это уже куда труднее, — нажал. Щелк. Щелк. Щелк...

Дверь квартиры отворилась. Бумбокс вразвалочку прошествовал по коридору, остановился, ухмыляясь во всю свою щекастую физиономию. Громилы выглядывали из-за спины хозяина. Стволы ни один из них достать не удосужился.

— Что, никак? — участливо спросил Бумбокс..

Он выругался, выдернул из пистолета обойму. Пусто! Когда успели?!

— Тарзан, ты, в самом деле, думал отделаться так легко? — укоризненно покачал головой Бумбокс. — Тем более, когда на твои мозги нашелся покупатель. Представить только, на твои сраные мозги — покупатель! Конечно, сумма и четверти долга не покроет, но лучше так, чем никак. — Он обернулся к громилам: — Пакуйте, повезем этого «жмура» к индусу.

Первым меня обманул Тарзан, длинноногий обжора-хауси, вечно прашивающий добавку. Он так умел ластиться, так самозабвенно терся лобастой башкой о мои ноги, будто уговаривал: «Артур, посмотри, какой я большой! Что мне эта крохотная порция? Дай еще хоть кусочек!» В конце концов, я не выдержал. Перекармливать гибридов не рекомендуется, но один разочек погоды не сделает!

Я отвлекся буквально на несколько секунд, а когда захлопнул контейнер с кормом, Тарзан уже поддел лапой дверь вольера, распахнул ее и деловито устремился к оливковой роще.

— Э, друг, мы так не договаривались! — закричал я. — Вернись на место, я тебе дам еще еды!

Кот и ухом не повел. Я выбрался из вольера, догнал его. Хотел схватить и отнести обратно, но тут Тарзан покосился на меня желтым глазом. На миг показалось, что я слышу его предупреждение: «А вот этого делать не стоит, Артур!» Я глупо хихикнул и согласился с котом — не стоит.

Вел себя Тарзан паинькой, никуда не убежал, не прятался, позволял вычесывать, купать, даже корм из кладовой стащить не норовил. Единственно, категорически отказывался заходить в вольер, сидел напротив и, хитро щурясь, наблюдал, как я занимаюсь с его собратьями. Поэтому господину Чандраканту о происшествии я не доложил. А два дня спустя обнаружил, что бок о бок с Тарзаном по острову гуляет Примадонна.

Руку даю на отсечение, что ее я не выпускал! Больше того, дверь вольера оказалась заперта, и ключ от замка по-прежнему висел у меня в связке на поясе. Тем не менее, Примадонна была на свободе.

Ничего страшного опять-таки не случилось, парочка вела себя прилично. Было забавно наблюдать, как серовато-бурый проныра, унаследовавший окрас и повадки от папаши — камышового кота, пытается ухаживать за аристократкой-подружкой, золотисто-оранжевой с черными кисточками на ушах самочкой каракат.

Забавно мне было ровно неделю. Пока, выйдя утром из домика, я не увидел, что двери вольеров отперты, и кошачье племя сидит полукругом возле крыльца, терпеливо дожидаясь завтрака.

— Как ты это сделал, а?! — заорал я на Тарзана. — Как ты это сделал?!
Словно кот и впрямь мог ответить.

Впрочем, если отперты были все вольеры, то пустовали не все, двое четвероногих оказались на месте. Я подбежал к клетке Профессора, распахнул дверь настежь и рявкнул:

— А ты кого ждешь?! Марш к остальным!

Этого котяру я недолюбливал. В отличие от прочих он был себе на уме. Делать с собой позволял все, что требуется, но никогда не ластился, не мурлыкал. И смотрел так внимательно, что мурашки по коже бегали.

Вот и сейчас — взглянул на меня и отвернулся. И кто из нас двоих разумное существо? Мне стало стыдно за свою вспышку глупой ярости, и к вольеру Девочки я подошел почти с виноватым видом. Открыл дверь, предложил:

— Выходи, чего уж там.

«А можно? — спросила она. — Ты не будешь сердиться?»

3

Непроглядная, липкая, тягучая темнота обволакивала ее, не позволяла шевельнуться, мешала дышать. Это и есть смерть, она умерла? Память услужливо вернула натужное чихание двигателя, заглохшего в самый неподходящий момент, слепящие фары-прожектора, накатывающий рев локомотивного гудка, разом заглушивший смех и болтовню девчонок...

Нет, не умерла — сквозь вязкую темноту пробивались голоса:

— Могу сообщить, что мозг вашей дочери не пострадал. Но это единственная хорошая новость.

— Доктор, если нужна операция, мы найдем деньги, найдем доноров! Для нашей девочки мы все сделаем! Скажите, какие органы надо пересадить?

— Вы не поняли меня. Пересаживать потребовалось бы все. Современная медицина пока не достигла такого уровня, увы. Но, если вы действительно готовы... Существует организация, занимающаяся, так сказать, «медициной будущего».

— Они помогут, спасут нашу девочку?! Надежда все-таки есть?

— О нет, спасти вашу дочь не могут и они. Но сохранить какую-то часть ее сознания...

Я проснулся и ощутил, что от выступившей испарины постель промокла насквозь. За окном темно, но это не та темнота, что была в моем сне. В моем? Черта с два! Несколько ночей к ряду я вижу сны, не имеющие к Артуру Стевичу, бывшему полицейскому шестидесяти восьми лет от роду, никакого отношения, а днем слышу голоса в голове. Но я не сошел с ума, нет! Я догадываюсь, чьи это сны и чьи голоса.

В ногах живая теплая тяжесть. Девочка ворочается, мурчит, словно извиняясь. Я сажусь, осторожно провожу рукой по холке, глажу мягкую шерстку и спрашиваю:

— Кто ты? Кто вы такие на самом деле?

«Не знаю», — честно отвечает она.

Я внезапно сообразил, что и сам ничего не знаю о владельце «зооотеля», тем более, о его обитателях. История с получением вакансии смотрителя так походила на сказку, что мое профессиональное чутье дало сбой. «Полноте, какие загадки, что тут расследовать? Это всего-навсего зоопарк!» И лишь задним числом я задумался о вопиющих несоответствиях и странностях, мимо

которых прошел, потешаясь. Теперь докопаться до истины гораздо труднее. Если вообще возможно. На острове в моем распоряжении имеется компьютер, полный информации о кошках. Но доступа к Интернету в нем нет. Единственная связь с внешним миром — выделенный канал VPN, на противоположном конце которого сидит улыбчивый господин Чандракант. «Если заметите или почувствуете что-то странное, не ждите сеанса связи. Вызывайте меня немедленно!» — предупреждал он. Заметил ли я странное? Конечно. Почувствовал? Еще как! Однако поднимать тревогу я не стал. Прежде всего, потому, что не знаю, какую роль играет сам господин Чандракант во всей этой истории.

Очередной сеанс связи я постарался провести максимально обыденно, ничем не выделив его из череды предыдущих. Ближе к концу поинтересовался, как бы между прочим:

— Скажите, нельзя ли решить вопрос с Интернетом?

— У вас появилось много свободного времени? Нечем себя занять? Без социальных сетей не могу, да, Артур?

— Какие там сети! Что в мире творится, хотелось бы узнать. А то ведь у меня здесь ни телевизора нет, ни радио, ни даже газет. Сижу два месяца, как Робинзон на необитаемом острове, одичаю скоро, — улыбнулся я.

— Заскучали, значит, — ответил улыбкой на улыбку господин Чандракант. — И от скуки выпустили животных из вольеров?

Я прикусил язык. Мои кошки вторую неделю свободно ходят по острову, на «Большой земле» об этом, несомненно, знают — регистрирующая аппаратура работает исправно, но вопросов ни разу не задали. Пока я сам не напросился.

— Зачем вы открыли вольеры? — развивал контраступление мой собеседник. — Это ведь вы их открыли?

— Разумеется! Не кошки же! — засмеялся я, стараясь, чтобы смех выглядел натуральным.

— Вот и объясните, что вас на это подвигло. Вы обязаны докладывать обо всем. Не забыли?

— Ну... — Я лихорадочно возводил линию обороны. Иногда самая лучшая ложь — правда. — Честно говоря, у меня один кот сбежал из клетки. Я сначала пробовал его загнать обратно, но сразу не получилось. А так как он не шкодил, не баловал, я разрешил ему погулять. Потом он выпросил, чтобы я пустил к нему кошку. Я подумал, почему нет, раз природа требует? Ничего дурного из этого не выйдет — я читал, что самцы-гибриды стерильными рождаются, верно ведь? Потом прикинул: зачем их в вольерах держать, когда весь остров для них и есть вольер? Это же не дикие хищники! Домашние кошки, только крупные. Пусть себе гуляют, какой от них вред? Между собой они ладят, мне не мешают, умные, понятливые. Понятливее некоторых людей будут!

Чандракант подался к «глазку» видеокамеры:

— В чем именно проявляются их ум и понятливость?

— Так... говоришь им, они понимают, слушаются.

— И отвечают, да? Как они вам отвечают?

— Да как они могут ответить? Мурчат, когда гладишь, мяукают, когда просят что-нибудь. Не разговаривают же! Вы сами все видите и слышите, у вас аппаратура по всему острову!

— Правильно, разговорной и письменной речью они не владеют. Но как-то с вами общаются. Как они на вас воздействуют? Это ведь они убедили вас открыть вольеры, а теперь хотят получить доступ к Интернету?

Я захохотал, чувствуя, как промокшая от холодной испарины майка прилипает к спине.

— Что вы такое мелете?! Это просто кошки!

Он рассматривал меня долго, пристально. Улыбнулся. Белоснежные зубы на смуглом лице. Улыбка его была такой же искусственной, как мой смех.

— Да, это просто кошки. А газетами мы вас обеспечим, Артур, не волнуйтесь. До связи!

Экран скайпа закрылся. Я шумно выдохнул, встал со стула, обернулся. И невольно вздрогнул — за моей спиной сидели Примадонна с Тарзаном и весьма неодобрительно смотрели на меня.

Я присел перед ними на корточки, заглянул в желтые кошачьи глаза и тихо проговорил:

— Кто вы такие, а? Откуда вы взялись? Что здесь вообще творится?

«Не знаю», — ответил Тарзан у меня в голове.

«Мы не знаем, — подтвердила Примадонна. — Нас использовали. Он знает».

Дружно, как по команде, кот и кошка повернули головы к двери. На пороге стоял Профессор.

4

Он не верил собственным ушам.

— Что значит «немедленно прекратить эксперименты», «ликвидировать лабораторию», «уничтожить результаты»? Я отдал этим исследованиям шесть лет жизни! Вашему фонду отдал, между прочим! Кто мне их вернет? Вы в своем уме, чтобы предлагать такое?

Его визави поджал губы. Директор фонда, ворочающего миллионами, не привык, чтобы с ним так разговаривали.

— Это вы, профессор, не отдаете себе отчета, во что нас втянули. Если пресса докопается до сути ваших вивисекторских экспериментов... Нет, речь не о финансовом крахе. Мы сядем за решетку на очень, очень большие сроки! В лучшем случае.

Он схватился за голову. С каждой минутой разговор становился все бредовее.

— Не понимаю, о чем вы? Какая вивисекция? Мы пытаемся приоткрыть человечеству дверь в бессмертие. Да, первый шаг — трудный и опасный, сделать его должны исключительно добровольцы, которым... — До него внезапно дошло. Он уставился на директора, боясь поверить догадке: — Они не добровольцы? Кого вы мне поставляли? Кто эти люди?!

— Какая вам разница, кто они? В любом случае, вы их всех благополучно умертвили.

— Неправда! Признаю, первые две серии экспериментов с обезьянами и собаками оказались неудачными. Но результаты третьей обнадеживают. Все двенадцать реципиентов живы и здоровы...

— Да, эти ваши кошки-переростки оказались живучими, — презрительно скривил губы директор. — И что из того? Хоть одна из них демонстрирует признаки разумного поведения? Профессор, пора признать — ваши идеи несостоятельны.

— Трех месяцев не прошло от начала серии. Срок ничтожный, а мы так мало знаем о когнитивных функциях мозга! Где и как проявятся следы интеллекта? Нельзя торопиться. В любом случае, ничем предосудительным лаборатория не занимается. Если мы обратимся к мировому сообществу...

— Об этом не может быть и речи! Вы и ваши сотрудники дали подписку о неразглашении.

Ответ прозвучал так быстро и резко, что он запнулся и внимательно посмотрел на собеседника:

— Скажите, кто на самом деле финансирует фонд? Правительство? Военные? Или...

— Вас, профессор, это не касается ни в малейшей степени. Вам дали деньги и ожидали результат. Результата нет — и денег больше нет.

Деловой подход. Следовательно, не военные. Впрочем, собственные армии у них тоже имеются. Когда шесть лет назад он начал работать с биофизическим механизмом информационного взаимодействия живых объектов, будущее представлялось совсем иначе.

Основной объем информации в живом мире передается низко интенсивными электромагнитными полями. Частотный диапазон их у биологического объекта достаточно широк: ультрафиолетовое митогенетическое излучение, инфракрасное излучение структур клетки, излучение клеточных диполь-осцилляторов в КВЧ-диапазоне. Суммируясь по принципу суперпозиции, цепной реакции инициации, молекулярного и клеточного агрегатирования, эти поля в конечном итоге создают собственное интегративное поле объекта. Отображение его есть потенциалы, наводимые на поверхности кожного покрова в рефлексогенных зонах. Заманчивая идея: снимать разности биопотенциалов и модулировать ими несущий электромагнитный сигнал для облучения другого биологического объекта. Его предшественники в таких экс-

периментах пытались добиться телепатии. Безрезультатно. Они уподобились Колумбу, в поисках золота Индии и Китая открывшему новый континент. Транслируя интегративное электромагнитное поле человеческого мозга, нельзя передавать мысли на расстоянии. Но если правильно подобрать частоту несущего сигнала, то на приемнике возникает эффект резонанса. Как итог — индукция донорского сознания у реципиента.

Идеально было бы использовать в качестве приемника человеческий мозг. Однако такой возможности нет: реципиент должен быть физически здоров, не являясь при этом самодостаточной личностью. Человечество пока морально не готово снять «табу» на выращивание клонов, даже для начала подобной дискуссии требуются веские доказательства. Поэтому он попробовал подбирать для экспериментов животных, структура мозговой активности которых максимально близка человеческой. И когда появилась надежда на успех, все полетело в тартарары.

— Послушайте, — снова заговорил он, стараясь аккуратно подбирать слова. — Я понимаю, что видимых для неспециалиста результатов у нас пока нет. Но фонд вложил в исследования колоссальные деньги. Списывать их на убытки, когда вероятность получить прибыль остается, — мне кажется, это неправильно. Если не ставить новые опыты, средств на содержание реципиентов, на наблюдение за ними потребуется не так уж и много.

Директор долго молчал. Наконец кивнул:

— Хорошо, правление обсудит возможность сохранения полученных образцов. Но лаборатория будет ликвидирована в любом случае! На этом наш разговор закончен. Если у вас нет более весомых аргументов.

Весомый аргумент был, он уже догадывался, каким образом даст о себе знать заточенное в мозг зверя человеческое сознание, — кое в чем предшественники не ошиблись. Но он промолчал. Весьма вероятно, что истинные цели хозяев фонда не совпадают с декларируемыми.

Вертолет прилетел как обычно в субботу в первой половине дня, когда мои подопечные спят после сытного завтрака. Я подождал, пока останутся винты, и направился к нему, чтобы принять посылку. Но вместо посылки на бетонные плиты прыгнул бритоголовый верзила в разгрузочном жилете, темных очках и с автоматом наперевес. Я попятился, открыв рот в изумлении. За верзилой из вертолета выбрался господин Чандракант, как всегда элегантно одетый, в руке — небольшой серый кейс. Стряхнул с пиджака невидимую пылинку и двинулся ко мне. Последним появился пилот, незнакомый и тоже вооруженный. Вовсе не тот парень, что привозил мне контейнеры с продовольствием.

— Здравствуйте, Артур! — Чандракант наградил меня ослепительно-дежурной улыбкой. — Как у вас дела? Все в порядке? Ничего странного на острове не происходило? Где сейчас кошки?

— Д...да, нормально, ничего странного. Кошки — в оливковой роще, спят.
— Замечательно!

Он прошел мимо меня к домику. Я поспешил следом. Верзила топал за мной по пятам, словно конвоируя. Пилот отстал, внимательно осматриваясь вокруг. Руки он держал на автомате.

— Послушайте, — окликнул я Чандраканта, — что все это значит? Кого вы привезли?

— Это зоологи, ветеринары. Прилетели осмотреть животных.

— С автоматами?!

— Вы же выпустили зверей из вольеров. Они опасаются за свое здоровье.

— Вы меня за дурака держите?!

Чандракант развернулся на каблуках. И тени улыбки не было на его лице.

— Нет, это вы нас считаете дураками, раз решили, что способны водить за нос, господин бывший полицейский. — Он снова отвернулся, шагнул к двери и скомандовал через плечо: — Следуйте за мной!

Зайдя в кабинет, Чандракант положил кейс на стол, сел за компьютер, включил. Пальцы живо забегали по клавиатуре, на экране вспыхнуло множество крохотных окошек с видеостримами от камер наблюдения. Я и не знал, что у меня есть такая программа... Еще несколько манипуляций, и одно окошко распахнулось на весь экран. Это была не прямая трансляция, а запись. Я сразу узнал картинку: мы с Профессором сидим на пороге этого самого кабинета, уставившись друг на друга, при этом видок у меня еще тот, куда глупее, чем у черного серенгети.

— Что он вам рассказал? — Чандракант ткнул пальцем в экран. — Ну же, выкладывайте! Вы подписали обязательство подробно сообщать обо всем, что здесь будет происходить. В первую очередь — о странном. Или, по-вашему, в котях, владеющих телепатией, ничего странного нет?

Отпираться было бессмысленно, однако и отвечать на вопросы этого мерзавца я не собирался. Поэтому засунул пальцы в задние карманы шорт, задрал подбородок и объявил:

— А вы у него спросите.

— Спросим. Несите сюда этого Профессора, оценим его умственные способности.

Имя кота он произнес с таким презрением, что у меня кулак зачесался. Но я сдержался, не врезал по холеной физиономии, только головой покачал:

— Нет. Коты — существа независимые. Если вам что-то надо от него, идите, ищите, уговаривайте. Я с вами сотрудничать не собираюсь. Боюсь, потом мыла не хватит отмыться.

— Даже так?.. Хорошо, как скажешь, старик. Сами справимся.

Чандракант открыл кейс, в котором лежал пневматический пистолет и снаряженные ампулами дротики к нему, зарядил и пошел к двери. Опомнившись, я бросился за ним:

— Эй, стойте! Что вы собираетесь делать?!

На крыльце домика нас поджидал верзила, вода взглядом по оливковой роще, что начиналась сразу за вольерами. Коты, будто почуяв неладное, попрятались, ни одной пятнисто-полосатой шкуры не видно.

— Пошли, поохотимся, — кивнул своему подчиненному Чандракант. — Запомни: меня интересует черный длинноухий. Остальных — в расход.

— А этого?

— И этого, разумеется.

Что они говорят обо мне, я понял только тогда, когда ствол автомата повернулся в мою сторону. Но поверить не мог, не успевал. Предпринять что-нибудь — тем более. А потом завертелось...

Как он сумел подобраться? Здоровенный шерстяной ком сиганул с крыши домика на верзилу, очки отлетели в сторону, сильные лапы обхватили голову, когти вошли точно в глазные яблоки. Никогда прежде я не слышал, чтобы здоровый мужик в центнер весом так визжал. Верзила опрокинулся навзничь, вцепился в кота, оторвал его от себя, отшвырнул, схватился за лицо, вернее, за то, что от него осталось. Тарзан приземлился на лапы, как и подобает бойцовому коту. Развернулся, опять бросился в атаку... Короткая автоматная очередь сбила его на лету — пилот, затаившийся у вольеров, стрелял метко.

Пусть мозг мой пребывал в ступоре, но инстинкты полицейского работали четко. Я сообразил, что уже не стою столбом, а лежу за крыльцом скорчившись и вжав голову в плечи. Крыльцо и приняло вторую очередь, предназначенную мне, — щепки разлетелись веером.

Стрелять снова, тратить патроны зря пилот не захотел — знал, что я безоружен. Быстро двинулся к домику, и с каждым его шагом жить мне оставалось все меньше и меньше. Автомат верзилы лежал в метре от меня, но... поди, дотянись!

Золотистая молния с черными кисточками на ушах метнулась из рощи к пилоту. Примадонна бежала так быстро, как могла, но шансов на открытой со всех сторон площадке у нее не было. Сейчас пилот периферийным зрением уловит движение, обернется... Она не захотела ждать, пока ее заметят, закричала сама. Не думал, что кошки могут так кричать. Почти как люди.

Пилот присел от неожиданности и выстрелил — длинно с разворота. Пули сыпанули веером, выбивая столбики бетонного крошева, насквозь дырявя золотистую шкурку...

Дотянуть очередь до крайних олив пилот не смог — закончились патроны в магазине. Он отщелкнул его... Но теперь и у меня в руках был автомат.

Я выстрелил по ногам, как положено, как стрелял, когда был на службе. Но от души! Пилот рухнул на бетон, корчась от боли.

— Брось оружие! — приказал я.

Он и не подумал подчиниться. Рыча от ярости, потянул свежий магазин из разгрузки.

Попытаться счастья в дуэли ему не позволили. Потому что рядом с ним уже был Сержант — супергибрид, помесь саванны и сервала, восемьдесят процентов дикой африканской крови. Один удар мощной лапы, и автомат отлетел в сторону. Четко выверенное движение — когти нашли яремные вены. Наемник захрипел.

— Нет, Сержант, нет! — заорал я. — Оставь его!

Кот повернул голову, и наши взгляды встретились. «Слушаюсь, командир».

Господина Чандраканта я нашел в двадцати шагах от вертолета, но расстояние это ему было ни за что не преодолеть. Он стоял, окруженный кошачьим кольцом. Костяшки пальцев, сжимающих рукоять пистолета, побелели, смуглое лицо стало пепельным. О, начальник специального отдела фонда «Новая надежда» прекрасно понимал, что с ним случится после первого же выстрела.

— Бросьте оружие! — потребовал я.

— Уберите кошек! — завизжал он в ответ. — Уберите их! Прикажите им замолчать!

— Оружие! — напомнил я.

— Послушайте, Артур, мы можем договориться! Уберите кошек, и мы все решим! Вам не сбежать с этого острова, не устоять в одиночку против организации! У вас нет шансов!

— Это если я послушаюсь вас, тогда у меня точно не будет шансов, — покачал я головой. — И с чего вы взяли, что я один?

Он сломался. Пистолет брякнул о бетон, губы задрожали, по щекам потекли слезы.

5

Звонок директора застал его в гараже на полпути от лифта к машине.

— Профессор, зачем вам понадобилось досье этих людей? — Лед в голосе не сулил ничего хорошего.

Он ответил не сразу. Добыть личные дела участников эксперимента, числившихся добровольцами, было не просто, но он сумел. Спецотдел фонда не гнушался ничем, «собирая материал»: обманывали родственников, подкупали персонал частных клиник и военных госпиталей. Даже якшались с работоторговцами! Лишь малая часть людей согласилась участвовать в опытах действительно добровольно. Самое страшное, далеко не

все они были обречены, не все стояли на пороге смерти... пока не попадали в лабораторию.

— Мне стало любопытно, на какие мерзости способен человек, — произнес он наконец.

— Удовлетворили любопытство? Как собираетесь использовать полученные знания?

— Не беспокойтесь, журналистам я их не передам. Это никому не поможет, а только навредит.

— Надеюсь на ваше благоразумие, — проговорил директор и отключился.

Он спрятал телефон, протянул руку к дверце машины и... замер. Час поздний, поэтому в гараже пустынно, тем более что большую часть сотрудников уволили. В дальнем углу стоит чей-то «шевроле», и все. А за воротами гаража — ночь. Почему-то последней фразе директора он не поверил. Хорошо, что никто пока не знает об истинных результатах эксперимента. Но ведь узнают рано или поздно, доложат правлению. Как те поступят, пытаюсь сохранить тайну?

Он снова достал телефон из кармана, набрал номер своей помощницы:

— Лара, ты сейчас где? Закрываешь лабораторию и спускаешься? У меня просьба — задержись еще на пару часов. Я поднимусь к тебе, и мы кое-что сделаем. Не задавай вопросов, не спорь, просто делай то, что я тебя попрошу. Так надо.

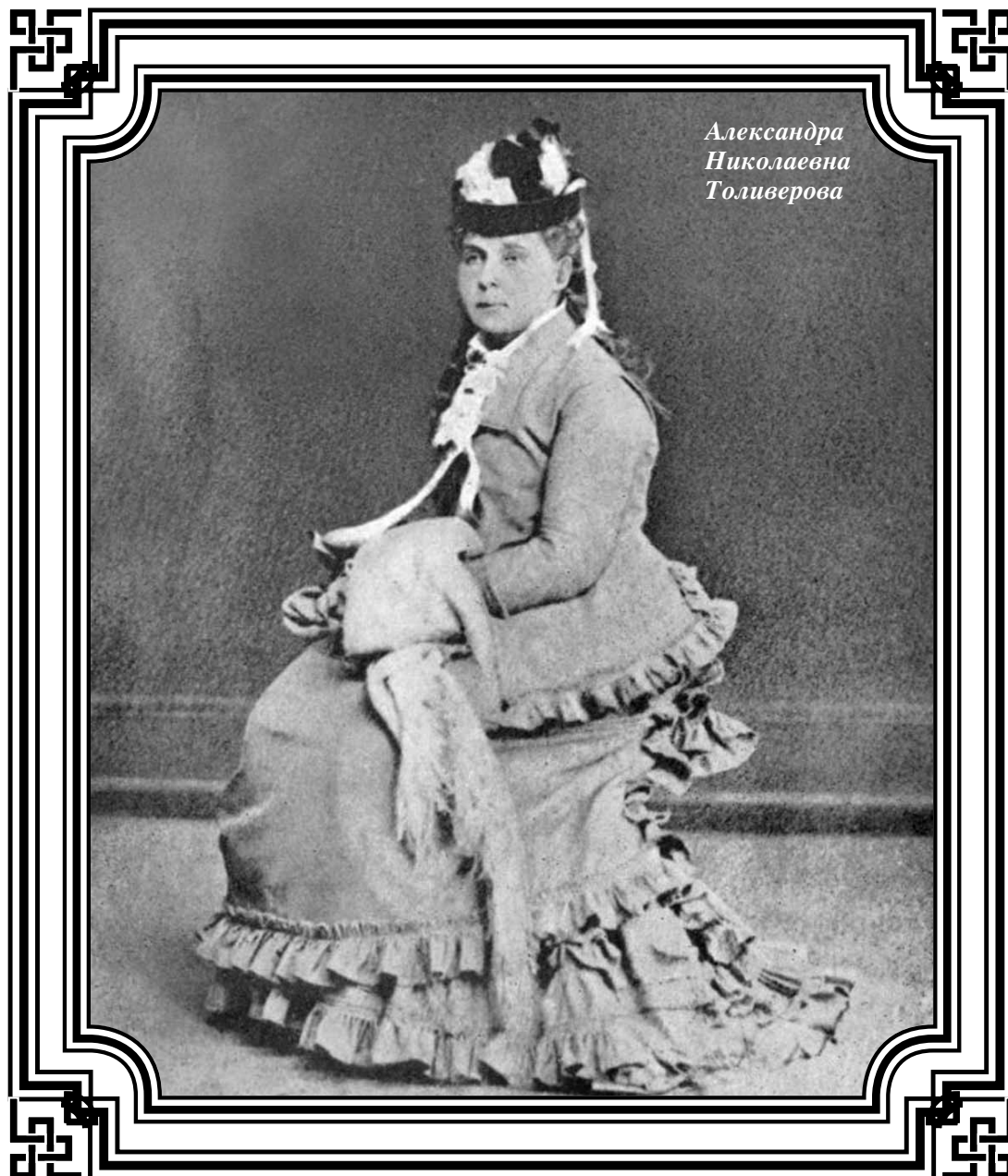
Тарзана и Примадонну мы похоронили в оливковой роще. Затем я в хлам расстрелял компьютер и всю аппаратуру связи, какую нашел. «Этого недостаточно», — возразил Сержант. Что ж, запас топлива к резервному дизель-генератору имелся приличный, вполне хватило, чтобы превратить домик в пылающий костер. Благо вольеры стоят достаточно далеко, господину Чандраканту и его наемникам, которых мы там заперли, ничего не грозит. Аптечкой, запасом воды и консервами мы их обеспечили, дождутся, пока их хватятся и прилетят искать. Мы же к тому времени будем далеко от этого места.

Садиться за штурвал вертолета было страшновато — это вам не патрульный автомобиль! Но Летчик уместился рядом с креслом, предупредил: «Не волнуйся. Делай то, что я буду тебе говорить». Кошки в пассажирском салоне дружно замурлыкали, соглашаясь с ним, и я успокоился. Действительно, чего волноваться с такой командой? В нашем распоряжении вертолет, полбака горючего и целый мир, где так легко затеряться! Или не затеряться...

«Ничего, Артур, прорвемся! — пообещал Профессор. — Все будет хорошо». □

Владимир Братченко

Письмо Гарибальди

*Александра
Николаевна
Толиверова*

В самом конце октября 1897 года петербургские писатели, литераторы, художники и журналисты собрались в небольшой квартире на Сергиевской улице, на входной двери которой была прикреплена табличка: «Иллюстрированный детский журнал «Игрушечка», и ниже — «Александра Николаевна Толиверова». Друзья и коллеги отмечали двадца-

типятилетний юбилей литературной деятельности хозяйки квартиры, детской писательницы, журналистки, издательницы нескольких журналов и общественной деятельницы, близкой к революционерам-шестидесятникам. Александра Николаевна пыталась протестовать против каких-либо торжеств. Но за дело активно взялись Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.А. Бунин, Н.С. Лесков, актриса Щепкина-Куперник, Василий Немирович-Данченко (старший брат Владимира Ивановича), много других почитателей ее многогранного таланта, и ей пришлось уступить. Между тем, если бы организаторы были более внимательны, то вполне можно было бы отмечать и тридцатилетний юбилей этого события. Как ребенок, юбилярша радовалась скромным подаркам — креслу к письменному столу, серебряной ручке для пера, часам с кукушкой, взамен поломавшимся старым. Потом был товарищеский обед в ресторане «Малый Ярославец», а на следующий день в большом зале Городской думы состоялся детский утренник. Александру Николаевну просили рассказать об ее участии в революционных событиях в Италии, о встречах с Гарибальди, о письме, полученном ею от Джузеппе. Но она не любила вспоминать эти героические дни, поэтому стала рассказывать какую-то детскую сказку...

Александра Николаевна Толиверова родилась 24 апреля 1841 года в городе Егорьевске Рязанской губернии, в семье купца Николая Ивановича Сусоколова. Вскоре семья переехала в Казань, где Александра обучалась в казанском частном пансионе для девочек, по окончании которого поступила в гимназию, а после нее — в Казанский Родионовский институт благородных девиц. Здесь, на свое несчастье, шестнадцатилетняя Александра познакомилась с преподавателем этого института Василием Тюфяевым, который был старше ее на двенадцать лет, и под давлением родителей вышла за него замуж. Брак был

недолгим, Александра сбежала от нелюбимого мужа и уехала в Петербург. В столице ее с восторгом приняли в ряды казанского землячества, в котором состояло много студентов и других свободомыслящих молодых людей. Здесь она сблизилась со студентом Императорской академии художеств Валерием Ивановичем Якоби. Молодые люди полюбили друг друга и вступили в гражданский брак, так как в то время обстоятельства не позволяли Александре оформить развод. Чтобы укрыться от поисков, затеянных родственниками ее мужа, Александра, с согласия Валерия Ивановича, взяла себе его

фамилию. Валерий работал над дипломной картиной «Привал арестантов», признанной впоследствии шедевром русской живописи. На заднем плане картины изображена мать с младенцем на руках, моделью для которой позировала Александра. Окончив академию с золотой медалью, Якоби, как лучший из лучших выпускников, получил так называемый «пансион», что давало ему возможность в течение шести лет совершенствовать свое мастерство за границей. В начале 1862 года он выехал в Германию, а в конце апреля за ним последовала Александра. В Дрездене 10 июля 1862 года у них родился сын Владимир, а весной 1863 года они перебрались в Швейцарию. Здесь Валерий встретился со своим младшим братом Павлом — ученым-медиком, этнографом и революционером-эмигран-

том. Он был женат на Варваре Зайцевой, сестре сотрудника «Русского слова» и «Отечественных записок» Варфоломея Зайцева. Эта семья оказала сильное влияние на духовное развитие Александры, и от них она получила первые навыки в журнальной деятельности.

Валерий между тем упорно работал, и одна за другой им были написаны замечательные картины: «Светлое Воскресенье нищего», «М.И. Михайлова заковывают в кандалы», «Девятое термидора» (первоначально — «Умиравший Робеспьер», впоследствии — «Умеренные и террористы»). Даже по названиям картин видно, что их содержание носило социальный, протестный характер. Об этой поре жизни на берегу Цюрихского озера Александра вспоминала: «Как хорошо, как просторно живется!»

Однако молодого художника, посланного за границу совершенствовать свой талант, тихая и уютная Швейцария не устраивала. Он исчерпал запас творческих идей, и надо было двигаться дальше. В сентябре 1863 года семья «двинулась» в Париж — Мекку для художников и литераторов со всего света. Жизнь в Париже оказалась весьма дорогостоящей. Супруги с удивлением узнали, что художники здесь нередко за еду и вино в дешевых ресторанчиках расплачивались своими картинами, которые, по прошествии нескольких лет, признавались шедеврами. Семья начала испытывать серьезные финансовые трудности. Дохо-

Слева:

**Валерий
Якоби**

**В.И. Якоби.
«Привал
арестантов»**

ды от продаж картин были случайны и незначительны. Валерию даже пришлось продать Большую золотую медаль, полученную им за картину «Привал арестантов». Тем не менее, по вечерам на квартире Якоби часто собирались друзья. Говорили о будущем, устраивали коллективные чтения вслух. Читали Ю. Лермонтова, М. Михайлова, статьи Н. Добролюбова, «Сущность христианства» Л. Фейербаха, «Что такое собственность?» Прудона, романы Ж. Санд и О. Бальзака. Близкой подругой Александры Николаевны стала русско-украинская писательница Марко Вовчок (настоящее имя — Мария Александровна Вилинская). Мария дружила почти со всеми известными литераторами того времени. Мужчины сходили по ней с ума. Она нравилась Некрасову и Герцену, в нее был влюблен Тургенев. Тарас Шевченко восхищался ею: «Какое возвышенное,

прекрасное создание эта женщина!» В дни безденежья Марко и ее муж А. Пассек выручали семью Якоби. Русские и польские политэмигранты сообщали им тревожные известия из России о подавлении польского восстания и крестьянских волнениях.

Завершать стажировку Валерию предстояло, конечно, в Италии. 7 января 1866 года чета покинула Париж и поселилась в Риме. В это время Италия переживала бурные революционные события. Александра Николаевна тогда писала в своем дневнике: «История Италии — трудная история. Раздробленная на мелкие княжества, страна переходила из рук в руки, от одних чужестранцев к другим. Год, о котором я сейчас вспоминаю, был знаменательный 1867 год.<...>Гарибальди тогда встал во главе волонтеров, во имя идеи объединения родины.<...>Восстание

*Валерий
Якоби
с сыном
Владимиром,
брат Павел
Якоби,
Александра*

за восстанием, но теперь это уже не против чужеземцев, захвативших прекрасную страну, а против своего, итальянского правительства, <...> для освобождения Рима от папской власти! <...> «Рим или смерть!» — было написано на знаменах повстанцев».

Джузеппе Гарибальди во главе с семью тысячами волонтеров 20 октября вошел на территорию Папской области. Однако император Франции Наполеон III послал на помощь Понтифику Пию IX трехтысячное войско, которое, объединившись с отрядом папских зуавов численностью около четырех с половиной тысяч человек, 3 ноября в битве при Ментане нанесли сокрушительное поражение повстанцам. (Зуавы — боевые отряды профессиональных воинов, при-

бывших из Индии, Африки, Америки, Мексики, Перу и других стран, сформированные французским генералом Ламорисьером. В этом отряде были двое русских и один черкес из России.) Гарибальди был арестован и 25 ноября сослан на остров Капрера.

Александра Николаевна добровольно записалась в сестры милосердия и добилась разрешения военного министра-канцлера Италии допустить ее к раненым пленным гарибальдийцам. В дневнике она записала: «Вот в это самое время мне и пришлось работать в госпиталях, ухаживая за гарибальдийцами.<...> С 14 ноября до 15 января я постоянно почти была в госпиталях. Это время было самое тяжелое. <...> О, сколько их было, раненых! Все

римские госпитали переполнились пленными, израненными повстанцами. <...> Боже! Как бы я была счастлива, если бы мне удалось хоть что-нибудь сделать для этих мучеников!»

И очень скоро для одного из этих мучеников она сделала не «что-нибудь», а совершила настоящий

Получив от Марии план побега, разработанный самим Гарибальди, Александра Николаевна решила пойти в тюрьму и употребить все силы, чтобы увидеть Кастеллацци. Рано утром молодая женщина явилась в замок и скромно просила позволения поговорить с комендантом. Она была прекрасна. Никто не

Александра Николаевна добровольно записалась в сестры милосердия и добилась разрешения военного министра — канцлера Италии допустить ее к раненым гарибальдийцам. О происходящих событиях она начала посылать корреспонденцию в столичный журнал «Голос», не особенно задумываясь о том, к каким последствиям это может привести

подвиг. Об этом рассказывает близко знавший Александру Николаевну литератор и общественный деятель Виктор Петрович Острогорский: «Подумайте о крови, заливающей Италию, и о молоденькой женщине, прекрасной, но слабой телом... В эту страшную пору она была среди повстанцев, в папском Риме, о ней знал сам Гарибальди. <...> И вот, приезжает вдруг от Гарибальди писательница и известная общественная деятельница Мария Шварц и заявляет, что в тюрьме замка святого Ангела в Риме сидит друг и адъютант вождя Луиджи Кастеллацци, приговоренный к смертной казни, и что его надо, во что бы то ни стало, спасти. <...> Осталось жить только двое суток. Надежды на спасение нет».

подозревал, что это — русская. Она говорила на чистейшем итальянском языке, которому упорно училась, как только задумала встать в ряды борцов за освобождение Италии. <...> Она молила коменданта: «Разрешите мне увидеться с моим женихом перед его смертью!» <...> Этот жестокий человек никогда не соглашался ни на одну уступку заключенным, но уступил слезам прекрасной женщины. <...> Все время, пока шла по темным, узким переходам и видела в узкое окно клочок голубого неба, она думала, что, быть может, в последний раз видит это небо. <...> И вдруг — визг ржавого замка, грохот ключей, стук отпираемой двери, <...> и, прежде чем Луиджи сделал какое-либо движение, женщина бросилась ему

на шею. Она прижималась к Каstellлацци, и он неожиданно почувствовал, что за ворот ему скользнула бумажка. <...> Каstellлацци бежал перед самой смертью, а Александра Николаевна благополучно вернулась домой».

О происходящих в Риме событиях Александра Николаевна осенью 1867 года начала посылать корреспонденции в столичный журнал «Голос», не особенно задумываясь, к каким последствиям это может привести. Чтобы как-то облегчить участь пленных гарибальдийцев, она сумела организовать для них сбор одежды, белья, продовольствия и даже денег. Более того, связалась со своими знакомыми в Санкт-Петербурге,

которые также подключились к этому благородному, но опасному делу. Информация об этом вскоре попала к петербургскому градоначальнику Ф. Трепову. Организатор сборов, известный петербургский адвокат Е. Корш, был вызван в канцелярию градоначальника и выслушал от него грозное предупреждение: «Если хоть одна копейка будет отправлена вами на остров Капреру, то вы и госпожа Якоби уедете дальше, чем этот остров, и совсем в другую сторону». Тем не менее, собранные деньги были переданы гарибальдийцам. Это сделал художник М. Боткин.

Участие супруги в повстанческом движении гарибальдийцев, в конце концов, стало раздражать Валерия Ивановича. Добрые отношения между ними постепенно сменились охлаждением, а финансовые проблемы, преследовавшие молодую семью, лишь усугубляли положение. В своем творчестве художник отошел от гражданской тематики и обратился к академическим сюжетам. Осенью 1867 года он завершил работу над картиной «Семья художника», которая явилась как бы печальным символом завершения их совместной и, в общем-то, счастливой жизни. Как раз в это время семья Якоби познакомилась со знаменитым художником Василием Петровичем Верещагиным. Он был восхищен мужеством Александры Николаевны и предложил ей позировать для портрета. Критики отмечали, что Верещагину

Слева:
*Луиджи
Кастеллацци*

*В.И. Якоби.
«Семья
художника»*

удалось передать «обаяние отважной женщины, ее непосредственность и мягкость».

Между тем, творческая командировка Валерия Ивановича подошла к концу. В июле 1869 года семья возвратилась на родину. В Петербурге Александра Николаевна занялась литературной и издательской деятельностью. Она стала публиковаться в газетах «Неделя», «Биржевые ведомости», «Молва», вела художествен-

ные отделы в иллюстрированных журналах «Нева», «Живописное обозрение», «Новое время» и «Пчела», сотрудничала в педагогических журналах «Детское чтение», «Семья и школа», «Воспитание и обучение» и в популярном детском иллюстрированном журнале «Игрушечка». С 1875 по 1878 год она выпустила сборники для детей «Нашим детям», «Муравей», «После труда» и статьи, посвященные выдающимся современникам: «На память о Н.А. Некрасове», «На память

Обложка журнала «Игрушечка». Именно в этом номере А.Н. Толиверова опубликовала некролог Н.С. Лескову

о Жорж Санд», «Последнее путешествие Ливингстона», воспоминания о встрече с Джузеппе Гарибальди. Некоторое время супруги поддерживали деловые отношения. В иллюстрировании первого самостоятельно изданного сборника Александры Николаевны «Нашим детям» приняли участие В. Васнецов, Г. Мясоедов, И. Репин и Валерий Якоби. В сборнике были опубликованы произведения Н. Некрасова, Я. Полонского, А. Плещеева, Г. Успенского и самой Александры

Николаевны. Она продолжала публиковаться под фамилией Якоби. Однако Валерий Иванович был против этого и в 1888 году обратился с ходатайством «отобрать подписку у госпожи Тюфяевой о том, что она не будет именовать себя его фамилией». И тогда Александра Николаевна стала подписываться фамилией своего первого мужа В. Тюфяева, с которым она так и не развелась, но которого уже не было в живых.

В 1887 году в судьбе Александры Николаевны произошло важное событие: она познакомилась с издательницей журнала «Игрушечка», писательницей Т.П. Пассек. В том же году, в связи с ухудшением здоровья, Татьяна Петровна передала журнал Александре Николаевне, которая с присущей ей энергией взялась за новое дело. Ей удалось пригласить в журнал Д. Мамина-Сибиряка, Л. Толстого, Н. Лескова, известных поэтов, стала печатать рассказы французских и немецких авторов и свои переводы на русский язык сказок Жорж Санд. При «Игрушечке» ежегодно издавались шесть томов природоведения для детей. В иллюстрировании текстов принимал участие даже И. Репин. Журнал стал для Александры Николаевны чуть ли не главным смыслом ее жизни. В то же время она продолжала сотрудничать с другими детскими журналами, и стала первой переводчицей стихов М. Лермонтова и Н. Некрасова на итальянский язык.

Все эти годы Александра Николаевна была в центре культурных и

общественных событий страны и за рубежом. Она встречалась и поддерживала деловые и приятельские отношения с Л. Толстым, Н. Некрасовым, Ф. Достоевским, Н. Лесковым, И. Тургеневым, Д. Григоровичем, А. Чеховым, Я. Полонским, актрисой П. Стрепетовой. С некоторыми из них она была в близких, дружеских отношениях, годами переписывалась с ними и посвятила им настолько яркие воспоминания, что перед нами встают, как живые, образы этих великих людей прошлого. После смерти Федора Михайловича в 1881 году Александра Николаевна опубликовала о нем статью «Памяти Достоевского». А с его женой, Анной Григорьевной, дружба продолжалась до конца их жизни, когда они обе умерли в одном и том же, 1918 году.

Тем временем, в 1870–1880-е годы, как это не покажется удивительным, Александра Николаевна, каким-то таинственным образом, родила, одного за другим, троих детей, — Анатолия, Веру и Надю. Но их отцом был уже не Валерий Якоби. Писательница Маргарита Владимировна Ямщикова (псевдоним Ал. Алтаев), с которой Александра Николаевна была очень дружна, в своей книге «Памятные встречи» пишет: Александра Николаевна «никогда не рассказывала ей о том, за что ее любили, как она любила, как и чем жила среди крови, ужаса и великого героизма походов Гарибальди. <...> Ей мешала ее вечная скромность». Но однажды, когда ей было почти 60 лет, она рассказала своей под-

руге о случившемся с ней ужасном событии: «В моей жизни было немало бурь. Одну из них я вам, пожалуй, расскажу. <...> Я вспоминаю эту страшную пору, когда мне <...> приходилось прятать мою Верочку; ей тогда едва минуло три года. <...> У меня была большая и, казалось, прочная любовь к человеку, но он считал карьеру и деньги дороже любви. Он ушел от меня, и я осталась одна с маленькими детьми, из которых Надю еще кормила грудью. И этот сухой, черствый человек захотел отнять у меня то, что было для меня дороже жизни: отнять моего ребенка. Он попросту украл Верочку. Я нагнала его тогда, когда он увозил ребенка. Я бросилась к лошадям, повисла на оглоблях и остановила ... Я не помню, как меня сначала волокло по улице, как лошадь, наконец, остановилась, как я впилась в девочку, как тащила ее, как потом несла домой». Звали этого человека Сергей, больше о нем ничего не известно... Считается, что именно тогда Александра Николаевна взяла себе фамилию Толиверова, соединив для этого имена детей Толи и Веры.

Прошло около десяти лет. Жизнь Александры Николаевны складывалась нелегко. Она признавалась: «Была нужда, непрерывная работа, тяжелая работа из-за куска хлеба». И вдруг, как гром среди ясного неба, над ней вновь пронеслась буря: она вышла замуж за уральского казака, есаула Дмитрия Николаевича Пешкова. Этот казак прославился

на всю Россию своим героическим походом из Благовещенска до Санкт-Петербурга, длиной в 8283 версты и продолжительностью в 193 дня, проделав этот путь в одиночку верхом на лошади в лютые сибирские морозы. Свой поход он завершил 19 мая 1890 года, был с триумфом принят в столице и представлен царю. М. Ямщикова вспоминала: «Она им увлеклась, как увлекалась всем, из ряда вон выходящим; он был тогда популярен, о нем говорил весь Петербург, в газетах и журналах были помещены его портреты, ему устраивались пышные встречи. Увидев красивую даму, занимавшую особо видное положение среди интеллигенции, уральский офицер, в свою очередь, увлекся ею и сделался ее мужем». Маргарита Владимировна не одобряла поступок своей подруги, считая, что когда женщине слегка за 50,

а жених на 17 лет моложе, надо быть более рассудительной. Однако Александра Николаевна была другого мнения. «Он чудесный человек, — говорила она, — правда, несколько другого общества, но все же удивительно прекрасный человек. Когда правительство наградило его за пробог деньгами, он отказался от награды». Но права оказалась Маргарита Владимировна. После женитьбы Пешков часто и надолго покидал столицу, продолжил свою карьеру в Сибири, развелся с Александрой Николаевной и нашел себе молодую жену. Тем не менее, последние 25 лет жизни она была известна под фамилией Пешкова-Толиверова, или Толиверова-Пешкова.

У Александры Николаевны были многолетние дружеские, хотя и непростые, отношения с Н.С. Лесковым. Николай Семенович постоянно помогал ей в литературных делах. Сохранилось 134 письма Лескова Толиверовой. На страницах своих изданий она опубликовала его детские рассказы «Дурачок», «Коза», «Томленье духа», «Лев старца Герасима». Однако, узнав об очередной смене фамилии своей ученицы, он не выдержал этого чрезмерного многообразия и отчитал, теперь уже Пешкову-Толиверову: «Жалеем лишь об одном и одно почитаем за непрактичное, что особа, дарящая публику столь хорошими практическими изданиями, не держится какого-нибудь одного псевдонима, а все является под новыми.

Слева:

*Амурский казачий
офицер
Д.Н. Пешков*

<...> Этак непременно можно сбить покупателя с толку так, что он и вспомнить не может, кого ему надо. <...> Давно бы, кажется, пора все эти дробы свести к одному знаменателю». Но Александра Николаевна не обижалась на своего учителя. Все новые работы она отдавала на прочтение Лескову, а «он постоянно, иногда даже очень резко, делал мне замечания, подавал добрые советы. По натуре Н.С. был человек крайне резкий, но эта резкость ча-

сто сменялась в нем совершенно женской мягкостью».

На стыке тысячелетий, достигнув общественного признания, больших успехов в области литературно-педагогической и издательской деятельности, Александра Николаевна увлеклась набравшим в то время силу движением за женское равноправие, имевшим своей целью разрушить стереотип предназначения женщины, которое германский

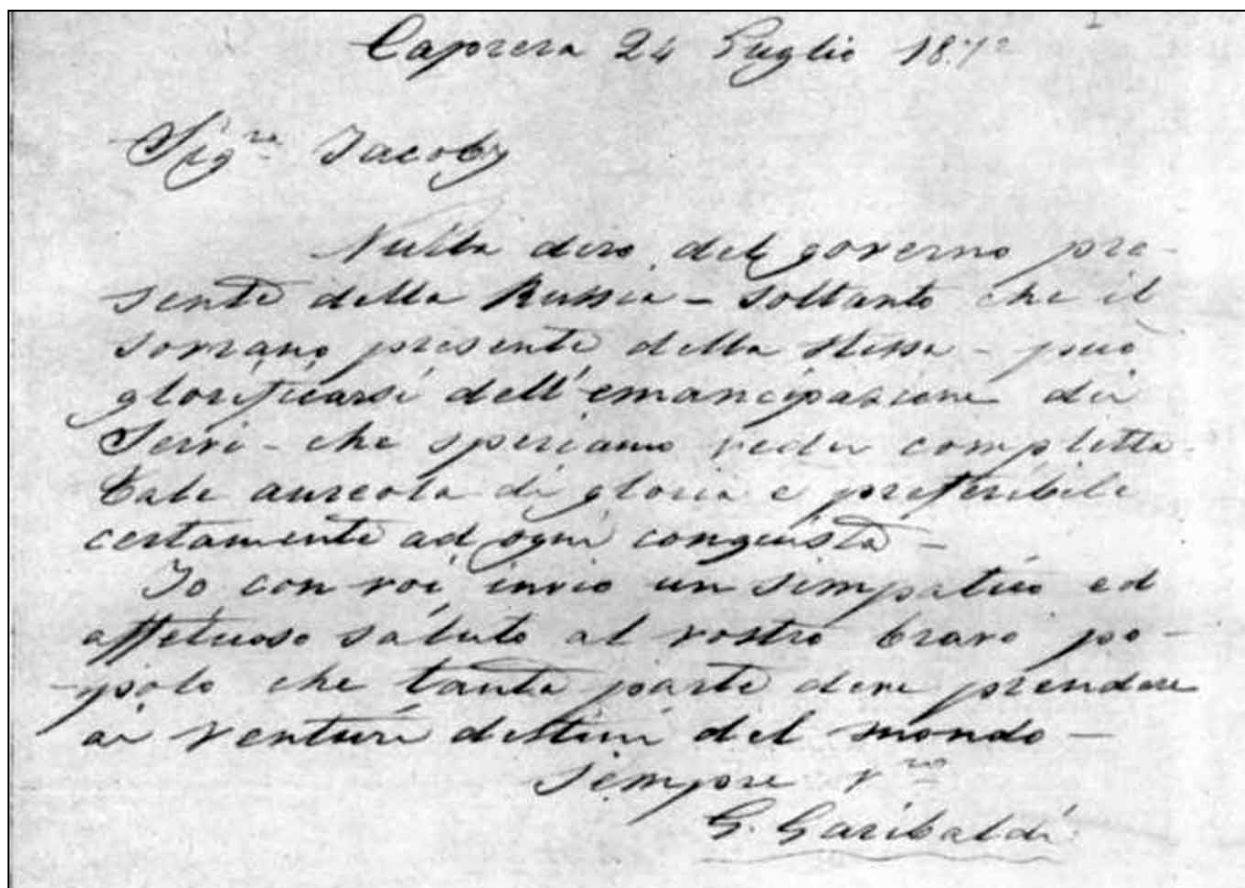
Фото Джузеппе Гарибальди с инскриптом, подаренное Александре Николаевне в 1872 году

император Вильгельм II облек в выдуманную им формулу «4К»: Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, наряды, церковь). В мае 1895 года она стала одной из учредительниц и сотрудницей «Русского взаимно-благотворительного общества», а вслед за этим приняла участие в создании «Общества помощи недостаточным больным образованным женщинам». Она постоянно работала в руководящих советах этих обществ, была их председателем, а в 1899 году начала выпускать ежемесячный литературный журнал с феминистским уклоном «Женское де-

ло». Но он продержался всего около двух лет. В том же году она участвовала в первой Гаагской мирной конференции, созванной по инициативе императора Николая II. Такая активная, однако не очень продуманная деятельность требовала много сил и времени, что пагубно сказалось на судьбе журнала «Игрушечка». Надо признать, что Александра Николаевна в коммерческих делах была не сильна и не умела правильно организовывать дела.

У «Игрушечки» возникли финансовые трудности. Типографские счета своевременно не оплачивались, выпуск очередного номера задерживался, начинался поиск денег, просьбы к издателям и книготорговцам отсрочить платеж. Журнал стал давать сбои. Сначала он выходил еженедельно, потом, с 1885 года, ежемесячно, а в 1903 году и в период с 1905 по 1907 год вообще не издавался. А тут еще появился конкурент — хорошо обеспеченный, современный, изящно оформленный детский журнал «Тропинка». В 1910 году Пешкова-Толиверова была вынуждена продать право на издание «Игрушечки» владельцу чемоданной мастерской А. Штуде, имевшему к литературе самое отдаленное отношение. В результате в 1912 году любимое детище Александры Николаевны из-за недостатка средств и конкуренции прекратило свое существование.

Тем не менее, мысли о правильной постановке детского воспитания не покидала Александру Николаевну. За советом она обратилась с письмом

Письмо Д. Гарибальди

Спустя пять лет после революционных событий в Италии, Александра Николаевна снова отправилась в эту солнечную страну, чтобы встретиться с Джузеппе Гарибальди. Он с искренней радостью встретил отважную русскую женщину и поблагодарил ее за заботу о раненых гарибальдийцах. Она гостила у него неделю, и им было о чем поговорить и что вспомнить...

ко Льву Николаевичу Толстому, который за год до своей смерти ответил ей: «Давно следовало мне отвечать на ваше милое письмо, но задержало меня, кроме нездоровья и занятий, главное то, что хотелось бы и хочется ответить на ваши огромной важности вопросы насколько могу основательно, чего до сих пор

не удосужился или не сумел сделать. Ваши вопросы не оттого только, что вы их сделали, неотступно стоят передо мной. Кое-что я, мне кажется, имею сказать об этом великом деле — охранение детской чистоты и праведности и от всегда угрожающего им развращающего влияния старших — и непременно скажу, если

успею, и сообщу вам. Дружески приветствую вас. Лев Толстой».

Годы брали свое, начались серьезные проблемы со здоровьем. Но Александра Николаевна не сдавалась и продолжала работать. В 1911–1912 годы она редактировала журнал «Красные зори», где в 1911 году была опубликована ее статья «Светлой памяти Толстого». Этот журнал оказался для нее последним. Она дожила до Октябрьской революции 1917 года, верила в наступление новой, справедливой жизни и скончалась 1 декабря 1918 года. Похоронили ее в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, дорожка, ведущая к ее могиле, называется Толиверовской.

А теперь возвратимся вновь в солнечную Италию, а точнее — на остров Капрера. Туда, спустя пять лет после революционных событий, описанных выше, Александра Николаевна отправилась на встречу с Гарибальди. В ноябре 1871 года она прибыла в Турин, где ее с радостью встретил Луиджи Кастеллацци. У него она взяла письмо к Джузеппе и далее должна была следовать с сыном Гарибальди Риччотти. Но тот заболел и сопроводить ее не смог. Тогда она отправилась в путь одна и добралась до острова Капрера лишь в июле 1872 года. Гарибальди жил в своем поместье, очень редко покидая его. Он занимался сельским хозяйством, переписывался с А. Герценом, В. Гюго и другими известными личностями, писал книги. С искренней радостью он встретил отважную русскую жен-

щину, благодарил ее за заботу о раненых гарибальдийцах и за спасение своего друга Кастеллацци: «Мне давно хотелось выразить вам лично свою признательность за Кастеллацци, вы были первая, которая проникла к нему в тюрьму, и благодаря вам он спасен. Такие услуги не забываются». Она гостила у него неделю. Им было о чем поговорить и что вспомнить. Джузеппе рассказал ей о том, как 29 августа 1862 года у горы Аспромонте он был тяжело ранен в ногу, и как знаменитый русский хирург Николай Пирогов, наперекор мнениям других врачей, спас его ногу от ампутации, а фактически спас его жизнь. И, конечно, они много говорили о судьбах Италии и России. Прощаясь с Александрой Николаевной, Гарибальди подарил ей две фотографии с автографами и вручил письмо следующего содержания:

Капрера, 24 июля 1872 г.

Синьора Александра! О современном правительстве России скажу лишь одно, что ее нынешний государь может хвастаться освобождением крестьян, которое надеемся увидеть осуществленным. Такой ореол славы, конечно, предпочтительнее всяким завоеваниям. Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть столь большую роль в грядущих судьбах мира.

Всегда Ваш Дж. Гарибальди.

Это письмо Александра Николаевна хранила до конца своей жизни, потом оно было утеряно, но, к счастью, сохранилась фотокопия. □

ИЮНЬ- «Червонный» месяц

Вот, наконец-то, и настало долгожданное лето, первый летний месяц, который в Древней Руси называли червень, а еще — разноцвет или хлеборост.

Как появилось название «червень»? Оно одного корня со словом «червонный», что значит «красный», «алый». В июне русичи начинали сбор маленьких насекомых — кошенилей, из которых получали насыщенный темно-красный краситель. Со временем значение слова «червонный» расширилось и стало означать «красивый», «прекрасный». Кстати, в средние века историческая область древнерусских земель, расположенная на западе современной Украины и юго-востоке Польши, так и называлась — Червонная Русь. В наши дни в Минской области Белоруссии, земли которой также входили в состав Древней Руси, есть город Червень.

В первую неделю июня наши предки обычно праздновали Русальную неделю, праздник культа воды и растительности. Это было летнее святочное время, его так и называли — Зеленые святки. Девушки водили хороводы вокруг березы, плели венки и бросали их в воду. Принято было гадать на суженого, на судьбу — ой как хотелось красавицам хоть одним глазком заглянуть в будущее!

Считалось, что в эти дни выходили из воды на берег русалки. Но вот только русалки ли? И почему тогда у Пушкина «русалка на ветвях сидит»? С рыбьим хвостом на дерево не вскарабкаешься!

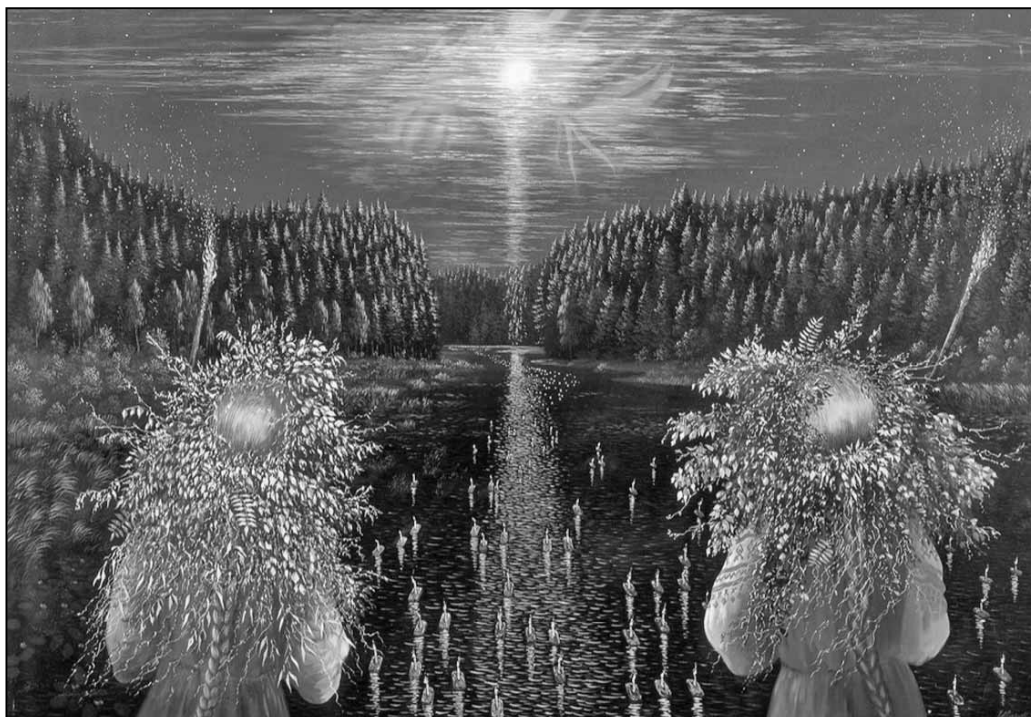
Но прав был как раз поэт: хвоста у русалок не было, да и не жили они

никогда в воде. Путаница возникла давным-давно, но закрепились благодаря популярности образа Русалочки из сказки Андерсена. Хотя название его сказки «Den Lille Havfrue» на самом деле переводится как... «Маленькая морская госпожа». И писал Андерсен не о русалке, а о водяной деве. Она-то как раз живет в воде, имеет рыбий хвост и чешую, а ее образ соответствует мавке из славянского фольклора.

Так кто же тогда русалки? А это духи предков, являвшиеся путникам

за неделю до Троицы, которая в христианской традиции празднуется на 50-й день после Пасхи.

Один из центральных праздников первого летнего месяца — 21 июня, день летнего солнцестояния с самой короткой ночью в году, то есть день солнцеворота, свадьбы Солнца и Месяца. Поздно вечером наши предки неизменно разжигали у берегов водоемов костры и прыгали через них, дабы очиститься духовно и физически, сжечь все плохое.

*Всеволод Иванов.
«Сенич.
Июнь»*

Справа:
*Всеволод Иванов.
«Ночь на Ивана Купала»*

в образе красивых и молодых девушек с длинными волнистыми волосами.

Русалии, которые справляли славяне, были мистическим поминальным обрядом в память перешедших в иной мир — мир предков Нави. После утверждения христианства на Руси Русальная неделя не исчезла полностью, а востроилась в народный календарь. Дата стала переходящей: ее отмечали

В этот же день отмечали день рождения Перуна — бога-громовержца языческого пантеона. Он вращает коло рода (круг жизни), словом, приводит в движение все созданное верховным богом и небесным отцом славян Сварогом. Празднуя, поджигали солнечную колесницу (обычно ограничивались двумя колесами от телеги) и спускали на воду.

Считалось, что со дня солнцеворота уже можно было купаться: вода достаточно прогрелась. Кстати, купание на день Перуна носило, помимо всего прочего, еще и таинственно-мистический характер: это было ритуальным омовением, очищением от нечисти, от сил зла.

А вот следующий день, 22 июня, был в народной традиции днем Скипера-Змея. По преданию, он похитил младенца Перуна, закопал его в глубоком погребе и унес в Навь его сестер Жи-

безногие гады, согласно народным поверьям, играют свои свадьбы, сползаясь во множестве и сплетаясь в страшные клубки (24 и 22 июня, соответственно). В итоге Скипер-Змей все же был повержен, а Перун освобожден благодаря помощи Хорса (бог золотого, солнечного Света), Велеса (бог Мудрости, покровитель волхвов) и Стрибога (бог Ветра).

...Мир славянских праздников безграничен. О каждом из них можно рассказывать очень долго и интерес-

ву, Марену и Лелю — богинь жизни, смерти и любви.

Считалось, что в это время Навь особенно сильна, поэтому в эти дни на Руси ждали нашествия врагов-иноплеменников.

Невероятно, но начало и Отечественной войны 1812 года, и Великой Отечественной приходится аккурат на то самое «змеиное время», когда

но. До дней сегодняшних дошли лишь малые крупички многовековой народной мудрости наших далеких предков, живших в ладу с Матушкой-Природой. И наша задача не растерять в бешеном ритме современной технократической цивилизации эти драгоценные зерна, а бережно сохранить их, чтобы со временем, в свой черед, передать их своим потомкам. □

Владимир Пегов

РОМАШКИ

Елизавету Ивановну в нашем дворе знали почти все. Маленькая, худенькая женщина выходила из своего подъезда, прятала ладони в рукавах своего старого, давно не модного пальтишка и, соединив их вместе, стояла и смотрела по сторонам. Иногда она медленно прогуливалась вдоль дома, останавливалась около молодых мамаш с колясками, сидевших на детской площадке, и говорила им какие-то теплые слова, от которых на лицах мамочек появлялась улыбка, а щеки покрывались легким румянцем.

Двадцать лет назад, когда дом только заселили, и жильцы еще не знали друг друга, а дети присматривались к сверстникам, чтобы кого-то признать безоговорочным лидером, а кого-то сделать объектом постоянных насмешек, Елизавета Ивановна неожиданно остановила Вадика и спросила:

— Ты в каком классе учишься?

— В восьмом, — ответил он.

— А сколько падежей в русском языке, знаешь?

— Да, семь, то есть шесть.

— Тогда скажи мне, как будет слово «время» в родительном падеже?

Вадик сморщил лоб, посмотрел куда-то вверх и, вздохнув, выдавил:

— Времени!

— Молодец! А ты только что спросил: «Сколько время?» Ну, ладно, ступай, раз торопишься.

После этой первой встречи прошло шесть лет. Вадик стал Вадимом и уже заканчивал третий курс университета. Майским утром перед Днем победы он встретил во дворе Елизавету Ивановну, замедлив шаг, поздоровался и поздравил ее с праздником.

— И тебя, Вадим, поздравляю! Спасибо, что помнишь. А про падежи не забыл?

— Нет, не забыл.

— А числительные сможешь просклонять? Вот, например, четыреста восемьдесят девять?

...Прошло еще несколько лет. Вадим окончил университет, женился, уже работал на кафедре истории и начал собирать материал для кандидатской диссертации. Накануне вечером он отвез жену в роддом, а утром пытался дозвониться туда, но безрезультатно. Тогда он решил заскочить в магазин, купить фрукты и соки и поехать в больницу, чтобы у справочного окошка ждать самого важного в его жизни известия. Выйдя из подъезда, он увидел Елизавету Ивановну. Она улыбнулась ему и сказала:

— Я рада за вас! Иметь такую замечательную супругу, а теперь еще и наследника... Знаете, Вадим, когда ваши радостные хлопоты улягутся, зайдите ко мне как-нибудь...

Только через месяц после той встречи Вадим смог зайти к Елизавете Ивановне. Она очень обрадовалась, усадила его за стол, а когда он вежливо отказался от чая, вытащила из-под кровати коричневый чемодан в полотняном чехле, какие были почти на всех чемоданах послевоенного времени, аккуратно расстегнула пуговицы и раскрыла его прямо на полу. Чемодан был заполнен рисунками — и в альбомах, и на отдельных листах, — выполненными акварелью и цветными карандашами. И на каждом из них были нарисованы танки. Стреляющие и горящие, лежащие на боку и перевернутые, сходящиеся лоб в лоб с противником и вздыбленные, с черными крестами и красными звездами на боку, на башнях которых была надпись: «За Родину, за Сталина!» И рядом с ними — бездыханные тела танкистов и дым...

— Мне уже много лет, Вадим, — заговорила Елизавета Ивановна. — И родни у меня никого. Эти рисунки никто не видел, я рисовала их для себя. С каждым рисунком я разговаривала, как с живым, и на каждом видела своего родного человека. Мы были вместе всего два месяца, а в начале июля я проводила его на фронт. Он писал мне письма и вкладывал в них засушенный цветок или листик. Я все их сохранила, они здесь, в этом чемодане. Это у меня самое дорогое. А осенью сорок третьего письма перестали приходить...

Я прошу вас, Вадим, взять этот чемодан. Вы ведь историк, вы разберетесь, я вам доверяю. Скоро меня не будет, а вы все посмотрите или

покажете кому-нибудь, вдруг найдется что-то стоящее. А то пропадет, сейчас это никому не нужно. Муж мой был учителем русского языка, а воевал танкистом. Где и как погиб, я долго не знала. Писала во все инстанции, но только в самом конце войны пришла мне казенная бумага, что он пал смертью храбрых в июле 43-го и похоронен в братской могиле у селения Шахова...

Мы с ней долго молчали, и она время от времени вытирала скомканным платочком покрасневшие от слез глаза. Я посмотрел на нее и неожиданно спросил:

— Елизавета Ивановна, а почему вы заставляете мальчишек во дворе склонять по падежам число «четыреста восемьдесят девять»?

— Здесь все просто, — качнула она головой. — Известно, что немцы за всю войну изготовили 489 танков «Королевский Тигр». И я уверена, что один из этих четырехсот восьмидесяти девяти стал причиной гибели моего любимого. Вот и все...

У подъезда Елизавета Ивановна стала появляться все реже, а вскоре и совсем перестала выходить. Вадим изредка навещал ее, приносил продукты и договорился с соседями, чтобы присматривали за ней.

А спустя несколько месяцев Елизаветы Ивановны не стало. Хоронили ее почти всем домом. Чемодан Вадим принес на кафедру, где его стали разбирать, внимательно разглядывая и обсуждая каждый рисунок. Танки, танки, танки, взрывы, изуродованные тела...

И вдруг кто-то воскликнул:

— Смотрите! Здесь цветы!

На одном из рисунков был нарисован букетик обыкновенных луговых ромашек. А на обратной стороне короткая надпись:

«С таким букетом я встречу тебя, любимый мой!» — И дата: «Июль 1943 года».

В один из летних воскресений Вадим пришел на могилу Елизаветы Ивановны. Поправил чуть наклонившийся крест, убрал с могильного холмика сорняки и аккуратно положил букет ромашек. Ромашки были крупные, садовые, не луговые... □

КАК СТАТЬ ЗНАМЕНИТОЙ,

ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГОЛЛАНДКИ

Эта женщина, голландка Тиция Бергсма Бломхофф, по сути, не совершила в своей жизни ничего примечательного — такого, что заслуживало бы память потомков. Ну, вышла замуж, родила сына, была, наверное, любящей и верной женой. Однако так случилось, что ее образ навсегда остался в искусстве, причем японском! Ее грациозная фигурка, пышные рыжие волосы, тонкое лицо можно увидеть на множестве произведений японских художников — на веерах, гравюрах, ширмах... Встретиться с ней легко в самых разных собраниях восточного искусства, в самых разных музеях мира. И все это — потому что она стала первой европейской женщиной, увиденной японцами, и произвела на них неизгладимое впечатление...

Первые европейцы — мужчины, конечно, — появились в Японии в середине XVI века. Это было время великих географических открытий, когда португальцы и испанцы, открывая новые земли, делили их между собой и в результате подчинили себе почти весь мир. В Японии их встретили поначалу весьма неплохо — японские

пытаются подчинить себе — колонизировать — их страну, и у них вполне может хватить на это сил! Вот почему было принято жесткое решение — строжайше запретить миссионерскую деятельность заезжих священников, а также ввоз книг европейских авторов и выезд подданных сегуна за границу.

феодалы, правившие прибрежными областями, с удовольствием осваивали новое для них огнестрельное оружие, товары, которые привозили заморские купцы, и религию, усиленно исповедуемую и пропагандируемую истовыми католическими миссионерами. Более того, местные богачи решили использовать эту новую религию для усиления своих позиций. Понятное дело, это не могло не раздражать центральные власти. Ну и, конечно же, сегуны, верховные правители Японии, понимали, что европейцы не ограничатся миссионерством и торговлей, а очень скоро по-

А уж когда на полуострове Симабара, центре японского католицизма, в 1638 году вспыхнуло крестьянское восстание, сегун Токугава понял — нужно принимать жесточайшие меры, иначе власть не сохранить. После кровавого подавления восстания практически все контакты с зарубежными государствами были запрещены. Так начался особый период в истории Японии — эпоха сакоку, эпоха японской самоизоляции. С 1641 года командиры прибрежных частей должны были открывать огонь по любому иностранному судну, вторгшемуся в воды Японии и приближавшемуся к ее берегам.

Но японцы все-таки оставили маленький кусочек земли, где разрешалось жить европейцам, — это была Дэдзима («остров, лежащий при входе в бухту»), искусственный остров в форме веера в бухте Нагасаки. Поначалу он был создан для португальцев, которые использовали его как склад и перевалочный пункт. С 1641 года здесь было дозволено жить только голландцам, кальвинистам-протестантам — они, в отличие от всяких разных неблагонамеренных католиков, помогали правительственным войскам справляться с бунтовщиками Симабара. Дэдзима, гол-

ландская фактория, стала единственным портом, куда разрешалось приставать голландским торговым судам. Сегун Токугава все-таки позволил старейшей голландской Ост-Индской компании (основанной еще в 1602 году, вплоть до своей национализации в 1800 году обладавшей монополией на торговлю с Японией, Китаем, Цейлоном, Индонезией и в каждой стране оставившей свои торговые представительства-фактории) вести тут торговлю с Японией.

Здесь, на маленьком острове-веере, японские власти легко могли контролировать все связи этих подозри-

тельных иностранцев, а чужаки всегда вызывали подозрение у японских властей.

Дэдзима была очень маленькой: в длину — 236 шагов и в ширину — 82 шага, располагалась она над уровнем моря на 1-2 метра. И количество обитателей острова тоже было небольшим — не более 20 мужчин (женщин голландцам привозить категорически не разрешалось), зато японцев, чиновников и военных, контролировавших чужестранцев, было в разы больше — купцы, переводчики и правитель (губернатор) острова с 50 помощниками. (Кстати, жалование им всем платила Ост-Индская компания.) Дэдзима оставалась японской территорией, а потому управлял ею правитель — японец. Он нес всю ответственность за контакты голландцев с Японией: лично досматривал голландские корабли, прибывавшие в порт, имел право изъять любые книги, который посчитал бы вредными, например, религиозные трактаты, и следил за тем, чтобы с кораблей снимали паруса — до момента отбытия их из порта. Чтобы голландцы особенно не привязывались к Японии и не заводили тесных связей самого разного толка, предусмотрительный сегун велел чужеземцам каждый год менять состав своей колонии. Кстати, за пользование факторией в Дэдзима голландцы платили немало — 55 каммэ серебра в год (каммэ — 3,75 кг).

Жестко контролировались все контакты голландцев — морякам с одного корабля не разрешалось общаться с командами других судов. Японцам не разрешалось жить в доме голландца,

все религиозные службы были строго запрещены, а для того, чтобы выйти в город Нагасаки, голландцам требовалось специальное разрешение.

На острове были построены склады для товаров, здания с залами для приема официальных делегаций и дома, где жило небольшое население острова.

Раз в году, зимой, глава голландской фактории в сопровождении нескольких подчиненных обязан был посетить столицу страны Эдо, дабы нанести визит сегуну: прежде всего засвидетельствовать свое почтение, преподнести ценные подарки, а уж потом рассказать, что происходит в мире. Путешествие это из Дэдзимы в Эдо было непростым и не быстрым — обычно оно занимало пару месяцев.

На острове жили только мужчины, которым иногда, по известным причинам, требовались женщины. Японцы это понимали, а потому на охраняемом с двух сторон мосту, соединявшем Дэдзиму с японской территорией, была надпись: «Только для проституток, вход для других женщин воспрещен». В отличие от приличных дам им дозволялось появляться на острове, и порой японские власти их использовали в качестве шпионок — они собирали информацию о настроениях и намерениях своих клиентов. А уж если случилось, что у японки родился ребенок от голландца, то ей разрешалось жить у него в доме некоторое время, однако этот ребенок считался японцем, и вывезти его в Европу было невозможно.

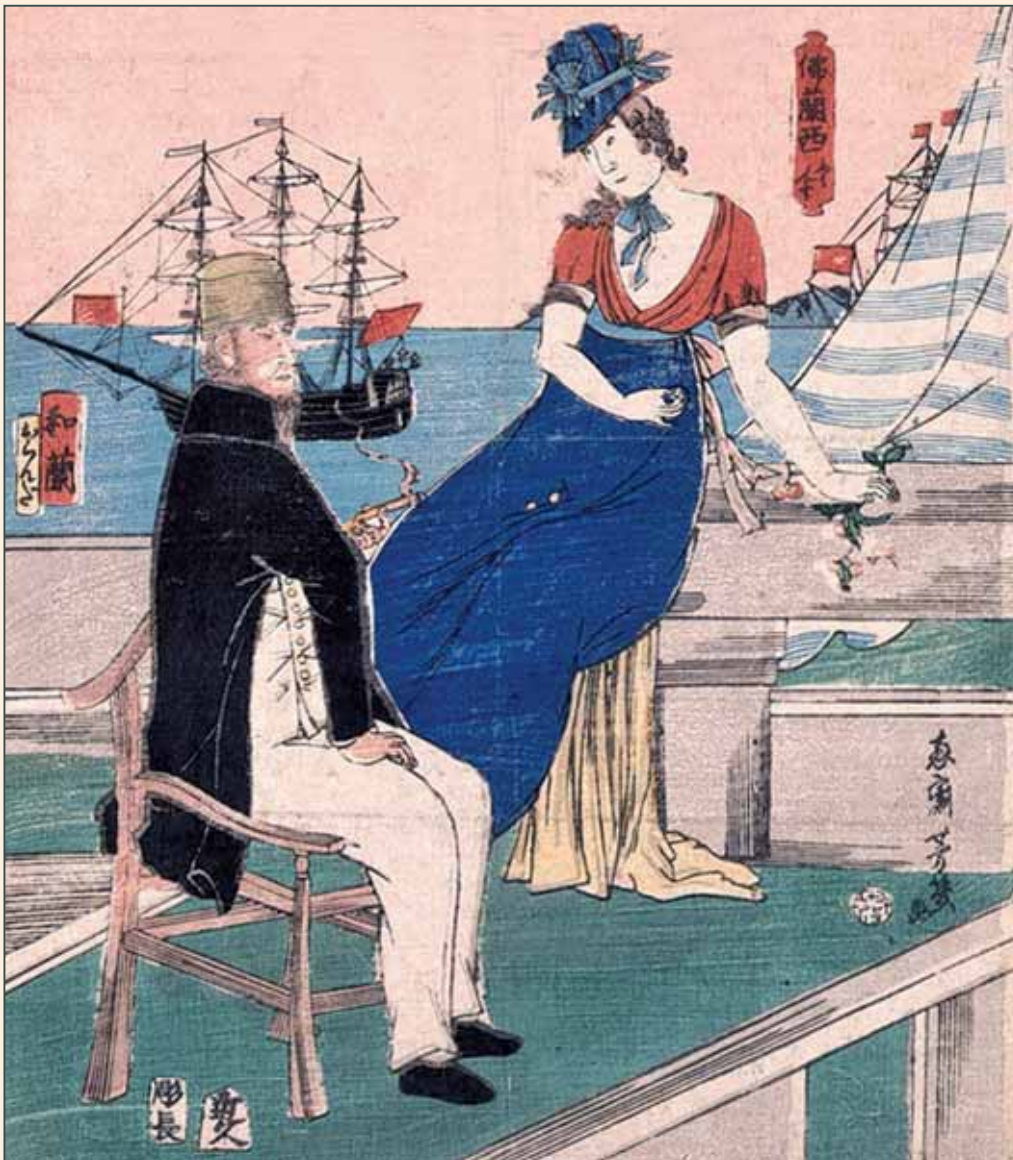
Но голландцы, люди трудолюбивые и терпеливые, не унывали — жи-

ли, развлекались с очаровательными юными японками, сажали на острове деревья, разбив небольшой сад, ухаживали за ним и даже стали разводить коров, овец, свиней и кур.

В начале 1795 года в Голландии произошли серьезнейшие изменения — страна попала под влияние французских революционных сил. Возникла Батавская республика, которая вскоре вошла в состав империи Наполеона Бонапарта. А вот голландская колония в Индонезии, из которой отправлялись суда к берегам Японии, оказалась в руках английской короны.

В результате тогдашний кладовщик в Дэдзими Ян Кок Бломхофф пробыл на острове целых четыре года: с 1809 по 1813 год. Наверное, ему было тоскливо, и только молодая японка скрашивала долгие месяцы ожидания корабля, который однажды появится на горизонте, причалит в порту, а потом увезет его на родину. Возможно, он эту японку даже полюбил, а она подарила ему сына (к несчастью, ребенок этот умер). А потом долгожданный корабль все-таки приплыл в Дэдзиму, и Бломхофф отправился в Голландию, оставив в душе теплые воспоминания.

нания о Японии. Наверняка теплые, иначе ему бы не захотелось вновь вернуться сюда.

Европейцам не разрешалось жить на острове больше года, но отдельного запрета на повторный визит не было, и в августе 1817 году Бломхофф снова появился на Дэдзиме — теперь уже как глава фактории. И на сей раз — не один. Прожив в Японии несколько лет, он уже чувствовал, что политика изоляционизма ослабевает и нравы смягчаются, а потому позволил себе неслыханную вольность —

прибыл на остров с молодой женой Тицией Бергсма, маленьким сыном Иоганном, его няней Петронеллой Мунс и служанкой-индонезийкой.

Наверняка у голландки Тиции Бергсма обстановка на Дэдзиме вызвала определенный шок — уж очень тамошняя жизнь отличалась от той, к которой она привыкла в своей родной Голландии. Но что делать — долг жены повелевает следовать за мужем, куда бы его не занесла судьба, куда бы не забросила воля Божья, а потому она постаралась привыкнуть к суро-

вым условиям Дэдзимы. Главное — она была рядом с мужем, и с ней был ее любимый сыночек!

Но и у японцев Дэдзимы ее появление вызвало шок. Можно представить себе реакцию островных японцев, увидевших молодую жену Бломхоффа! Это была первая европейка, оказавшаяся в Японии! Рыжая, с огромными, широко открытыми глазами, в одежде, так не похожей на кимоно, — в платье с глубоким декольте, в котором столь соблазнительно дышала ее грудь! Нет, это было просто невыносимо! А как она себя ведет! Ходит свободно, рядом с мужем, он держит ее за руку! Японские женщины знают свое место — если они идут с мужем, то мелкими шажками почтительно следуют за ним. А еще как она вся благоухает! Изысканные европейские ароматы производили сильное впечатление на японцев.

На Дэдзиме жили не только купцы, чиновники и переводчики — там были и свои художники. Среди них наиболее талантливым и известным был Кувахара Кейга (1786–1860), выходец из семьи нагасакских живописцев, потомственный мастер по печатанию «нагасакских картинок». Первые уроки будущий художник получил еще в детстве, от отца. Позже его учителем стал талантливый художник Исидзаки Юши, имевший доступ на Дэдзиму: он был членом учрежденной еще в 1697 году почетной гильдии профессиональных художников, которым власти Нагасаки поручали оценивать импортировавшиеся из Китая произведения живописи, а также зарисовывать голландские товары, поступавшие

с Дэдзимы, и записывать все происходившие там события. Членство в гильдии было потомственным, и, когда пришло время, Кувахара Кэйга унаследовал его от своего учителя Исидзаки Юши. Так Кейга получил возможность общаться с голландцами и познакомиться с голландской живописью. Заметив явный талант художника, голландцы стали поручать Кэйга создавать пейзажи Дэдзимы и Нагасаки, заказывали ему свои портреты. Одним из первых его голландских заказчиков стал Ян Кок Бломхофф. Наверное, именно Кейга первым и запечатлел красоту Тиции. А потом образ рыжеволосой голландки появился на картинах и других японских художников. Потрясенные необычной для них внешностью Тиции, они с удоволь-

ствием принялись рисовать ее — одну, с мужем, со служанками и маленьким сыном. Гравюры и копии их рисунков имели огромный успех и быстро разошлись по всей Японии — голландка стала невероятно популярна в Стране Восходящего Солнца.

Спустя пять недель после прибытия супругов Бломхофф на Дэдзиму о появлении Тиции на острове узнал сегун. Непорядок, наверное, решил он, уж больно эта красивая голландка смущала умы японцев. Сегун велел Тиции с ребенком и ее служанкам покинуть остров. Пришлось подчиниться. Она, по сути, не успев привыкнуть к этому новому и чуждому для нее миру, вынуждена была уезжать. Причем одна, без мужа! И вот в декабре 1817 года, через три с половиной месяца после приезда, Тиция Бергсма ступила на палубу судна, которое должно было доставить ее и сына на родину. Наверное, ей было очень страшно... Впереди долгое плавание, трудное путешествие — и она одна должна отвечать и за себя, и за ребенка.

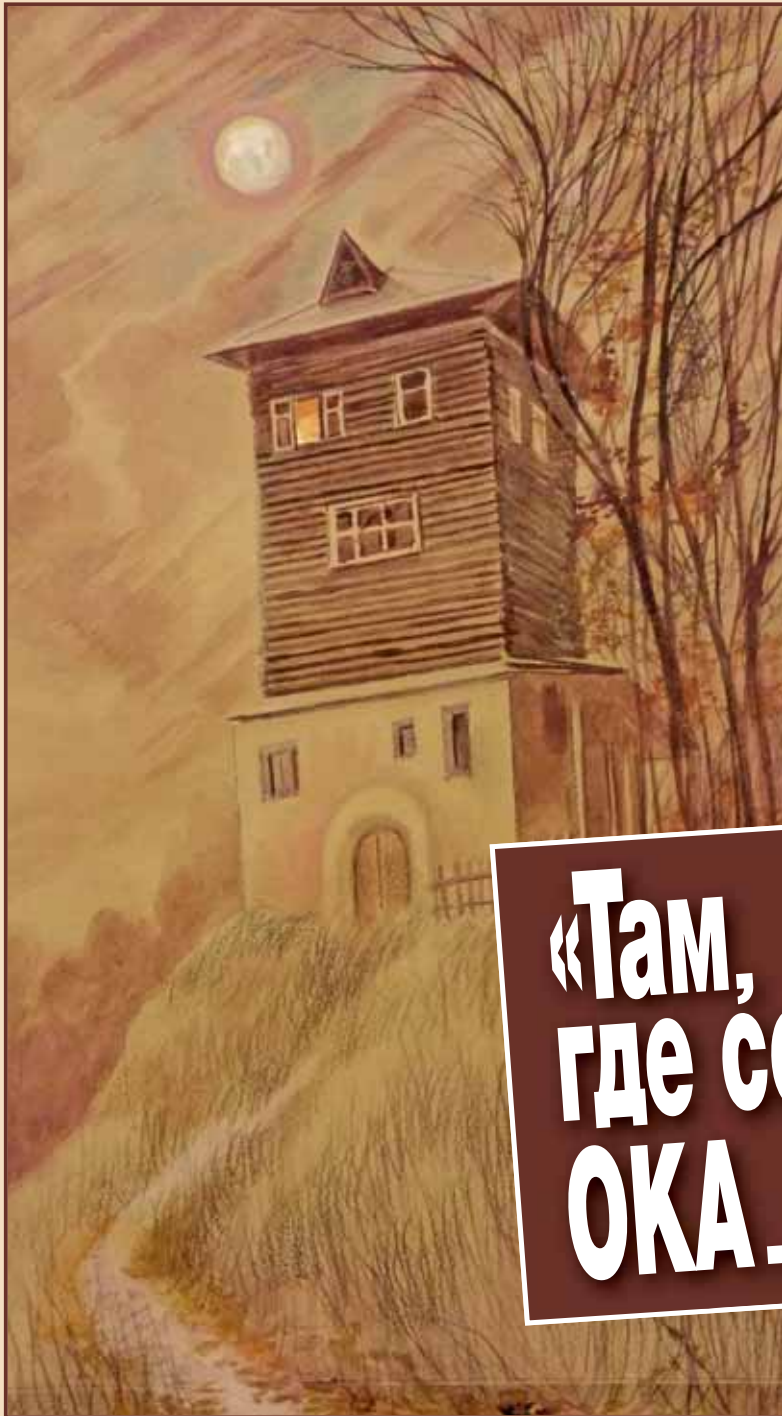
Тогда Тиция еще не знала, что больше никогда не увидит своего мужа.

Бог ее хранил, и она благополучно добралась до Голландии. Ее муж остался в далекой Японии, однако связь их по-прежнему была крепкой, они скучали и писали друг другу письма. Обо всем. Он рассказывал ей о жизни на острове, а она — о том, как растет их сын, что происходит в Голландии.

Бломхофф дважды — в 1818 и 1822 годах — возглавлял голландскую делегацию, посещавшую двор сегуна в Эдо, и в своих посланиях подробно

описал жене эти путешествия. Вел он и дневники. (Эти дневники, а также его переписка с Тицией, великолепный источник сведений о Японии начала XIX века, совсем недавно, в 2000 году, были изданы в Великобритании.) В своих письмах жене Бломхофф с восторгом рассказывал и о множестве предметов, купленных им в Японии. Позже он все это богатство — более 2000 вещей! — привез в Голландию. Его коллекция в те годы была крупнейшим собранием предметов японской культуры, сегодня часть ее хранится в музеях Лейдена, а часть — Амстердама.

Ян Кок Бломхофф вернулся в Голландию в 1823 году, когда Тиции уже не было в живых — она умерла в Гааге в 1821 году, совсем еще молодой. Но удивительное дело — образ этой женщины, в общем, вполне себе заурядной, ничем не примечательной, стал невероятно популярен в Японии. Еще при жизни ее мужа тамошние художники посвятили ей около 500 картин и скульптур. Ее изображали на кувшинах и веерах, на ширмах и гравюрах. Это была настоящая «тициомания»! Со временем возникли целые фирмы, специализирующиеся на изображении этой голландки. Некоторые специалисты по японскому фарфору утверждают, что ее лицо присутствует на 4 миллионах изделий тончайшего японского фарфора. И сегодня в самых разных собраниях мирового искусства можно встретиться с этой милой рыжеволосой голландкой, невольно ставшей настоящей звездой в далекой экзотической Стране Восходящего Солнца... □

Виктор Ом

О Доме-даче знаменитого музыканта Святослава Рихтера под Тарусой

**«Там,
где серебрится
ОКА...»**

Фото и рисунки автора

... Все же решился съездить и побывать под Тарусой, в том месте, где на высоком берегу Оки знаменитый музыкант Святослав Рихтер построил оригинальную дачу.

«Соло осенней пуны». Дом-дача музыканта Рихтера близ Тарусы

Много слышал об этом от разных людей, видел фотографии...

Дом своеобразный, — похожий на каланчу. Такие постройки доводилось видеть на старинных гравюрах, где изображались охранные кордоны казаков в давние времена...

Знал об этом давно, и несколько раз бывал в Тарусе, но преодолеть всего десять километров — не получалось...

И, конечно же, знал, что есть музыкант, в то время уже известный

виртуоз, но поскольку не был фанатом концертных залов филармонии и консерватории, интерес прояв-

«Ноктюрн». Рихтер на даче.

лялся больше к самой личности Рихтера, чем к исполнительскому искусству музыканта. И все же очень занимал вопрос: каково это — жить в мире звуков, мелодий и вообще — постоянно сосуществовать с этим? А поскольку Рихтер много концертировал, представить трудно, сколько разной музыки звучало в его внутреннем сознании и памяти.

Слухи о чудачествах музыканта иногда становились предметом «светской болтовни» знакомых и коллег... Так «донеслось» до меня и о его даче — «рояль прямо среди леса!» — и о прочих чудачествах. Эти обрывочные рассказы возвращали к давнему желанию воочию увидеть чудо-дачу!

«Мелодия летнего вечера».
Ока у Тарусы

Утро в день поездки выдалось хмурым, не похожим на начало лета, с серо-синим «полотном» вяло ползущих облаков, с летевшими на ветру колкими, холодными полосками летнего дождика...

Но я был настроен решительно — знал, даже если ухнет тайфун, от поездки не откажусь, снова откладывать ее было стыдно перед собой... Да и в душе окончательно вызрела потаенная радость от ожидания чего-то нового, неожиданного.

Никакого ураганного бедствия не случилось — напротив, дождичек «просеялся», сквозь серые небеса проглянуло мглистое солнце, и я двинулся в путь.

Повезло — трасса на Серпухов была довольно свободной, и я ехал без спешки, погруженный в раз-

мышления о «Госпоже Музыке». Скажу честно — сожалею, что так и не вошел в мир музыки глубже, чем простое прослушивание произведений. Мне всегда хотелось понять именно профессиональную «кухню» композиторов — как они «складывают», komponуют свои произведения, откуда и, главное, как появляется мелодия? Как все это свершается технически, и как потом это исполненное или записанное доводит слушателя до слез, иногда обрушиваясь потрясениями души? Вопросы и вопросы... они «жгли» мое сознание... И невольно пришли на ум высказывания ве-

ликих о музыке. Знаменитейший музыкальный критик 19 века Владимир Васильевич Стасов сказал — как выстрелил: «Мелодия — душа всего... Без мысли нет поэта, без мелодии — музыки». «Мелодия — это мысль, это движение, это душа музыкального произведения», — говорил Шостакович. А философ мирового масштаба Артур Шопенгауэр писал: «Изобрести мелодию, раскрыть в ней все глубочайшие тайны человеческого желанья и ощущения — это дело гения: здесь его творчество очевиднее, чем где бы то ни было: оно далеко от всякой рефлексии и созна-

тельной преднамеренности и может быть вызвано вдохновением. Великий Бетховен считал, что «музыка — это откровение более высокое, чем мудрость и философия». А Шопен, можно сказать, подвел жирную черту: «Музыка не имеет Отечества; Отечество ее — вся Вселенная!»

Наконец я въехал в Тарусу — прямо на центральную площадь.

Остановился вблизи собора Петра и Павла, и подумал, что нужно бы посмотреть то место, где речушка Таруска вливается в Оку... Хотелось заснять его, потому что все пишущие упоминают этот факт вскользь, а меня заинтересовало, как это выглядит в реалиях, и я отправился в сторону деревни Алекино, к месту, где располагалась дача Рихтера.

Преодолеть десять километров удалось быстро. Алекино... До места «рихтеровского отшельничества» оставалась самая малость. Я снова подумал о нем, и в сознании пронеслись слова известного музыканта, его учителя, а позднее коллеги Генриха Густавовича Нейгауза: «В его черепе, напоминающем купола Брамante и Микеланджело, вся прекрасная музыка покоится, как младенец на руках Рафаэлевской Мадонны». И это о нем, о нашем соотечественнике, великом музыканте Святославе Теофиловиче Рихтере.

И я вдруг, к стыду своему, понял, что по сути, ничего не знаю о нем. Не приходилось бывать на его концертах, единственное — сподобился заглянуть в его биографические данные, но что это для творческой личности?!

Ока

Сухие факты, факты... А главное в жизни истинного художника случается между датами этих фактов. Так уж устроено...

Родился Святослав Теофилович Рихтер в 1915 году в Житомире. Отец — Теофил Данилович — музыкант и педагог, блестящий пианист, органист и композитор, преподавал в Одесской консерватории и играл на органе в местной кирхе. Мать, Анна Павловна Москалева, была потомственной дворянкой.

Играть Святослав начал с раннего возраста. С золотой медалью окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано. Учителем его был знаменитый музыкант и педагог Генрих Густавович Нейга-

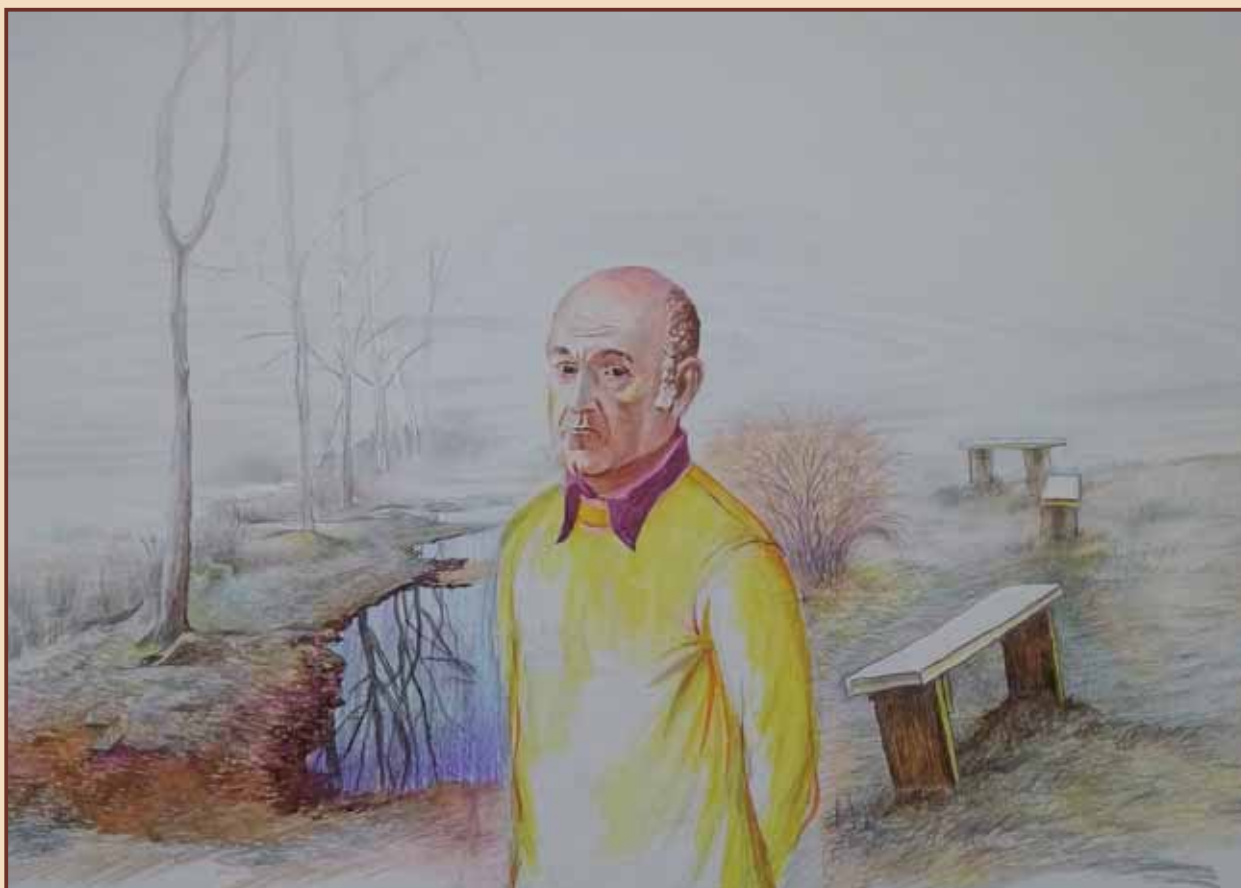
уз. Только благодаря ему Рихтер окончил консерваторию и стал тем, кем стал! Молодой и очень «горячий» Святослав бросил консерваторию, отказавшись изучать общеобразовательные предметы. Мудрый Нейгауз, человек неравнодушный и проникательный, сумел вернуть своего студента в стены прославленной альма-матер.

Первые самостоятельные концерты молодого музыканта состоялись в самом начале Великой Отечественной войны. Он много и успешно концертировал по стране. Побывал с концертами даже в Ленинграде...

Его творческая деятельность была оценена по достоинству. Он являлся народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом

Ока

«Ариозо осени». Портрет Рихтера.

Сталинской, Ленинской и Государственных премий, лауреатом премии имени Глинки. А в 1960 году, первым в СССР получил престижнейшую музыкальную премию «Грэмми»...

На меня вдруг накатил волна угрызений и горестного отчаяния. Я шепотом ругал себя за бездарную суетливость жизни и никчемно-дурацкие траты времени в молодости. И за то, что, живя в одно время с истинным гением, не удосужился побывать хоть на одном концерте музыканта. Поздно пришло понимание драгоценнейшего из богатств — Времени Жизни!

Ехал молча. Показалось, и мысли мои притихли. Думал о даче музыканта — как он смог такое придумать? Хотя... для личности творца всегда есть простое объяснение: жил именно так, в постоянном состоянии созидания, творил даже в быту, а не только по зову «священной музыки». И дом — «нафантазировал» сам!

В голове тут же всплыл давний разговор со знакомым краеведом из Тарусы. Мы говорили о знаменитом норвежском композиторе Эдварде Григе (я тогда работал над его графическим портретом для журнала «Музыкальная жизнь»), о его увлеченности народной музыкальной культурой, ее влиянии на творчество.

— Он и по жизни являл факты «хождения в народ», — умехаясь, сказал краевед. — И... ходил к народу прямо со своим инструментом!

— Это как? — переспросил я.

— Очень просто, устанавливал пианино прямо в лесу и... извлекал «хмельное варево» звуков, перемешивая сочиненные им самим и, конечно, другими музыкальными гениями. Из соседних деревень сбегались крестьяне (и стар и мал, как говорится) и, прячась за кустами и в травах, заслушивались дотемна на этих импровизационных представлениях чудака-музыканта... А ты что, не слышал об этом? — удивленно и с легким укором спросил мой друг и

продолжил: — В последний период жизни Григ, уже знаменитый музыкант, вернулся на родину, в город Берген. И там... недалеко от города, в Тролльхаугене (Долина троллей), по своему проекту построил дом... или виллу, если угодно... Таким образом — «пошел в народ»! Он очень серьезно занимался народной музыкой, фольклором, и возвращение в провинцию было решением не спонтанным, а напрямую связанным с его творчеством. Человек неугомого поиска, недюжинного таланта, он искал и искал новые формы выражения! Для него слово «поиск» не было пустым звуком... Вот его кредо: «...поиски, неустанные поиски, в надежде открыть когда-либо ту крошечную частицу нового, которая означает высшую радость художника».

Городская площадь в Тарусе

В те времена музыканты подсознательно потянулись к не ограниченной ничем свободе — играть под небесами! Обрыдли им постоянные разговоры об акустике залов, где они давали концерты... И захотелось им махнуть на все эти «высоколобые» придумки — сесть прямо под небесами, среди сельских ветерков, и — играть, играть и играть, не оглядываясь ни на акустические параметры, ни на прочую, далекую от сущности музыки, болтологию. Именно эти чувства сподвигли великого норвежца к такому поступку. И он играл — прямо в лесу!

Рихтер, конечно, знал о великом предшественнике. Для этого и поехал на Оку (дело давнее — в 1950 году). Найдя на очень крутом берегу соответствующее место, купил заброшенную избушку бакенщика, а потом построил там свой «музыкальный оазис» в виде устремленного ввысь строения из массивных бревен и камня...

Вот эпизод из книги Валентины Николаевны Чемберджи «О Рихтере — его словами»:

«1982 год. Звенигород. Знойный августовский день. Пыльная проселочная дорога. Скоро по ней должен пройти Рихтер. Пешком с Николиной горы (более двадцати километров), он придет на концерт нашего фестиваля "Музыкальные собрания в Верхнем Посаде".

И действительно, около четырех часов дня на нашей улице появляется Рихтер. Массивная фигура, стре-

мительный, подвернув брюки, босиком, он скорыми шагами проходит мимо нашего дома...»

Эдвард Григ в Бергене учредил и открыл Первый музыкальный фестиваль. Рихтер в 1993 году учреждает и проводит первый музыкальный фестиваль в Тарусе.

Это не подражательный жест, это — совпадающие жизненные и творческие устремления нашего современника с идеями великого предшественника...

Засмотревшись на огромный белоснежно-серебристый валун облака (мы разговаривали среди поля, в Радонеже) над нами, мой друг, вздохнув, сказал в продолжение темы:

— Как видишь, и у нас такой музыкант имеется. Правда, немного чудак, но тоже из когорты гениев — Святослав Рихтер! Он проделал подобное. Прямо на высоком косогоре, там, где в низине течет Ока, построил причудливое здание (дом или скит — уж и не знаю, как точней описать), устремленное ввысь, к небесам. Даже подобие эстрады предусмотрел, так что инструмент выставлял и играл «взахлеб». И слушали его не только беззаботные пташки и мотыльки — сюда тоже устремлялись люди поглазеть на чудо-представление (конечно, бесплатное).

— А дом сохранился? — вздохнув, спросил я.

— Ну да. Туда даже экскурсии вроде бы возят, а место так и называется — «Дача Рихтера»... Километрах в десяти от Тарусы — знаменитой «Мекки» художников и поэтов.

Не зря же Тарусу писатель Паустовский (сам тарусский насельник) называл «Русский Барбизон». В том смысле, что ехали туда так же, как на «пленер» французские художники, что впервые вышли с мольбертами прямо под открытое небо! Произошло это возле маленькой деревеньки Барбизон, вблизи знаменитого леса Фонтенбло...

Машина спрыгнула с асфальта, и укатанная дорога от деревеньки Алекино пролегла среди поля двумя белыми колеями. Она уводила к Оке — и вот, справа мелькнул столб с надписью — «Дача Рихтера». Я оглядел мрачноватый пейзаж. Вдоль дороги протянулась кривая изгородь, а далеко в поле у полосы леса паслись несколько коров... Поодаль — развороченные стожки с посеревшей и подгнившей травой и длинное полуразрушенное строение — похоже, бывшая ферма.

Дальше пошли ужасные колдобины — машину затрясло, я не ехал, а прыгал... «Интересно, — подумалось мне, — а в советское время Рихтер так же добирался сюда?» И даже в этой дорожной болтанке вспомнилось вдруг стихотворение Николая Заболоцкого:

*В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого, и даже
Не каждому художнику видна.*

*И лишь когда за темной чащей
леса
Вечерний луч таинственно блеснет,*

*Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.*

*Вздохнут леса, опущенные в воду,
И как бы сквозь прозрачное
стекло,
Вся грудь реки, приникшей
к небосводу,
И загорится влажно и светло.*

*И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных
вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.*

Заболоцкий в конце своей нелегкой жизни (отбывал 10-летний тюремный срок) тоже стал насельником тихой Тарусы, находящейся за 101 километр от чиновной столицы.

Здесь, среди природы, под «ситечком» серых облаков и невеселого дня, стихи звучали с оттенком безысходности, и казалось, что им не хватает воздуха...

Все же «допрыгал» до прогала между сплошной стеной деревьев, и увидел полоску ультрамариновой Оки. По ней «ребрились» и бежали световой полоской, распадаясь на глазах, яркие отблески, отраженные от проглянувшего солнца. Вода переливалась сияющими искорками, мерцала, серебрилась... Я вышел из машины и по дорожке вышел к реке. Тут же обдало порывами холодного ветра.

На песочном берегу сидели молодые мужчина и женщина, а в сто-

ронке от них шустрый мальчишка носился по песку, играя с мячом.

Мужчина повернулся, улыбнулся мне и сказал:

— Вы прошли подворье Рихтера... Вам туда! — показал он рукой на густой зеленый массив дубовых деревьев.

Вернувшись к машине и поднырнув под ветки дерева, которые едва не касались земли, прикрывая собой дорожку, я прошел под ними и сразу оказался на пыльной дорожке, ведущей прямо к даче, которую я сразу не заметил...

Это и был дом музыканта — «сторожевая башня», или маяк, или дача... не знаю, как точнее выразиться, чтобы описать то, что я увидел...

Взглянув на массив деревьев, зеленой «стеной» покрывший крутой косогор, я вспомнил прошлое...

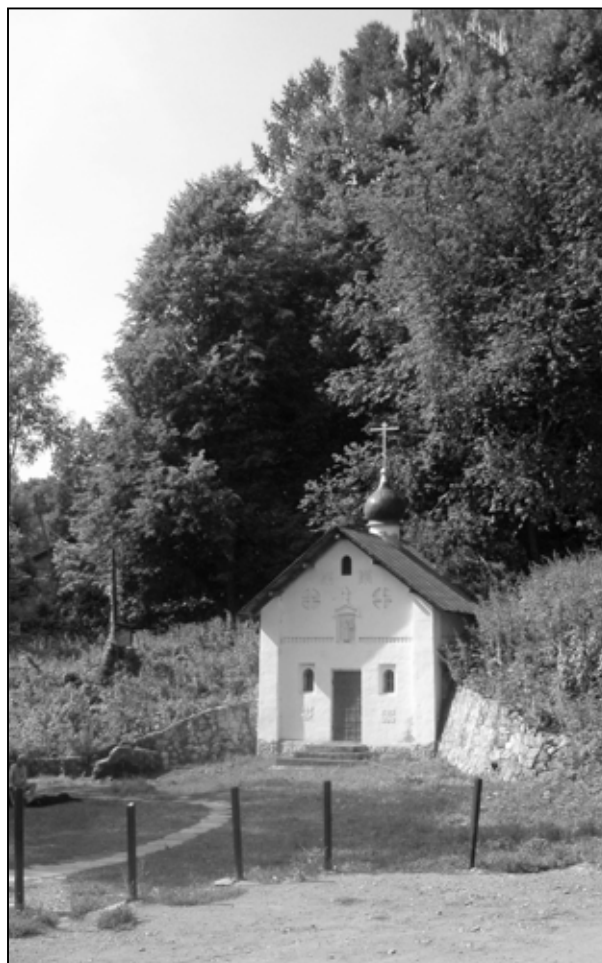
Студенческие годы — учеба во ВГИКе. Зимняя сессия. На учебной киностудии ВГИКа, как и всегда во время экзаменов, суета и беготня. Все готовят работы к показам, в монтажных настояще столпотворение...

В это время я забежал в одну из монтажных и, заглянув в «экранчик» монтажного стола, замер. Увидел крупный план — лицо Рихтера! Я не мог оторвать глаз от этого лица. Эмоции, отражавшиеся на нем, мимическая игра невероятно выразительных черт буквально потрясли меня. На этом лице отпечаталось все напряжение, все взрывное, что Рихтер переживал во время исполнения бет-

ховенской музыки. Эмоциональная эпопея, трагедийная драма! Но она неожиданно окончилась — из-за отрезанной пленки...

Прошли не годы, а десятилетия, не запомнил я ни имени, ни фамилии парня с операторского факультета (помню только — учился на заочном отделении), да вообще ничего теперь не помню — но лицо Рихтера! Только веки прикрою, и... сразу то лицо! Даже киноклассики — «Феллини» и «Бергманы», не изумляли так, как та ученическая съемка... Заполoshное чувство охватило, будто я подсмотрел недозволенное,

Часовня у источника в Тарусе

не для всех предназначенное, и одним взором разгадал, понял всю мучительную страсть музыканта...

Я подошел к дому и остановился. Поразило, что к нему можно подойти запросто и потрогать руками. Никаких заборов, изгородей, никаких препон для свободного прохода вокруг этой чудодейственной постройки.

Прочел надпись — «Мемориальный дом Святослава Рихтера. Охраняется государством»...

Но где та охрана, если вокруг ни души? Эта неожиданная абсолютная свобода в подходе к дому великого музыканта изумила, и я невольно стал озираться по сторонам, ожидая, что из-за угла вот-вот выбегут вооруженные до зубов охранники. Но — никого, тишина вокруг, только легкий шелест листвы...

А дача музыканта стояла, открытая всем ветрам и абсолютно, абсолютно свободная! Вольной статью и независимостью она словно декларировала представления своего хозяина о жизни — неохватность его творческой и великой души!

Дом был задуман Святославом Теофиловичем для занятий и жизни. Функциональную сторону он продумал довольно основательно, учитывая особенности местности. Визуально здание похоже на сторожевые башни, которые так приблизительно и выглядели на охранных кордонах в Древней Руси...

Не только снаружи дом производил неожиданное впечатление, внутри тоже все было устроено по сво-

ему. Во-первых, холодный подвал, «утопленный» в глубину земли. Первый этаж — каменный, второй и третий — деревянные. Стало быть, в доме четыре уровня. В подвале все ниши для хознужд и емкости обработаны камнем... Здесь устроено и основание печи, которая буквально пронизывает всю постройку снизу вверх. А дальше — этаж из камня, на стенах которого стоит сруб второго этажа, а на нем также укреплен сруб третьего.

Этажи соединены крутыми узенькими лесенками...

На третьем — выход на крохотный балкончик, а с него — изумительный вид на Оку и на дали за ней! Пейзажи, которые Рихтер так любил — раннее утро, туманы... вечерние лучи, простреливающие золотыми густыми красками всю зелень деревьев, и, конечно, изумительные дубы...

Ах, какие дубы! Могучие красавцы вписались в это место, украшая дом...

Полоса леса, а за нею — светлый простор Оки!

И над всем — вольный ветер, ароматы трав и цветов...

На другой стороне реки — манящие, слоеные, красочные дали! Они притягивают взгляд — не оторвать... Голубые, ультрамариновые, изумрудно-фиолетовые, синие, дымчатые...

Сверху, с маленького балкончика, — потрясающий обзор! Думаю, за этим музыкант и приезжал сюда, чтобы «захватывать» духом своим

ненасытным эти неуловимые причудливые сочетания и непредсказуемые мгновения гармонии, ее проявлений в просторах и свободе, ничем не скованных...

Для таких божественных мгновений требуется абсолютный слух и тонкое чутье — у Рихтера они были совершенны!

В полусказочном доме не было электричества, и в свои нечастые приезды он жил так же, как когда-то бытовали в деревнях — при лучине и свечах. И жизнь текла — по солнышку! Утром проглянуло — вставал и действовал. Вечером светило угасло — ложился спать...

Любил ходить босиком. Да-да, босиком по пыльной дороге, а потом шел и полоскал ноги в прохладной воде у кромки берега Оки...

Как и Григ, он устраивал подобие фестивалей, проще говоря, создавал прецедент для того, чтобы играть и для публики, не только для себя. Самым главным для него было — выплескивать из души накопленное, прочувствованное и одухотворенное. А в чем еще могла быть его сверхзадача? Только в этом — переливать яростно-прекрасное, сладостное чудодейство искусства в души людей, откликающихся вибрациями эмоций на чарующие, завораживающие звуки!

Одиночество... Художнику оно необходимо. Как высказался об этом тот же Шопенгауэр: «В одиночестве каждый видит в себе то, что он и есть на самом деле».

А величайший путешественник современности Федор Конюхов, подолгу находившийся в одиночных экспедициях, вторя философу, сказал об этом емко и точно: «*Одиночество — есть особая мудрость!*»

Воистину так!

У Рихтера, здесь, в этой оригинальной даче, не было никаких приемов и прочей светской мишуры...

Бывали, и то изредка, друзья и коллеги. Это близкие ему люди — поэтесса Белла Ахмадулина и ее муж — художник Борис Мессерер, Наталья Гутман, Сильвия Нейгауз, Денис Королев (солист Большого театра), гостила у Рихтера и Ирина Александровна Антонова (в то время — директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), бывали и другие, но в основном дом этот музыкант использовал только для главного — для творчества и работы! Он успевал за короткие пребывания здесь надышаться таким желанным одиночеством. На крутом берегу Оки!

Здесь уж мою фантазию, как говорится, «понесло»... Я смотрел на балкончик, стоя внизу под домом, и в воображении моем появилась голубая майская ночь с молчаливой лунной, величественно плывущей над Окой и протянувшей на воде искрящуюся лунную дорожку... А дальше, в темной сиренево-синей мгле, все охватила тишайшая ночь. Только стрекотали кузнечики и где-то текла ночная птаха...

Следующее мое видение — буйные краски осени — оранжево-огненные, кадмиево-желтые и охристые... густые и будто специально разбросанные кем-то на дом Рихтера. (Дачу музыканта называют — «Дом на Оке».)

Святослав Теофилович очень ценил эту «тихую заводь», наполненную, воздушными мелодиями окских ветерков и посвистами беззаботных полевок... Здесь была потаенная обитель для широкого и мятежного творческого Духа!

Дом-дача Рихтера в Тарусе

Время его жизни пролетело безвозвратно!

Только в записях и осталась та скрытая от посторонних глаз «адова работа», которая не прекращалась ни на мгновение! Он был величайшим тружеником! Все время учился, делал новые смелые шаги, совершенствуя свой огромный талант.

Остались записи нескончаемых усилий маэстро, свидетельства ежедневных упражнений, проработок, оттачивания мастерства: *«Я уже давно понемногу смотрел это сочинение и сейчас продолжаю учить и каждый раз думаю: еще это надо*

выучить, и еще это... А главное, нельзя терять голову во время исполнения. Если медленные вариации — да, конечно, с настроением!

А все остальное нужно играть хладнокровно и аккуратно, с холодной головой и горячим сердцем, тогда хорошо все получится. Прекрасно играл эти вариации Гилельс».

Остался и дом, а с ним осталось и громадное наследие!

Это, прежде всего, записи концертов музыканта, телепрограммы с его участием, фильмы, книги о нем и его творчестве, статьи и материалы о знаменитейшем музыканте двадцатого века.

И дубы стоят... красивые, заматеревшие в своей мощной ветвистости. Бревна дома почернели, впрочем, возможно, они такими и были уложены.

Ах, как жаль, что не придет больше сюда яростный повелитель божественных звуков!

Я присел на лавочку, сделанную из распила большого дерева, и молча следовал за собственными мыслями и видениями...

...Представился пейзаж — порывы ветра от низины Оки, сухие листья вихряются и кружат, поднимаясь вверх, а потом падают и юлят, как маленькие бумажные моторчики... Теевая графика — силуэты деревьев, и дрожащие на ветру еще не оторвавшиеся листочки... И его увидел, он стоял, повернувшись к зеркалу реки за верхушками голых деревьев...

Это все, полонившее мое воображение, вновь вызвало мысль о музыке, и теперь в связи с нею вспомнился Блок — его ощущение мира как беспредельной музыки!

Воспоминания художника Юрия Анненкова: «В 1917–1919 годах Блок, несомненно, был захвачен стихийной стороной революции. "Мировой пожар" казался ему целью, а не этапом. Он не был для Блока символом разрушения: это был "мировой оркестр народной души", "ураган, неизменный спутник переворотов". И снова, и всегда — Музыка, Музыка с большой буквы. "Те, кто исполнен музыкой, услышат вздох всеобщей души, если не сегодня, то завтра, — говорил Блок еще в 1909 году. В 1917 году ему почудилось, что он ее услышал. В 1918-м, повторив, что "дух есть музыка", Блок говорил, что "революция есть музыка, которую имеющий уши должен слышать!" и заверял интеллигенцию: "Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию".

Впрочем, не только революция, революционный пафос вызывали у Блока ощущение музыки. Самые различные между собой события имели для него "один музыкальный смысл". Он писал: "Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор"...

Очнувшись от наваждений и воспоминаний, я только теперь заметил — день угасал, начинали вла-

ствовать сумерки, распространяя вокруг вместе с темнеющей синевой особенное состояние, когда хочется встать и идти действовать, и думать только позитивно!

Такова защитная реакция нашей самости... от мыслей об «уходе», тленности бытия, и — страхе перед бездной Вечности.

Рихтер, конечно, тоже думал об этом, он, как всякий гений, был философом!

Валентина Николаевна Чемберджи записала: *«Несколько раз доводилось наблюдать за тем, как С.Т. реагирует на известие о чьей-то смерти. Необычно. Смерть, воспринимаемая им как некая необходимая составная жизни, и поэтому он "якобы" не расстраивается. На самом же деле я чувствую, как громадным усилием воли он не позволяет себе до конца погрузиться в происшедшее и стремится заменить и затемнить горе некими ритуальными условностями. Обвести фамилию умершего в черную рамку в одной из своих огромных телефонных книжек, обязательно пойти на отпевание, если оно состоится, может быть, и поиграть, если друг был близким человеком. И еще часто с виноватым видом говорит: "Вот видите, а я еще живу"».*

Каждое лето, прямо здесь, среди красот природы, проходят музыкальные праздники — фестивали, учрежденные Рихтером. Продолжается дело гениального музыканта! Недавно прошел уже 26-й

музыкально-художественный фестиваль Фонда Святослава Рихтера, где вновь звучала музыка — много музыки! А художники выставляли свои живописные работы...

Стало быть, мифическая «Река Жизни», меняя свои направления, усложняется, но при этом неумолимо движется вперед!

Таинственными всплесками шуршит листва, будто изображая воспетый поэтом «зеленый шум», а потом снова над раздольем русского пейзажа воцаряется тишина...

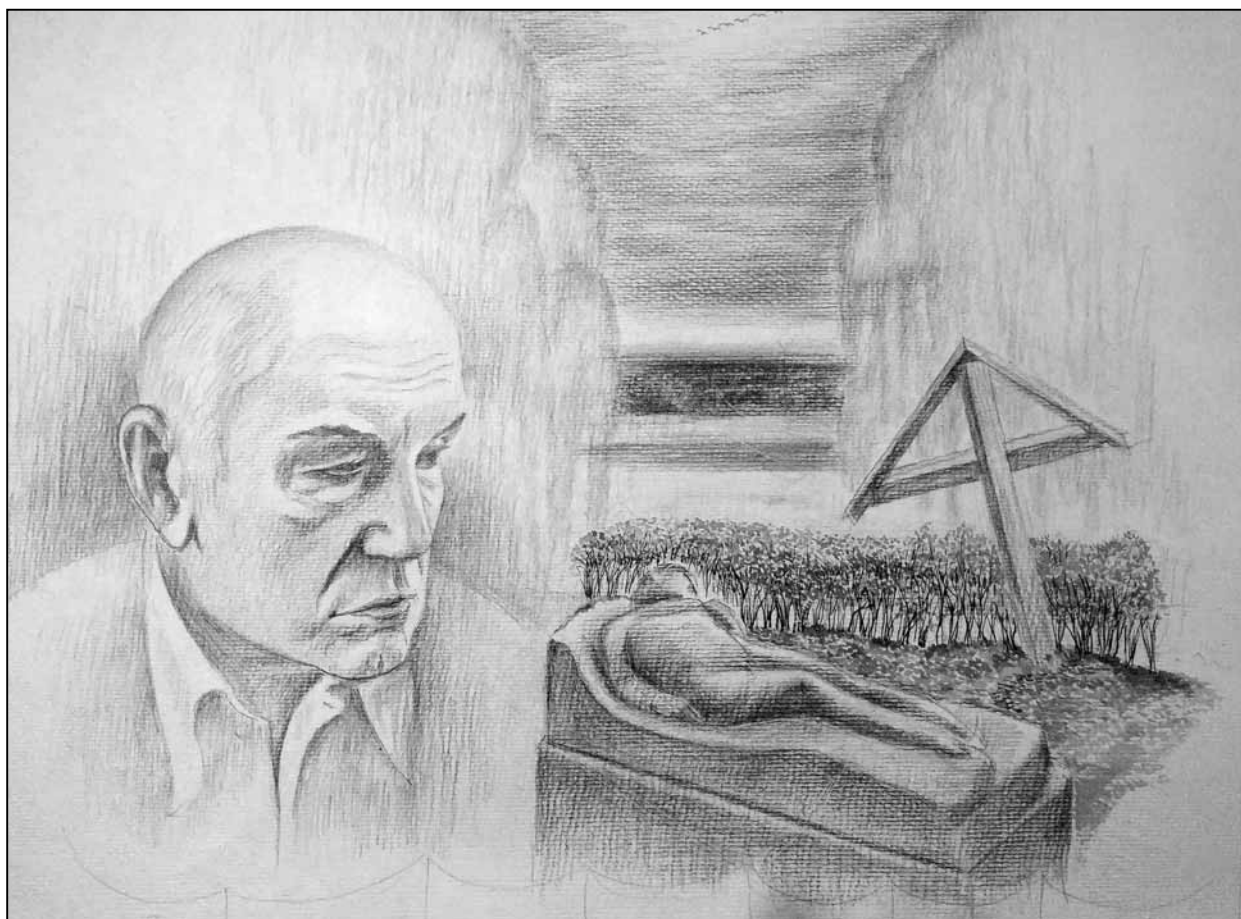
А за домом, в глубоком овраге, среди кустарников, от стремительного порыва ветра вдруг покачнется высокий бурьян разнотравья, и вновь все замрет...

Что бы ни говорилось «специалистами» по проблемам искусства, у каждого из нас есть свой любимый мастер и свое любимое произведение искусства... Свое — и только свое!

Свой Ван-Гог, свои «Красные виноградники», свой Гарсиа Маркес, свой Моцарт и своя бессмертная «Сороковая симфония!» Свои — Тарковский и Феллини! Свои — Мусоргский, и — свой великий Рихтер!

Природа и одиночество — истинные миры большого художника!

Верую, что в местах, где так много звучало музыки гениев, в самом пространстве остаются эманации великого очарования жизни, эдакий «Эверест» всех мыслей и чувств!

**«Сюита печали». Эскизы к композиции
«Рихтер у могилы художника
Борисова-Мусатова»**

Похоже, именно это и заставило приехать сюда. Хотя маниакальное коллекционирование знаменитых мест, связанных с искусством, всегда мне претило, здесь совсем иной случай...

Поездка, которая все же состоялась, оставила благостно-благодарное чувство. Быть может, потому, что многое прокрутилось в сознании старой киноплёнки запечатленного времени... Да, «намоленные» мощным духом места посещать все же полезно. И для души — и для сердца!

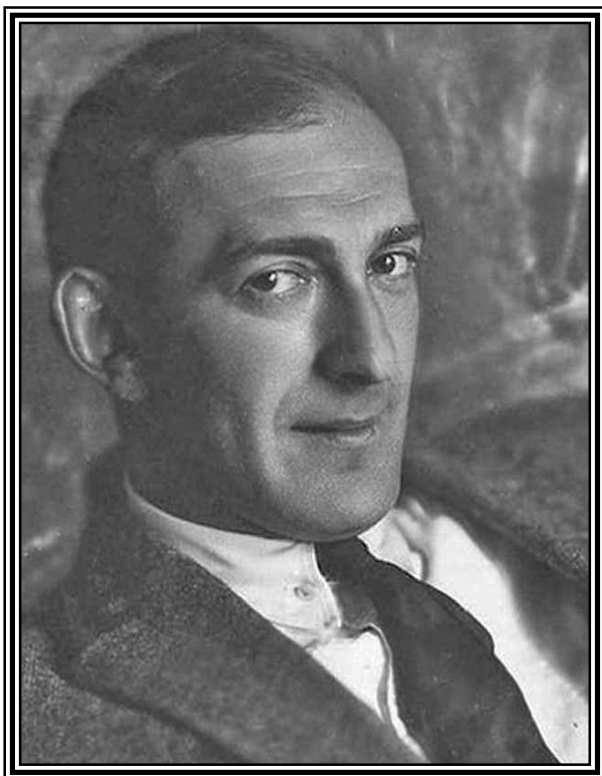
Здесь непроизвольно, подспудно происходит скрытая духовная работа, кажется, распрямляется сам дух, очищаются болезненные «накипи» бытовизма, и, что важно для самосознания, своя жизнь соизмеряется с деяниями гения... Не по прямой свершается эта тонкая работа, — но обязательно свершается!..

Далеко за зеленой стеной лесов, как и при великом музыканте, серебрится неторопливо убегая вдаль, водная гладь истинно русской реки — Оки.

Серебрятся, искрятся, мерцают на «ребрышках» бегущих волн отблески ярких лучиков, так похожих на отражения драгоценных камней... □

В. Г. Шершеневич

Юрий Осипов

«Певучий почерк соловья»

Поэт так называемого «второго ряда» блистательной плеяды Серебряного века Вадим Шершеневич был незаслуженно полузабыт в 20-е–30-е годы. Между тем творчество этого основателя имажинизма, друга и соратника Сергея Есенина, по мнению исследователей, «представляет собой одну из вершин русской лирики 20-го столетия». Причем, как бы демонстрируя условность границ отечественного авангарда, он «писал стихи, следуя эстетическим принципам самых различных литературных направлений: символизма, эгофутуризма, кубофутуризма...»

Печататься Шершеневич начал с 18 лет, дебютировав сборником «Весенние проталинки» (1911). Высокую оценку поэтическому языку Шершеневича дал тогда же Гумилев: «Выверенный стиль, интересные построения заставляют радоваться его стихам... Изысканные рифмы не перевешивают строки».

Под влиянием русских и итальянских футуристов Шершеневич выступил также видным теоретиком авангардного искусства в книгах «Футуризм

без маски»(1914), «Зеленая улица» (1916), в докладе «Злато-полдень русской поэзии» (1913). Отличительной чертой нового искусства поэт ставил приоритет движения, скорость и качественные изменения «кванта» времени. «Красотой быстроты пропитан весь сегодняшний день, — писал он, — от фабрики до хвоста собаки, которую через миг раздавит трам». Жестко, но очень любопытно и созвучно тенденциям наших дней. Как и точное наблюдение, что «лирик опьянен именно динамикой жизни».

Сам Вадим Габриэлович был «опьянен динамикой жизни» с юных лет и, вступив в поэтический цех, искал собратьев по творческим убеждениям. Эти напряженные поиски привели его сначала в лагерь эгофутуристов, а в 1918-м к основанию группы имажинистов, провозгласивших идею «образотворчества». Развернувшаяся полемика о роли образа в поэзии (имажинисты полагали, что образ является ее движущей силой) вызвала появление знаковых сборников стихов «Крематорий» и «Вечный жид», на обложке которых стояло: «Имажинист Вадим Шершеневич».

Оставшегося после революции на родине Шершеневича пролетарская культура задвинула на периферию литературы. А он, отрицая и классическую поэзию прошлого, и ужасаясь полной бесплодности поэтов группы «Октябрь» и «Кузница», не сумел, подобно Есенину, ослепительно вспыхнуть вольфрамовой нитью перед роковым концом, искал новые средства художественного самовыражения и под прессом все усиливавшегося политического давления взялся за инсценировки и переводы Шекспира, Бодлера, Парни...

Поэтическое творчество, в котором преобладали любовные и урбанистические мотивы, осталось для него нескончаемым процессом познания, где лишним оказывалось все, что было уже апробировано. И все же творческая эволюция этого своеобразного поэта шла от эксперимента к традиции. Поздние стихотворения Шершеневича 30-х годов удивляют своей энергетикой и поистине классической простотой.

*Любовь! Твой плащ горит над миром,
Но плащ твой с выпушкой бед.
Твой страшный глаз глядит сапфиром,
Но в нем ясней рубинный след.
И все ж пленять не перестанешь,
Любовь последняя моя,
И ты убьешь, но не обманешь
Певчий почерк соловья.*

Вадим Габриэлович Шершеневич родился в январе 1893 года в Казани в семье известного юриста, про-

фессора и впоследствии члена Государственной думы Габриэля Феликсовича Шершеневича и оперной

певицы Евгении Львовны Мандельштам, сестры известного адвоката и писателя М. Мандельштама, участника революционного движения.

Когда мальчику исполнилось семь лет, родители расстались без оформления развода. В дальнейшем он жил с матерью в Москве и учился в знаменитой Поливановской гимназии на Пречистенке, которую в разное время оканчивали В. Брюсов, А. Белый, С. Соловьев и другие

выдающиеся деятели отечественной культуры. Одноклассником Вадима был великий русский шахматист, чемпион мира А. Алехин.

Шершеневич проявлял большие способности к учебе — после окончания гимназии поступил на математический, потом перешел на историко-филологический факультет Московского университета. Стажировался в Мюнхенском университете. И еще в гимназические годы,

пробуя разные манеры, начал писать стихи.

В ту раннюю пору начинающий поэт отличался завидной плодовитостью, хотя первые его сборники «Весенние проталинки» (1911), «Carmina» (1913) несут на себе печать явного влияния мэтров символизма — Блока, Бальмонта, Брюсова. Зато последующие книги стихов юного Шершеневича — «Романтическая пудра» и «Экстравагантные флаконы» — сближают их автора с набравшими силу, а также скандальную известность эгофутуристами. В том же 13-м году он совместно с Л. Заком даже организовал недолговеч-

вал собственную теоретическую работу «Футуризм без маски». А вот его редактирование «Первого журнала русских футуристов» в 14-м году вызвало резкие нарекания не только авторитетных собратьев по цеху в лице Д.Бурлюка и Б.Лифшица, но и их прямых оппонентов из группы «Центрифуга». Причем с резким выпадом против Шершеневича выступил входивший тогда в «Центрифугу» Борис Пастернак.

Глубоко уязвленный всеми этими нападками, Вадим отправился на фронт Первой мировой в качестве вольноопределяющегося и именно там, в окопах, обрел свой творче-

О

ставшись после Октябрьской революции в России, Шершеневич, подобно остальным собратьям по перу, принявшим советскую власть, читал в Пролеткульте лекции о стихосложении, занимался подготовкой к изданию многотомного художественного словаря для отдела ИЗО Наркомпроса, а также вместе с Маяковским рисовал плакаты для «Окон РОСТА» и писал к ним тексты

ную футуристическую группу «Мезонин поэта». Много печатался сам, больше как критик, под разными псевдонимами.

Ищущую, романтическую натуру Шершеневича не могли не захватить бурные поэтические диспуты середины 10-х годов, в которых он принял самое активное участие. Кроме того, перевел литературные манифесты отца итальянского футуризма Ф.Маринетти и опублико-

ский голос, свою характерную поэтическую манеру. Она сохранилась у него и в имажинистский период, будучи представлена тогда сборником стихов «Автомобилья поступь», драмой «Быстрь» и книгой статей об искусстве «Зеленая улица». Все они вышли в грозном предреволюционном 1916 году.

Обостренный интерес к слову, его возможностям и тайнам позволил

Вадиму Шершеневичу именно тогда за какие-то пять лет пройти творческий путь от символизма к эгофутуризму и дальше — к разработке в 21 год теории имажинизма. Удивительная работоспособность и плодовитость, равно как и быстрота поэтического взросления!

Он приходит к твердому убеждению, что искусство должно идти в ногу со временем, быть созвучным эпохе, а новые литературные средства при этом служат передаче нового ритма жизни, который резко участился. «Наша эпоха слишком изменила чувствования человека, чтобы мои стихи были похожи на произведения прошлых лет» — писал поэт в пре-

ного словаря для отдела ИЗО Наркомпроса, а также активно работал в литературной секции при агитпоезде имени Луначарского (был тогда и такой). Вместе с Маяковским рисовал плакаты для «Окон РОСТА», писал для них тексты.

Всероссийский Союз поэтов, игравший одно время существенную роль в становлении новой литературной жизни, — во многом детище Вадима Шершеневича. Вместе с Р. Ивневым и В. Каменским он принял участие в создании Союза поэтов и с 1919 года являлся его председателем.

Этого, однако, кипучей натуре Вадима Габриэловича оказалось недо-

Начавшееся еще до революции поэтическое соперничество Шершеневича с Маяковским продолжалось и в 20-е годы. К Вадиму Габриэловичу с интересом присматривались властямущие, а публика радостно приветствовала новоиспеченного имажиниста на эстраде. Теперь характерными особенностями его творчества становятся бурлексные образы, откровенный, подчас непристойный эпатаж и диссонансная рифма

дисловии к сборнику «Автомобилья поступь».

Оставшись после Октябрьской революции в России, Шершеневич, подобно остальным собратям по перу, принявшим советскую власть, читал во время Гражданской войны в Пролеткульте лекции о стихосложении, занимался подготовкой к изданию многотомного художествен-

статочко, и в 18-м году он, С. Есенин и А. Мариенгоф учредили «Орден имажинистов». На правах теоретика имажинизма Шершеневич выступил с громкой декларацией их направления. Он вообще был прекрасным оратором, мастером острой полемики и постоянно громил литературных противников на разного рода диспутах.

*С первой
женой
Евгений
Шор*

Видимый «союз» с советской властью, которая, казалось бы, не обращала внимания на имажинистов, был нарушен выходом в 1922 году их коллективного сборника «Мы Чем Каемся». Заглавные буквы его названия слишком явно отсылали к зловещей аббревиатуре Московской Чрезвычайной Комиссии (МЧК). Издание было арестова-

но, авторам сделали строгое предупреждение.

Случались с Шершеневичем в общей неразберихе тех лет и забавные казусы. Так, чиновники по недоразумению посылали его сборник «Лошадь как лошадь» в деревни в качестве руководства по коневодству. Можно вообразить реакцию голодных озлобленных крестьян, скажем,

*Слева
направо:
Анатолий
Мариенгоф,
Сергей
Есенин,
Александр
Кусиков,
Вадим
Шершеневич.
Лето 1919,
Москва*

на стихотворение «Принцип звука минус образ» или на «многоэтажное» построение другого, где реалистическое описание перетекало в сюрреалистическое...

Поэма «Крематорий» — одно из наиболее значительных произведений Шершеневича той поры. Поэма стала своеобразным ответом на «Облако в штанах» Маяковского и несколько раз переиздавалась. Она и сегодня удивляет своим образно-ритмическим строем.

*От горба Воздвиженки до ладони
Пресни,
Над костром всебегущих годов,
Орать эту новую Песню
песней
В ухо Москвы, поросшее волосами
садов.*

Определенным событием в читательских кругах явилась также третья книга лирики Шершеневича «Лошадь как лошадь» (1920). Вот как она начинается:

*Закат запыхался. Загнанная лиса.
Луна выплывала воблою вяленой.
А у подъезда стоял рысак.
Лошадь как лошадь. Две белых
подпалины.*

Начавшееся еще до революции поэтическое соперничество Шершеневича с Маяковским продолжалось и в 20-е годы. К нему с интересом приглядывались властямущие. А публика радостно приветствовала новоиспеченного имажиниста на эстраде. Характерными особенностями его творчества становятся бурлескные образы, концентрация метафор городского обихода, откровенный, подчас непристойный эпатаж, акцентный стих и диссонансная рифма. Все это перекликалось с тематикой трагической чувственной любви.

Главным врагом поэзии Шершеневич объявлял глагол, который своей организующей ролью в тексте пытается «пленить деятельность образного существительного». (Не правда ли, это утверждение вызывает в памяти культовое стихотворение А. Фета «Шепот, робкое дыханье...», состоящее из одних существительных, и блоковское «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...») Вредными для структуры стиха Шершеневич считал, кроме того, и предлог с наречием. Основной материал поэтического творчества он видел в существительном, «освобожденном от грамматики, или, если это невозможно, ведущим гражданскую войну с грамматикой».

Заявляя о принципиальном аполитизме и независимости искусства,

Шершеневич в 19-м году был арестован за связи с партией анархистов. Пробыл под арестом три месяца и вновь принялся отстаивать имажинистские установки на самостоятельность поэзии. Его теоретическая работа об имажинизме называлась вполне вызывающе: « $2 \times 2 = 5$ ». Аналогичный характер носили поэмы из сборника «Кооперативы веселья». Отвечая на все нападки отрицанием государственной поддержки искусства, Шершеневич провозглашал «отделение государства от искусства».

Так называемый «Орден имажинистов» располагал собственными издательствами и журналом «Гостиница для путешественников в прекрасном». Девять коллективных сборников «Ордена» не обошлись без активного участия в них Шершеневича и были постоянной мишенью для критики. С начала 20-х на эти издания оказывалось мощное официальное давление. Особое возмущение печатными выступлениями Шершеневича и имажинистов высказал нарком Луначарский в статье «Свобода книги и революция». Стремясь выслужиться перед начальством, поэт И. Аксенов в рецензии на сборник «Лошадь как лошадь» без тени стеснения определил автора как «тип, подлежащий ликвидации».

Последний сборник стихов Вадим Шершеневич выпустил в 1926 году. Он назвал его многозначительно — «Итак итог», и посвятил его второй жене, актрисе Опытного-героического театра (Киев) Юлии Дижур, дочери

присяжного поверенного Одесской судебной палаты, покончившей жизнь самоубийством после ссоры с мужем 3 апреля того же года.

Первый брак поэта, в свою очередь, оказался неудачным. Тоже актриса по профессии из семьи пианиста, Евгения Шор с 22-го года вынужденно служила в секторе Главнауки Наркомата просвещения РСФСР, а затем в 30-е с дочерью Шершеневича Ириной выехала на жительство в Бельгию.

Самоубийство жены Вадим Габриэлович переживал тяжело, пытался излить горечь утраты в стихах.

*Через май за полдень любовь
не устанет расти,
И вместо наскучившего: «Я люблю
тебя, дорогая!» —
Прокричу: «Пинь-пинь-ти-ти!»*

«Итак итог», в сущности, уже поэма-эссе. «Орден имажинистская книга. «Орден имажинистов» к тому моменту постепенно начал распадаться. Итоги этого

яркого литературного течения были подведены. В статье «Существуют ли имажинисты?» Шершеневич признал кончину имажинизма и объяснил ее так: «От поэзии отнята лиричность. А поэзия без лиризма — это то же, что беговая лошадь без ноги».

Вадим Шершеневич еще продолжал писать стихи, но работал над ними все меньше и меньше. За последние 15 лет жизни не опубликовал, за исключением переводов, ни одного стихотворения, переключившись на драматургию, киносценарии, литературную критику и мемуары. И это, разумеется, очень печально. Причудливая бабочка превратилась в трудолюбивую гусеницу.

Надо заметить, что драматургом он был весьма успешным. Начинать в том же 1926 году пьесой-антиутопией «Мещантика», при жизни автора не опубликованной. Зато другие пьесы и скетчи Шершеневича не сходили со сцен столичных и провинциальных театров. Не раз поэт пробовал свои силы еще в качестве режиссера-постановщика, а то и актера. Возглавлял одно время киевский Опытно-героический театр, в котором служила его жена. Именно в этом театре были поставлены его пьесы «Одна сплошная нелепость» и «Дама в черной перчатке».

Безупречный вкус Шершеневича помог ему в кратковременной работе завлитом знаменитого московского Камерного театра Таирова, где он заметно укрепил репертуар. Но главным делом поэта вне поэзии оставались стихотворные переводы Шек-

Слева:

*Вторая жена —
Юлия Дижур*

спира, Корнеля, Бодлера... В частности, полный перевод «Цветов зла», увидевший свет лишь в 2007 году, считается образцовым. Не меньшего внимания заслуживают и другие переводы Шершеневича немецкой и французской классической поэзии, тоже изданные только после смерти автора.

«Прежде всего мне хотелось бы... очень резко отвести от Есенина «есенинщину»... то нездоровое богемное настроение, выливающееся в скандалы и упадничество. «Есенинщина»

была создана после смерти Есенина, и поэт за нее так же мало ответственен, как Гете за те смоубийства, которые были после появления «Вертера», — так писал Шершеневич в книге воспоминаний «Великолепный очевидец», над которой трудился в середине 30-х годов. Он оставил нам в ней точные и художественные свидетельства незабываемой предреволюционной и послереволюционной эпохи, увенчанной именами Маяковского и Есенина. О каждом из этих гигантов Шершеневич,

их близкий друг и соратник, сумел сказать вещи крайне важные и проникновенные.

«Сергей очень внимательно всматривался в каждое техническое нововведение, и если даже был с ним не согласен, то все-таки обижался, почему не он его придумал... Показал мне опыт своих диссонансов, они у него не вытанцовывались, потому что были органически чужды его творчеству... После читки отбросил стихи и сказал: «Все это ерунда, главное, чтоб душа была». Поэтический темперамент или, как он называл «голос», он любил больше всего и часто бранил меня: «Холодный ты! Это все от Маяковского! От Маяковского добра не будет!»

«Это был человек... с ясным и цельным мирозерцанием, твер-

ра, даже уши были слегка приплюснуты... он действительно хорошо боксировал...» «Человек смелый, волевой, опытный в литературных боях... укладывающий своим красноречием любого оппонента на лопатки». Таким предстает Вадим Шершеневич в воспоминаниях современников, знавших его в разные годы.

«Дом Шершеневичей был очень гостеприимный, его двери были открыты и днем, и ночью. Все это время голодали и холодали, шел 1917 год. У Шершеневичей топились «буржуйка», и на ней на всю братию варились либо пшеничная, либо ржаная каша. Просиживали мы до утра, по ночам ходить по темным улицам Москвы было довольно-таки жутковато. Все сборище поэтов затевало игры в рифмы или на срок по минутам

В начале Великой Отечественной войны Вадим Габриэлович с женой были эвакуированы вместе с Камерным театром в Барнаул. Там он, воспрянув духом, участвовал в литературных концертах на оборонных заводах и в военных госпиталях, вспомнив молодость, с воодушевлением сочинял тексты для агитплакатов. Волнуясь, вслушивался в скупые фронтовые сводки по радио и мужественно боролся с приступами скоротечного туберкулеза...

дой волей, большим темпераментом. Мыслить для него значило действовать... творить и бороться». «...Выдающийся по уму и сердцу и отзывчивый на все доброе человек». «...словно сошедший с римской монеты... лицом и фигурой напоминал боксе-

писать стихи, или стихи на заданную тему». Очередное примечательное воспоминание близкой знакомой поэта, видевшей его в минуты житейских невзгод и испытаний.

Пылкая, романтическая, бескорыстная девушка Аня Назарова женой

Вадима Габриэловича не стала, но подругой с неразделенной любовью, безусловно, была. Весь путь имажинизма она, по словам самого Шершеневича, проделала с ним «рука об руку». А когда тот полюбил Юлию Дижур, утешала его в любовных тер-

заниях, глубоко затаив свои собственные.

...Третью жену, актрису Московского театра оперетты Марию Волкову, поэт повстречал в приснопамятном 36-м году. Вадима Габриэловича тогда одолевали смятение,

растерянность перед будущим. Обычно энергичный и непоседливый, он теперь порой подолгу неподвижно сидел дома за письменным столом, глядя в окно. *«Эпизоды и факты проходят сквозь разум / И, как из машин, выходят стальными полосками; \ Все около пахнет жирным наркосом, \ А душа закапана воском».*

Тяжелое душевное состояние углублял начавшийся туберкулезный процесс. Угнетало и то, что главную книгу «Великолепный очевидец», над которой Шершеневич упорно работал все последние годы и которую, как мог, пытался приспособить к требованиям советской цензуры, при его жизни так и не издали. Оригинальные переводные произведения поэта того периода, как, например, бодлеровские «Цветы зла», тоже вышли только спустя десятилетия.

Усталость, тоскливая покорность судьбе, безразличие скрадывались в последний период жизни Шершеневича, жизни, как он писал, «замкнутого круга», любовью и заботой жены, редкими общениями с немногими оставшимися задушевыми друзьями. Его тогдашнему настроению соответствовали интонации более ранних стихов: *«Все течет в никуда. С каждым днем отмирающим \ Слабже мой / Вой... / Но и в слезах моих истомительных — май... \ И совсем равнодушно сказать вместо "Здравствуй" — "Прощай"».*

В начале войны Вадим Габриэлович и его жена были эвакуированы вместе с Камерным театром в Барнаул. Там он, воспрянув духом, уча-

ствовал в литературных концертах на оборонных заводах и в военных госпиталях столицы Алтайского края, вспомнив молодость, с воодушевлением сочинял тексты для агитплакатов. Волнуясь, вслушивался в скупые фронтовые сводки по радио. Мужественно боролся с приступами скоротечного миллиарного туберкулеза, от которого и скончался 18 мая 1942 года в одном из тех госпиталей, где выступал с чтением стихов.

Скромная гражданская панихида затянулась надолго — все присутствовавшие понимали, что прощаются с последним представителем славной литературной эпохи. Многие театральные сослуживцы поэта не скрывали слез, а затем тронулись в длинной траурной процессии к городскому Булыгинскому кладбищу. Над могилой читали стихи Шершеневича...

Беспощадное время разметало бывшие некогда у всех на слуху модные рифмы и ритмы, опрокинуло былых поэтических кумиров. Уцелели лишь не подвластные моде, но владевшие некоей тайной.

Основные приемы имажинистской поэтики Вадима Шершеневича — принцип развернутых аналогий, композиционных соподчинений, метафоризация быта — остались в плену у прошлого, но стихи, в которых чувствуются живое дыхание поэта, его страсть и печаль, его мечты и надежды, пережили свое время, остались с нами и продолжают волновать читательские сердца. □

Фото
Кристины
Калининой

*«Жизнь
оперного певца —
это марафон...»*

Елена Гусева — солистка оперной труппы Московского академического Музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. В ее репертуаре огромное количество партий: Татьяна («Евгений Онегин» Чайковского), Чио-Чио-сан («Мадам Баттерфляй» Пуччини), Мими («Богема» Пуччини), Эмма («Хованщина» Мусоргского), Аида («Аида» Дж. Верди), Лиза («Пиковая дама» Чайковского), Дездемона («Отелло» Дж. Верди) и еще много других. Кроме того, Елена часто выступает на сценах известных зарубежных театров: Государственная опера Гамбурга, Немецкая опера в Берлине, Венская государственная опера. В прошлом году она была приглашена во Францию, где в Опере Лиона исполнила партию Настасьи в премьерe «Чародейки» Чайковского. В этом году у нее запланированы выступления в Большом театре, в Гамбургской опере и Венской опере.

**«Мадам
Баттерфляй».
Венская опера**

Фото
из личного
архива

— Елена, как появилась в вашей жизни любовь к пению, к классической музыке?

— Я родом из Кургана. Моя мама обучалась в училище культуры, и случилось так, что она как-то взяла меня — маленькую девочку — с собой, на один из своих экзаменов.

Мама пела перед экзаменаторами хоровые партии, и я вдруг запела в какой-то момент вместе с ней. Причем педагоги нисколько не рассердились и сказали, что меня обязательно надо учить музыке.

В шесть лет я пошла в музыкальную школу по специальности форте-

«Отелло»

Фото
С. Родионова

пiano, по окончании школы поступила в Курганское музыкальное училище имени Д.Д. Шостаковича на дирижерско-хоровое отделение. Сейчас мое образование помогает мне во всех аспектах моей работы. После училища я приехала в Москву и поступила в Московскую государственную консерваторию, уже на вокальный факультет.

— Кто ваши учителя в профессии?

— В Кургане я училась академическому пению у Лидии Владимировны Алексиевской, со второго курса она говорила, что мне нужно петь сольно. Между прочим, я очень любила петь в хоре, и по сей день мне нравится слушать хоровое пение. Когда бываю в Вене, люблю слушать мессу в храме.

**«Пиковая
Дама»**

Фото
О. Черноус

Справа:

**С мужем
Михаилом
Головушкиным
и дочерью
Ириной**

Фото
С. Родионова

В Московской консерватории моим педагогом была Галина Алексеевна Писаренко. Галина Алексеевна много работает над выразительностью, может подсказать какую-то маленькую на первый взгляд деталь, но она оказывается такой важной, что все становится на свои места — и технически, и музыкально. Вообще, мы, певцы, учимся всю жизнь: у своих коллег, слушая записи, анализируя свои выступления...

— У вас есть любимый композитор?

— Мне сложно дать однозначный ответ. Когда начинаю учить партию, то погружаюсь в нее полностью. И именно эта музыка становится любимой. Поэтому не могу сказать, что люблю только Пуччини, Рахманинова или же Чайковского... В мире так

много прекрасной и разнообразной музыки.

— У оперных певцов, наверное, масса ограничений, вы их придерживаетесь?

— Все стереотипы — это про меня. Я не ем и не пью ничего холодного, разве что в отпуске могу позволить себе мороженое или коктейль, и то не всегда. Орехи, семечки лучше не есть в день выступления. Еще мне важно высыпаться.

— Елена, вы много гастролируете, а любите ли вы путешествовать как турист?

— Конечно, мне нравится получать новые эмоции, впечатления. Если мы едем в отпуск, то всегда выбираем новые маршруты. Но и любимые места тоже есть, всегда приятно

возвращаться в Вену. Там, когда бывают свободные полдня после репетиций, гуляю, хожу в музей.

— В 2017 году вы выступали в Венской опере в опере «Игрок» Прокофьева...

— Изначально у меня было приглашение на постоянную работу в Венскую оперу, но оставить семью я не могла и отказалась. Переживала, думала, что после отказа меня больше не пригласят, но вскоре они позвали на постановку «Игрока».

— А Галина Алексеевна Писаренко была на премьере «Игрока» в Вене?

— Она всегда находила для меня время, и это ценно. Галина Алексеев-

на специально приезжала на премьеру и поделила ту радость со мной.

— Какие качества вы цените в людях?

— Я люблю трудолюбивых людей, честных, искренних. Мне нравится работать в немецких, австрийских театрах, когда все четко, где каждый знает, какую работу он выполняет, и все делается качественно. Поразило однажды, как рабочие сцены, которые двигали и меняли декорации, делали это четко и слаженно, в такт музыке. Ими никто не руководил, просто они сами знали партитуру! Театр делают люди, которые в нем работают. К счастью, мне в этом плане везет, и обычно я встречаю очень приятных и дружелюбных людей.

«Енуфа»

Фото
Елены
Кондратовой

Справа:

Фото
Кристины
Калининой

— У вас растет дочка. Наверное, вы хотели бы, чтобы она продолжила династию?

— Мы с мужем хотим, чтобы она была счастливой. Пока Иришка еще мала, мы стараемся разглядеть ее способности и предпочтения. В 4 года она любила рисовать — и я записала ее в кружок рисования. Потом увлеклась балетом, и мы занимались год в студии. Сейчас ходим в музыкальную школу. Дочка ходила со мной в театр и на одной из оркестровых репетиций увидела арфу. Захотела учиться, но накануне экзаменов в музыкальную школу вдруг передумала и выбрала фортепиано. Сейчас она заканчивает первый класс музыкальной школы. Бросить школу ей точно не дадим!

— Елена, скажите, пожалуйста, какого зрителя вы хотели бы видеть во время своих выступлений?

— Здорового, что очень актуально сегодня. Всегда приятно видеть подготовленного зрителя. Есть оперы популярные, известные, а есть сложные для понимания с первого раза, даже для музыкантов. Например, тот же «Игрок» Прокофьева. Когда я впервые стала слушать эту музыку, у меня была мысль — как я это выучу?..

И конечно, подготовленный зритель не будет сидеть в телефоне или жевать во время спектакля. Это только кажется, что в зале темно и ничего не видно, мы со сцены замечаем все.

— Что для вас вообще театр?

— Театр — это моя жизнь. Сейчас мы сидим дома на самоизоляции и чувствуем себя неполноценными людьми, как будто лишились какой-то части себя... Очень тяжело жить без сцены. Сцена дает силы. Вся наша жизнь подчинена театру, и сейчас его так не хватает... □

Беседовала **Елена Воробьева**

Александр Ралот

КНЯГИНЮШКА

Сегодня в нашем доме с утра незапланированное стихийное бедствие. Цунами и торнадо в одном флаконе: явление племянки Екатерины народу. Домочадцы обязаны незамедлительно отвечать на мно-

гочисленные вопросы неугомонного существа, с хвостиком на симпатичной русой головке.

Моя мудрейшая половина предложила девочке оказать посильную помощь в приготовлении голубцов и

замесе теста. Поморщив носик, племянница гордо продемонстрировала тете маникюр — дескать, какие там банальные голубцы и тем более тесто, когда на пальчиках такая «неземная» красота.

Спустя пару минут за моей спиной раздалось:

— Дядь Саш, расскажи, как ты книжки сочиняешь? Сидишь, сидишь и вдруг возьмешь и выдумаешь. Вот если бы ты был физиком или химиком, то, не открой закон или формулу, ничего страшного не произошло бы, другие ученые их, в конце концов, на свет божий, явили бы. А с книгами не так. Не написал повесть или книжицу какую-нибудь, и никто такое не напишет. Ой! Какая девушка! Красивая! — Катерина схватила со стола фотографию и улыбнулась, глядя на меня: — Не говори, кто это. Сама догадаюсь. Как ее? Дай вспомню! Ну да, это французская королева Мария-Антуанетта. Вот. Она там что-то невпопад ляпнула, про тортик, кажется, или пирожное. А народ за это, раз-два — и на гильотину! Училка по истории рассказывала.

— Катюша, в чем-то ты права. Женщине, запечатленной на на этой старой фотографии, тоже отрубили голову. Но не во Франции, а в Германии. И в другую эпоху.

— Как интересно! Расскажи, пожалуйста, за что с ней так поступили? — Катерина немедленно забралась с ногами на диван, всем своим видом показывая, что готова слушать минут десять или даже больше.

— На снимке — Вера Оболенская. В девичестве Макарова. Дочь вице-губернатора. В годы революции и гражданской войны она, еще совсем юной девочкой, была вынуждена эмигрировать во Францию. Блестяще окончила школу. Обладала феноменальной памятью.

— К тому же она прехорошенькая! — перебила меня Катюша. — Мне бы такую внешность, бегом бы в манекенщицы подалась!

— Вот и Вера — подалась. В те годы Францию наводнили беженцы из растерзанной России. И многие наши красавицы при первой возможности устраивались на работу в модельные дома и агентства.

— Наверное, Вере такая работа нравилась. Как же, всегда на виду, подиум, демонстрация модной одежды. Шик, блеск, красота! И вокруг постоянно крутятся молодые люди...

— Ты права. Макаровой предрекали стремительную карьеру. Но девушка неожиданно взяла да и поменяла место работы. Устроилась секретарем на одном из предприятий богатого француза Жака Артюиса.

— И, конечно же, быстренько выскочила за него замуж. Ведь так? Я права?

— Под венец Верочка пошла. Но не с работодателем, а с князем Николаем Оболенским. Супруг владел солидным бизнесом на юге страны. О нем со вздохом и завистью судачили: «Русский эмигрант постоянно перемещается на таксомоторе и сам не сидит за рулем!»

— Вау! И у них началась светская жизнь. Курорты, летние и зимние, приемы, балы, красивые платья. Рассказывай! — Племянница поудобнее расположилась на диване и затихла в предвкушении подробностей о «сладкой» жизни молодоженов.

— Увы, Катюша, должен тебя разочаровать — безмятежного бытия не получилось. Школьные педагоги, надеюсь, донесли до тебя информацию о том, что в 1939 году началась Вторая мировая война. А уже в следующем немцы оккупировали Францию. Красавица княгиня сразу же вступила в отряд Сопротивления бывшего своего шефа Жака Артюиса. Началась беспощадная борьба с захватчиками. Подпольщицу знали по псевдонимам «Вики» и «Катрин».

Княгинюшка и ее товарищи по Сопротивлению занимались сбором разведданных, помогали английским военнопленным бежать на родину. «Вики» вела тайную переписку с другими группами Сопротивления, координировала совместные действия партизан и подпольщиков.

Через какое-то время фашистам удалось захватить Артюиса. Его отправили в концлагерь, где старик и умер. В скорости попал в гестаповские застенки еще один руководитель подпольной организации, Ролан Фаржон. При обыске в складках его одежды обнаружили квитанцию телефонного счета с указанием адреса одной из конспиративных квартир,

и враги вскоре получили в свое распоряжение данные на многих участников Сопротивления, их клички и явки.

«Катрин» арестовали незадолго до наступления 1944 года. Княгиня шла на встречу с подпольщицей Софьей Носович, чтобы уговорить ее исчезнуть из города, но немцы уже поджидали обеих, схватили их, сковали одной парой наручников и доставили в тюрьму Френ, в предместье Парижа. Чуть позже там же оказался и муж княгини Николай. На допросах «Вики» утверждала, что развелась с князем много лет назад и бывший супруг понятия не имеет ни о каком движении Сопротивления.

Выжившие сокамерники позже рассказывали: «Следователь на допросе спросил Оболенскую, почему русские эмигранты, по сути, антикоммунисты, воюют с великой Германией, которая воюет именно с коммунистами? Женщина слабым голосом отвечала: «Ваш Гитлер воюет не только против большевизма, он жаждет уничтожить Россию, а заодно и славян. Как вам известно, я по рождению русская, хотя и выросла и живу во Франции. А посему ни за что не предаю ни бывшей родины, ни страны, давшей мне приют!»

На допросах княгинюшка молчала. Враги прозвали ее «Princessin — ich weiss nicht» («Княгиня — ничего не знаю»). Затем ее, как опасную преступницу, перевели в специальную немецкую тюрьму Плетцензее.

В начале августа 1944 года, «Катрин» без предупреждения забрали с ежедневной прогулки во внутреннем дворе. Связали руки, втолкнули в «комнату смерти», и через пару минут палач опустил на шею женщины нож гильотины. Работал он сдельно. За каждую голову получал восемьдесят рейхсмарок. С подручными рассчитывались не деньгами, а папиросами — восемь штук за казненного...

На кладбище Сент-Женевьев установлена плита — условное надгробие убиенной Веры Аполлоновны Оболенской. Однако ее тела там нет. Никто не знает, где на самом деле обрела покой княгинюшка...

Племянница молчала. Шмыгала носом и тыкала пальчиком в смартфон. Затем подняла голову с глазами, полными слез, и протянула мне гаджет:

— Посмотри!

На экране светились буквы: «Французское правительство наградило княгиню Оболенскую орденом Военного креста, медалью Сопrotивления и орденом кавалера Почетного легиона с пальмовой ветвью».

В 1965 году руководство Советского Союза также наградило подпольщицу орденом Отечественной войны первой степени.

— Дядя, а как же муж, Николай? — шмыгнула носом племяшка и вытерла ладонью глаза. — Выжил или тоже под гильотину?

— Князя Николая отправили в концентрационный лагерь Бухенвальд. Однако он выжил. Узнав о смерти возлюбленной, стал священником. Служил настоятелем собора Святого Александра Невского в Париже. Дожил до старости и завещал, чтобы имя его княгинюшки было выбито на надгробной плите.

— И что, исполнили?

— Конечно. На, посмотри, — протянул я еще одну фотографию девочке.

— А у нас в учебнике истории про Вторую мировую войну мало чего сказано, — преодолевая комок в горле, сообщила племянница.

— У вас всегда под рукой Интернет, — парировал я.

— У меня есть ты! — Племяшка соскочила с дивана и чмокнула меня в щеку. — Можно я возьму ее фотографию? На память! — И, не дожидаясь ответа, стала фотографировать княгинюшку на свой смартфон, мгновенно отправляя изображение по многочисленным электронным адресам. □

Михаил Михайлов

Целители души и тела

Фото Елены Добряковой

Центральная клиническая больница Святителя Алексия, митрополита Московского. Главное здание

В златоглавой Москве по соседству с древними стенами Донского монастыря есть необычная больница. На первый взгляд, больница как больница, таких в столице десятки. Но это только на первый, поверхностный взгляд. В наше прагматичное и расчетливое время, когда медицина, увы, все больше и больше коммерциализируется, здесь обследуют и лечат абсолютно бесплатно, причем не только москвичей, но и жителей любого региона России. Каждый страждущий, обратившийся за помощью в Центральную клиническую больницу, носящую

имя Святителя Алексия, митрополита Московского, получает заботливый, совершенно не формальный подход врачебного персонала. Большинство из сотрудников — глубоко верующие люди, руководствующиеся в своей врачебной практике Христовыми заповедями. Важный принцип врачевания здесь — это Слово, смысл которого оказался сегодня практически утрачен в погоне за сиюминутными материальными благами. Мы никак не могли обойти вниманием эту больницу Святителя Алексия, единственную в своем роде и находящуюся под патронажем Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Меценаты Медведниковы

История больницы ведет свой отсчет с начала XX века. В царствование последнего русского императора Николая II напротив Нескучного сада был выстроен больничный городок для «неизлечимых лиц христианского вероисповедания и устройство приюта». А построен он был на средства купцов-благотворителей, супругов Александры Ксенофонтовны и Ивана Логгиновича Медведниковых, завещавших по окончании своего земного пути пожертвовать весьма большую по тем временам сумму в 5 миллионов рублей на богоугодные цели. По именам своих благотворителей новая клиника называлась полтора десятилетия, вплоть до наступивших революционных времен.

Возведенный в 1903 году больничный комплекс помимо лечебных отделений включал в себя богадельню, корпус для проживания меди-

цинского персонала, вспомогательные хозяйственные постройки (баня с прачечной, кухня, ледник), а также часовню и два храма. Автором проекта был архитектор и реставратор, действительный член Императорской академии художеств Сергей Устинович Соловьев. Появление в городе новой больницы стало знаковым событием в жизни тогдашней Москвы: на ее открытии присутствовали генерал-губернатор города великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна.

Изначально больница была рассчитана на 150 коек, а расположенная при ней богадельня — на 60. Для пациентов клиники были устроены швейная и переплетная мастерские, где они могли по своему желанию и силам работать, а также библиотека для «душеполезного чтения». Также несколько коек в больнице предназначались для госпитализации детей с эпилепсией. Для них

было даже предусмотрено школьное обучение.

Открытие больницы должно было частично снять остро вставшую в начале прошлого столетия перед городскими властями проблему социальной и медицинской помощи тяжелобольным, неимущим и пожилым людям.

В советское время комплекс больничных зданий использовался по прямому назначению — здесь базировалась городская больница №5. В 1992 году правительство Москвы приняло решение о передаче этой клиники Московской патриархии. С тех самых пор и стала формироваться единственная в своем роде, православная по духу больница Святителя Алексия.

Высокие технологии и вера: симбиоз во имя здоровья людей

В 2017 году коллектив больницы возглавил талантливый руководитель Алексей Юрьевич Заров. Все это время опытному врачу с 20-летним медицинским стажем удастся, казалось бы, невозможное: успешно и эффективно соединять в своем лице функции и главврача, и директора больницы. Но так бывает, когда человек, преданный профессии, действительно находится на своем месте. Кстати, несмотря на столь ответственный пост, Алексей Юрьевич не только успешно руководит коллективом больницы, но и до сих пор не оставляет свою лечеб-

ную стезю хирурга травматолога-ортопеда.

Расскажем немного подробнее о профессиональном пути становления нынешнего главврача больницы. Алексей Юрьевич Заров трудится в медицине уже два десятилетия. В 2000-м году он с отличием окончил лечебный факультет Московской государственной медицинской академии им. И.М. Сеченова, а через пару лет — клиническую ординатуру Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии (ЦИТО) им. Н.Н. Приорова. Десять лет назад он повысил свою квалификацию, окончив Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова по специальности «экономика и управление на предприятии здравоохранения». Свою основную деятельность руководителя больницы Святителя Алексия Алексей Юрьевич успешно сочетает с научно-педагогической деятельностью в МГМУ им. И.М. Сеченова.

Но один, как известно, в поле не воин. За период руководства больницей Заров сформировал сплоченный коллектив единомышленников, людей, работающих, как говорится, не за страх (или высокую зарплату), а за совесть. Или, вернее, по совести — с молитвой в сердце и для блага пациента.

Больница Святителя Алексия активно использует передовые медицинские технологии, равно как диагностическое и лечебное оборудо-

**Алексей
Юрьевич
Заров**
*на выпуске
первого курса
медицинских
сестер
Учебного
центра
больницы*

Фото
Елены
Добряковой

вание. В настоящее время в ее состав входят 2 хирургических отделения, отделение травматологии и ортопедии, терапевтическое и неврологическое отделения, консультационно-диагностическое отделение (центр лучевой диагностики, УЗИ, эндоскопии), дневной стационар и паллиативная служба медицинской помощи (стационар и амбулатория). Стационар больницы рассчитан почти на три сотни коек, ежегодно здесь оказывается высококачественная медицинская помощь более чем 7000 пациентам. Более того, она является и признанным научным центром — в ней базируются четыре клинические кафедры ведущих медицинских вузов столицы. При больнице открыт Учебный центр, который готовит медицинских специалистов младшего звена, а также проводит курсы для родственников тяжелобольных пациентов. Помимо врачей и медсе-

стер помощь пациентам оказывают сестры милосердия, избравшие этот вид очень нелегкой деятельности по велению души и сердца. Кроме того, есть люди (среди них — и весьма успешные, состоявшиеся в жизни), которые помогают больнице совершенно на добровольных началах в свободное от основных дел и забот время. Традиции меценатства и благотворительности, начатые еще при открытии больницы, активно продолжают и в наши дни. В век высоких скоростей и мобильных технологий больница Святителя Алексия с радостью и благоговейным смирением принимает поддержку спонсоров и меценатов, да и любую посильную помощь просто неравнодушных людей. Особенно остро ощущается необходимость финансовых средств в паллиативном отделении больницы, так как лечение и уход за тяжелобольными пациентами требует боль-

Тестирование нового офтальмографа в кабинете офтальмологии

Фото из архива больницы

ших расходов и государственного финансирования недостаточно.

К сожалению, наша жизнь и природа человека устроены так, что люди болели и будут болеть. С возрастом различные недуги и немощи имеют тенденцию накапливаться и усиливать свое разрушительное воздействие на организм. Но и технологии не стоят на месте, они активно развиваются. Благодаря такому вот уникальному сочетанию научных достижений, использованию передовой техники и далеко не формального подхода к оказанию помощи больным людям сотрудники больницы несут свой нелегкий крест служения страждущим ради здоровья их души и тела.

Ныне на территории этой уникальной клиники действует Подворье Патриарха, которое включает

храм Тихвинской иконы Божьей Матери и Святителя Алексия, митрополита Московского, а также часовню в честь Козельщанской иконы Божьей Матери. Прийти сюда могут не только пациенты больницы, но также и любой желающий. Кстати, храм Святителя Алексия изначально был освящен в 1904 году в честь Козельщанской иконы Божьей Матери и являлся единственным храмом с подобным освящением во всей Московской губернии. Спустя пять лет после начала функционирования больницы на капитал, завещанный благотворительницей Александрой Карповной Рахмановой, выстроили еще одну богадельню. Автором этого проекта, как и других построек, также был архитектор С.У. Соловьев.

Очень интересно было пообщаться с настоятелем храмов при больнице Святителя Алексия протоиереем

Александром Доколиным. Он охотно согласился и сказал, что будет ждать меня в церкви. Где-то через час я приехал, но сразу начать разговор не получилось. Отец Александр извинился и попросил подождать его, так как он должен пойти к одной умирающей больной. В храме было пусто и тихо, кое-где горели лампадки, несколько свечей, и как-то не верилось, что всего в нескольких десятках метров отсюда кому-то нужна последняя в его жизни помощь, и бабушка сейчас там, рядом с человеком, находящимся в труднейшей ситуации, облегчает его страдания и помогает их переносить.

Когда он вернулся, я сразу задал первый традиционный вопрос:

— Отец Александр, каков Ваш путь в этот храм? Наверное, он начался еще в юности?

— Не совсем так, точнее, совсем не так, — улыбнулся он. — Я — москвич, как говорили в советское время, из семьи военнослужащих. Здесь я вырос, женился, здесь родились мои дети. Здесь, уже в зрелом возрасте, мне было 33 года, крестился и был благословлен на получение духовного сана. В 35 лет стал дьяконом, в 37 — священником. После окончания Тихвинского православного института служил в храме царевича Димитрия при Первой градской больнице, где епископом был и служит сегодня владыка Пантелеимон. При том храме действуют Свято-Димитриевское сестричество, православное медицинское училище сестер милосердия, воскресная школа

для детей. По инициативе сестричества открылся приют для детей, который потом был реорганизован в детский дом. В этом детском доме я трудился одиннадцать лет, сначала просто директором, затем директором в сане дьякона, а позже, будучи уже директором в сане священника, начал хлопотать, чтобы Свято-Димитриевское сестричество стало учредителем детского дома. Об этом я попросил помолиться одного из самых почитаемых старцев России архимандрита Иоанна (Крестьянкина), после чего наши желания стали воплощаться в реальность.

И вот теперь, почти уже семнадцать лет, я тружусь настоятелем Подворья Патриарха при больнице Святителя Алексия.

— И как Вам служится? Чем помогаете больному?

— С одной стороны, наша больница относится к Патриархату, а с другой — это больница, куда может обратиться любой человек, и не только житель Москвы, так как она «скоропомощная», то есть сюда привозят больных и на «Скорой помощи».

Конечно, в первую очередь на ниве исцеления трудятся врачи, медсестры, весь персонал. Я же, как представитель Церкви Христовой, опираюсь на Евангелие. Ведь сказано Господом: «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». «Это все» — то, что необходимо для нашей земной жизни и что в совокупности и составляет наше земное счастье. Именно это я и пытаюсь открыть людям.

То есть я являюсь своего рода проводником между человеком и Богом, помогаю человеку задуматься о душе, стараюсь помочь ему в исцелении. Многие, попадая в нашу больницу, впервые приходят в наш храм, а потом, уже выписавшись, становятся нашими прихожанами. Особенность нашего прихода в том, что, находясь на территории больницы, церковь открыта для всех, но у нее своя специфика, здесь нет воскресной школы для детей. Мы — при больнице, а значит, в большей степени осуществляем социальное служение. Главная цель — духовное окормление как попавших на лечение пациентов, так и работающих здесь сотрудников.

— Находит ли Ваше служение понимание со стороны сотрудников больницы, нет ли у Вас в этом смысле сложностей? Ведь больница — это все-таки больница, со всей своей технологией. А тут еще и Вы со своими «тоже технологиями»?

— Конечно, нет, я не ощущаю никакого противления. Наоборот, как единственный здесь священник посещаю палаты, отделения; совершаю богослужения и в самом храме, и вне его; откликаюсь на нужды больных, врачей, медсестер и всех сотрудников; раз в неделю совершаю в больнице молебен Святителю Луке, начиная с приемного отделения и заканчивая администрацией — около трех месяцев уходит на то, чтобы полностью обойти больницу со службами. А поскольку я каждый день бываю и в палатах,

знаю многих больных, то в своих проповедях не только разъясняю толкования Священного Писания, но и говорю о тех сторонах духовности в жизни, которые необходимы для каждого современного человека. Беседую с людьми. Ведь зачастую сюда попадают больные на грани нервного срыва, а иногда и уже на срыве. Я же выступаю в этих беседах как духовный доктор, причем теми средствами, которые мне даны — словом, сочувствием, пониманием, предлагаю прибегнуть к Церковным Таинствам. Так и живем в понимании и поддержке друг друга ради самого главного — оказания помощи людям, нуждающимся в ней.

— Несмотря на то, что ваша больница при Патриархии, к вам попадают люди и не верующие, мало ли кого может привезти «Скорая помощь». Можно ли сказать, что именно в больнице они, вольно или невольно, что называется, на подсознании, начинают понимать, что не все так просто в этом мире. И что, слушая Вас, видя, как к Вам относятся другие пациенты и врачи, делают тот самый первый шаг к Богу.

— Конечно. И очень важно, как его встретят в храме, на каком уровне здесь проходят богослужения и совершаются обряды. В этом большую помощь оказывает председатель Синодального отдела епископ Пантелеимон, он систематически проводит здесь службы. Это, конечно, уже другой, более высокий

*Отец
Александр.
Крестины*

Фото
из архива
больницы

уровень богослужения, который для многих верующих, в том числе и начинающих, становится одним из значимых событий в жизни. И для сотрудников больницы тоже.

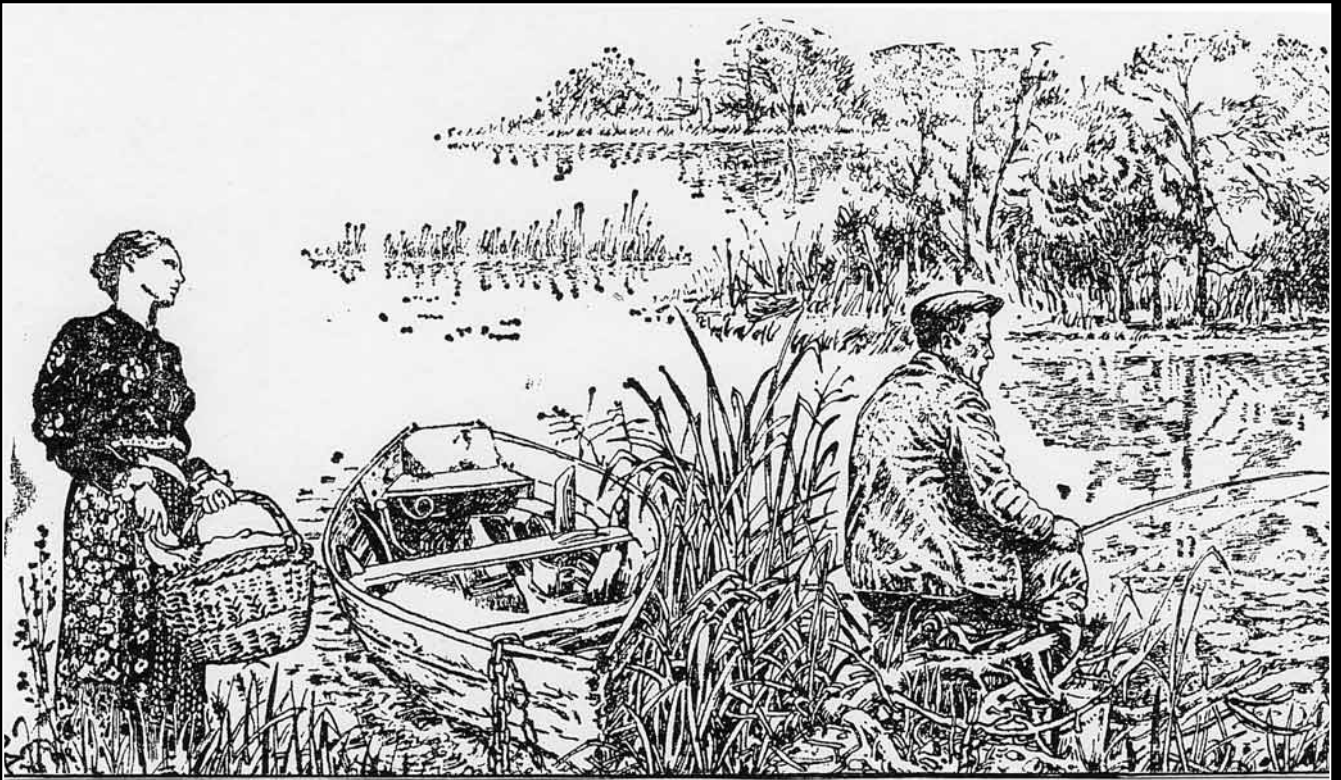
— А что главное для священника, каким он должен быть?

— Великий святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Священник должен быть то же в миру духовном, в кругу своей паствы, что солнце в природе, должен быть светом для всех, живительной теплотой, душою всех».

А преподобный Паисий Святогорец — один из самых уважаемых

греческих старцев, монах Афонской горы, на вопрос, о каком священнике можно сказать, что он хороший, ответил: «Хороший священник тот, который умеет выслушать. А дальше будет действовать благодать Божья».

Главное, выслушать человека, дать ему возможность излить свою душу, поделиться наболевшим. Не советы давать, как жить, он зачастую и сам это знает, а выслушать и помолиться за него, попросить Бога помочь ему. И жизнь сплошь и рядом подтверждает слова святого Паисия Святогорца. □

Дарья Булатникова

ОХОТА на Елену Прекрасную

Глава первая

Иногда мне кажется, что на приобретение дачи в Бляховке моих родственников подбили самые настоящие черти. Ничем иным я эту дикую идею просто не могу объяснить.

Ну, зачем нам, спрашивается, дача? Чтобы летом вывозить туда дедулю, мамулю и Аллочку с детьми, а мы к ним приезжали на выходные, а если получится, то и после работы. Сидели себе на террасе, пили чай с крыжовенным вареньем и оладушками, слушали чирикание птичек и наслаждались жизнью. Увы, такая идиллия совершенно не в стиле семьи Пичугиных, нам подавай экстрим!

Именно поэтому простая затея с покупкой летнего жилья обернулась приобретением недвижимости в забытой богом деревеньке Бляховке, от которой до города хоть и недалеко, но дорога такая, что в хорошую погоду по колдобинам как сайгак наскочишься, а в дождь машина в каждой второй луже захлебывается. Дорога еще ладно. А то, что в Бляховке ни магазина, ни почты давно нет, это вообще пустяк. Главное, там народ весьма странный обитает, с большим-большим приветом. Практически весь. Поэтому жизнь там хоть и патриархальная, но изобилует всякими непонятными

Журнальный вариант.

и ужасными событиями. И года не проходило, чтобы кто-то в лесу не сгинул или на березе не повесился.

Но уверения в ненормальности местных жителей могли бы испугать кого угодно, только не папулю. Он жизнерадостно заявил, что с психопатами общаться не собирается, и что мы должны купить дачу именно в Бляховке, и только там. Если, конечно, продавец не передумает.

Продавец, щуплый парень, робко взиравший из-за очков с толстенными линзами, передумывать не собирался. Пареньку дом достался по наследству от деда, жить он в нем категорически не хотел, а покупателя на него из-за дурной репутации деревни найти было сложно. Пока не подвернулись мы. Мамуля, услышав, что по цене деревянной избы можно приобрести двухэтажный кирпичный особняк, сразу же вдохновилась. Аллочке было все равно, лишь бы детей выпустить на свежую травку. А на робкий протест Борьки и мои гневные фырканыя никто внимания не обращал.

Дед тут же развил бешеную деятельность по отысканию ящика с инструментами, которыми он собирался ремонтировать дом. Кончилось все это падением с антресоли ручной дрели и обнаружением массы давно потерянных нами полезных вещей.

Получив документы на дом, мы немедленно решили ехать и любоваться приобретением, потому что до этого в Бляховке побывал только папуля. Двинулись в путь по первому снегу, до Бляховки доехали на удивление быстро и, наконец, увидели Дом. Именно так, с большой буквы. Потому что назвать это строение дачей или просто домом язык не поворачивался.

Дом был могуч, стар, холоден и задумчив. Крытая побитым шифером скатная крыша с трудом уберегала его внутренности от непогоды. Стекла в разномастных окнах, тоже кое-где побитые, были склеены синей изолентой. Обойдя дом со всех сторон, я обнаружила еще три деревянные пристройки — что-то вроде сараев или кладовок, прилепленных, где придется, к кирпичным стенам.

А внутри... Нет, словами это описать крайне сложно. Скажу только, что комнаты, в которых было темно из-за давно немых окон, прихотливо переходили одна в другую. Разбираться, где тут спальня, а где гостиная смысла не имело — ветхая полуразвалившаяся мебель годилась разве что на растопку печи. А вот печь была потрясающей! Она занимала почти треть кухни и представляла собой какой-то дикий гибрид русской печи и голландки. Понизу сооружение было обложено все тем же вишневым кирпичом, потом шел пояс изразцовой плитки, а выше — метлахской. Мамуля, увидев дверцы, приступочки и решетки, которыми оснащался сей монстр, впала в длительный столбняк. Потом робко спросила у дедули:

— Это нам придется топить?

— Придется, — бодро крякнул дед, с лязгом откинул запор на самой большой дверце, после чего та с грохотом отвалилась, обнажив черное закопченное нутро печи.

— Ой, мамочки!.. — всплеснула руками Аллочка. — Это что, домна? Так мы и прозвали печь домной.

Всю зиму папуля вместе с Борькой и парой моих ухажеров навещали Дом и занимались его ремонтом. Правда, первый ухажер, Вадик, только в качестве подсобного рабочего, так как руки у него явно росли не из того места, которое им уготовлено природой. Зато второй, которого звали Петей, умел обращаться с пилой и топором без риска отправиться в больницу с травматически отчлененным пальцем. Поэтому папуля счел этот мой выбор правильным и намекал, что следующего ухажера надо бы присматривать среди штукатуров-маляров.

Вот только не думайте, что я такая непостоянная и взбалмошная. Напротив, я очень хотела бы встретить человека, с которым было бы здорово провести всю оставшуюся жизнь! Но после того как мой первый супруг полтора года говорил мне одно, думал другое, делал третье, а затем и вовсе скоростижно умчался в Чехию в обнимку с моей бывшей лучшей подругой, я перестала доверять кому-либо, кроме себя. Вот и умельца Петю отправила в апреле куда подальше. Прощай, май лав, прощай!

Надеясь, что новый кандидат не заставит себя долго ждать, я с облегчением погрузилась в работу. Собственно, работать я люблю. Это поразительное свойство моего характера, которое бесконечно удивляет всю мою родню. На данном этапе жизненного пути я трудилась в одной средней руки фирме заместителем директора по информации и коммуникации. Звучит ужасно солидно и престижно. Минусом являлось то, что сфера моей деятельности была настолько размыта, что, когда мне поручали решение совсем уж диких проблем, я только руками разводила. Но, как ни странно, решала. И мне это нравилось куда больше, чем служба в нашей вечерней городской газете, куда я попала сразу после окончания института. Нет, к газете у меня претензий нет, и к коллегам тоже. Почти. Но вот надрывно-склочный характер материалов, которого от меня требовал наш главный редактор, меня точно не устраивал.

Кстати, зовут меня Алиссандра. Когда я родилась, родители никак не могли договориться, как меня назвать. Папуля хотел Александрой, а мама — Алисой. Или наоборот. Короче говоря, дедуля, которому осточертели их пререкания, заявил, что быть мне Алиссандрой Пичугиной. Имя это мне очень нравится, и я не выношу, когда меня зовут Сашкой, Алисой или Шуриком. Только для ближайших друзей — Алисс, и никак иначе.

Ремонтные работы в Доме шли своим чередом, и, наконец, папуля торжественно сообщил, что через месяц мы можем попробовать открыть дачный сезон. Домочадцы с сомнением пожали плечами, но, как ни странно, сезон мы-таки открыли. Перевезли в Бляховку массу нужных и ненужных вещей, посуды и постельных принадлежностей. Друзья и знакомые радостно всучили нам кучу ставшей им ненужной мебели, а также два пустых улья, газонокосилку и складной велосипед.

Наш переезд был похож на передислокацию партизанского отряда, мы не въезжали в деревню на шести грузовиках, увенчанных патефонами и пальмами в кадках, а тихо перевозили барахло небольшими партиями. Наверное, поэтому бляховские аборигены не обратили на нас особого внимания. А зря.

Глава вторая

В то утро меня разбудил вопль соседского петуха, и я прямо в пижаме спустилась на кухню, выдоила из кофеварки чашечку эспрессо, плюхнула туда кусок рафинада и, вздрагивая от нетерпения и утренней свежести, прошлепала вверх по лестнице.

Еще не оклеенные обоями довольно скверно оштукатуренные стены и облупленные старые половицы пустой комнаты, в которой располагался мой наблюдательный пункт, отчего-то навевали приятную меланхолию. Кофе был крепок и ароматен, а мысли о том, что впереди целый день почти безмятежного существования, грели душу. Нет, правильно я сделала, что решила провести отпуск на даче. Как это патриархально и патриотично — скрываться в деревне, в глуши, среди лесов... Опа!

Я отставила чашку и свесилась с подоконника, рискуя свалиться и свернуть себе шею. Внизу что-то явно было не так. Я же только вчера выровняла сбегавшие по склону грядки с цветочками и присыпала дорожки песком. И еще подрезала мешавшие проходу ветки на лохматом кусте красной смородины. А сейчас? Словно стадо бизонов промчалось по нашему замысловатому садику, ломая и круша все на своем пути. Растоптанные лилии, выдранные маргаритки и сломанные стрелы гладиолусов. Кошмар! Интересно, кого это черти носили по нашей частной собственности?

А это что такое? Длинные тени мешали рассмотреть нечто странное, торчавшее из-под куста. Похоже на ручку от грабель и какие-то старые шмотки. К тому же, ветки не давали рассмотреть сверху, что же там валяется. Черт!

Я соскочила с насиженного подоконника, скатилась со второго этажа и выбежала в сад. Перепрыгнула через грядку с изувеченными маргаритками и уставилась на то, что торчало из-под смородинового куста. Ноги.

Мужские ноги в синих джинсах и ботинках на рубчатой подошве. Это кто же в июле ходит в таких башмаках? Вернее, не ходит, а лежит под нашим кустом! А сверху еще и сломанные грабли, наши единственные нормальные грабли! И под этими граблями валяется какая-то пьянь, не иначе кого-то из соседей клюнула птичка «перепил».

Я наклонилась, брезгливо вглядываясь в находку. Придется будить папеньку и Борьку — одной мне с этим типом не разобраться...

И тут мне стало страшно. По-настоящему, до дрожи в коленках и стука зубов. Потому что до меня дошло, что сверкающие на траве красные капли — вовсе не смородина. Кажется, я взвизгнула и помчалась обратно в Дом, пытаюсь на ходу вспомнить, куда сунула вчера мобильник. «Скорая», полиция, караул!!!

Да, караул я устроила еще тот. Разбуженные моими воплями папуля и Борька рванули за мной, теряя на ходу тапочки, за ними, как зомби, ковыляла сонная Аллочка в полупрозрачном пеньюаре. Мамуля не проснулась — чтобы разбудить ее, недостаточно криков о том, что у нас под окнами человека убили.

Последним притопал дедуля в полосатых пижамных штанах. Он обозрел куст, вокруг которого мы столпились в молчаливой нерешительности, и скомандовал:

— Боря, грабли убери!

Борька ухватил обломок рукоятки и осторожно потянул. Потом еще раз. Грабли не поддавались — то ли зацепились за что-то, то ли... Я представила себе, за что могли зацепиться грабли, и с воплем «Стой!» оттащила братца. Тем временем Аллочка, наконец, проснулась, обошла вокруг куста и хладнокровно пролезла между ним и невысокой каменной стенкой.

— Алиссандра, тащи аптечку. Ну, там, бинты, вату, спирт, йод. Короче все, чем можно обрабатывать раны, нашатырь заодно прихвати. И побыстрее, — велела она из-под веток. — «Скорую» не мешало бы вызвать, тут черепная травма.

— Зайка, а что, он жив? — робко спросил Борька.

— По-твоему, я собираюсь бинтовать труп? — разозлилась Аллочка. Потом ветки куста задвигались, и моя невестка пропыхтела: — Теперь можно вытаскивать. Да не стойте же истуканами!

Как уж они извлекали тело, я не видела, потому что галопом поскакала за бинтами. Несмотря на свою subtilность и кажущуюся беспомощность, Аллочка работает врачом-наркологом, а значит, вполне способна отличить живого мужика от мертвого.

По дороге я вызывала «неотложку». Дело это непростое, поэтому иногда приходилось останавливаться и орать в трубку:

— Да, травма головы... упал! С крыши упал! Срочно приезжайте, это недалеко. Откуда я знаю, что он в такую рань на крыше делал? Да живой он, живой! Зрачки... Я не вижу его зрачков, и вообще ничего не вижу, я за нашатырем бегу. И температуру не мерили, зачем нам его температура, если он с разбитой головой лежит! Нет, не знаю, где он зарегистрирован, понятия не имею. А дорога к нам хорошая, а где похуже, там объехать можно. И дом сразу заметно, двухэтажный кирпичный особняк на пригорке.

Про особняк я ввернула, чтобы настырная дама окончательно поверила, что имеет дело не с похмельными деревенскими маргиналами. Наконец вызов приняли, и я с охапкой медикаментов помчалась обратно. Уф...

Аллочка стояла, склонившись над неподвижным телом, уложенным на старом байковом одеяле, а три поколения наших мужчин робко топтались поодаль, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Вот, держи! — Я вытряхнула на одеяло добычу и только после этого взглянула на раненого. Ох, ты!..

Парень, лежащий на моем одеяле, был красив. Если бы не ссадина на лице и потеки крови на лбу, можно было бы сказать, что он был идеален. Широкоплечий брюнет с греческим носом, красиво очерченными губами и ямочкой на подбородке. Эта ямочка окончательно меня подкосила, я плюхнулась на колени рядом с Аллочкой и уставилась на таинственного страдальца.

— Ах, какие девушки! — вдруг послышался чей-то голос за нашими спинами. — А что это вы, девушки, делаете с нашим другом Вовой?

Мы вздрогнули и обернулись. Позади неизвестно откуда появились двое парней. Кажется, одного из них, того, что пониже, похожего на раскормленного скунса, я видела раньше. Да, точно, это он интенсивно перестраивал дом неподалеку от нас. А вот второго, светловолосого бородача с пиратской серьгой в ухе и нахальным взглядом голубых глаз, вижу в первый раз.

— А что это вы, юноши, тут делаете, позвольте спросить? — огрызнулась Аллочка, машинально проверяя завязки на ночном наряде. — Вас сюда, кажется, не звали!

— Мы искали Вову, — глумливо ухмыльнулся бородатый, — вот и нашли в обществе таких очаровашек.

— А че, Стасик, ниче у них тут групповушка намечается! — подхватил «скунс». — Вставай, Вован, хватит прохлаждаться, у нас еще куры не кормлены, и эти... петухи не доены.

— Хватит! — отрезала я. — Если это ваш друг, то могли бы и поинтересоваться, как он себя чувствует. А заодно, и что с ним случилось.

— А че это с ним случилось? — наигранно вскричал «скунс». — Не иначе, девушки обидели! Ах, какие девушки суровые, нам со Стасиком страшно!

— Ладно, Жиря, с девушками в другой раз позаигрываешь, — спохватился бородатый. — А сейчас бери нашего Вовика и пошли домой.

— Куда «бери»? — удивилась Аллочка. — Он без сознания, сейчас «скорая» приедет. Ему в больницу нужно обязательно.

Жиря нервно оглянулся и зачем-то сунул руку в карман. А Стасик шагнул к нам, и глаза его злобно сощурились:

— Короче, метелки, пшли вон! Не ваше это дело — «скорая», больница... Парня мы забираем, и чтобы ни одна душа...

Я вскочила на ноги, закрывая своим телом беспомощного красавца, так как поняла, что никакой он ни друг Стасику и Жире, а, скорее всего, их жертва. Сами небось его ночью избили, а теперь пришли следы заметать. И тут из-за угла дома появились, наконец, наши защитники. Первым торжественно нес здоровенные портняжные ножницы папуля, за ним шагал Борька, а завершал колонну дед с секатором в руке. Физиономии непрощенных гостей вытянулись — они явно прикидывали, стоит ли связываться с тремя мужчинами, вооруженными ножницами и секатором, и двумя девицами, хоть и слабыми, но наверняка жутко визгливыми. Да еще я наклонилась за сломанными граблями.

Нахалы обложили нас напоследок матом и довольно прытко удалились. Когда они с шумом скрылись внизу, я показала им вслед кулак и подумала, что сегодня мне опять придется поправлять грядочки и посыпать дорожки.

— Кто это был? — спросил Борька.

— Соседи наши, — меланхолично отозвалась Аллочка.

— Редкостные грубияны, — заключил папуля и многозначительно посмотрел на меня: — Алиссандра, не вздумай заводить с ними романы!

— Не вздумаю, — охотно согласилась я. — Тем более что оба не в моем вкусе.

Дед задумчиво пощелкал секатором и резюмировал:

— В ее вкусе вот этот! — указал секатором дед на распластанного у моих ног брюнета. И в этот момент раненый пришел в себя и обвел нас затуманенным взглядом:

— Я тут?

— Тут, тут, — подтвердила Аллочка и придержала пытающегося поднять голову парня. — Лежите, вам нельзя шевелиться.

— А тут все кто? — продолжал вопрошать незнакомец. Потом задумался, морща нос, и добавил несколько слов по-английски. Язык-то я узнала, но вот смысл... Проклятие, и почему у нас в школе преподавали французский!

— Так ен нерусский, — констатировал дедуля.

— И с чего это ты, дед, начал вдруг выражаться, как колхозный подпасок? — удивился Борька.

— Я русский тоже! — горячо возразил брюнет. — Бабушка! Софья Павловна!

— Бабушка, говоришь? А сам-то откель? — откашлявшись, прокурорским тоном поинтересовался папуля. Мы все дружно уставились на него, потрясенные заразностью деревенского сленга.

— Откель? — удивился раненый. Потом в его глазах блеснула догадка, и он ответил: — Ландон. Оттель.

— Ага, теперь ясно, из Англии. А к нам на участок как попал? — внес свою лепту в допрос Борька. — И кто тебя по башке граблями треснул, помнишь?

— Не помню, нет. А кто был это, по башке? Зачем?

— Может, грабители? — логично предположил дед. — Деньги у тебя были?

— Деньги? Деньги были. — Парень попытался нашарить карман синей ветровки. Аллочка помогла ему и проверила все карманы — они были пусты.

— И документы пропали? Ну-ка вспоминай, были у тебя с собой документы?

Но ответа мы так и не услышали, вместо этого по другую сторону дома взвыла сирена, и Борька с отцом помчались встречать медиков. Аллочка облегченно вздохнула — помощь подоспела вовремя.

Бригада в лице тучной одышливой врачихи и юноши в новеньком белом халате пробыла недолго. Ловко перебинтовав пострадавшего и выслушав наши сбивчивые объяснения по поводу отсутствия у него не только медицинского полиса, но и паспорта, медики заявили, что с такой травмой больного непременно нужно обследовать. После чего загрузили его на носилки и попросили помочь отнести в машину.

— Как вас зовут? — спохватившись, заорала я и кинулась следом.

— Алекс, — морщась, произнес незнакомец. Морщился он оттого, что носилки при спуске по ступеням дергались в непривычных руках папули и Борьки, а дед вообще норовил их то уронить, то треснуть о встречный угол. — Алекс Броуди.

— Они его в Третью больницу повезут, в травматологию, — сообщила, нагнав меня, Аллочка. — Так что можешь двигать туда и затевать шашни, раз уж такой достойный кадр обнаружился.

— Вот еще! — фыркнула я.

Проводив «скорую помощь», все вздохнули с облегчением. Жизнь на даче, конечно, скучновата, но лучше бы таких развлечений не было вообще.

Мы вернулись в Дом и принялись завтракать. Без мамы, мамаля продолжала спать сном праведницы. Сразу после завтрака Аллочка отправилась на вокзал, встречать Васюку и Ньюшку, которых ее мама выдержала целых три недели. На такие подвиги Борькину тещу можно было уговорить только пару раз в году, не чаще. Представляю, какое счастье испытает Евгения Андреевна, вернув обратно мелких, но изобретательных хулиганов.

А я, вдруг услышав звук автомобильного сигнала, мгновенно выскочила на крыльцо. И тут же пожалела об этом. Потому что в лучах утреннего солнца, словно богиня Аврора, навстречу мне шествовала по двору Сонька. Двигалась она не слишком уверенно — высоченные шпильки вязли в плодородной бляховской земле, а развевающийся при каждом шаге сарафан из тончайшего шелка цвета клубники со сливками наводил на ассоциации с качающейся на волнах трехмачтовой шхуной под алыми парусами. Правда, мачта была всего одна — сама Сонька. Рост в сто восемьдесят два сантиметра, близорукость и астеничное телосложение создавали неповторимый эффект: казалось, что Софи представляет собой сложный многоступенчатый агрегат, существующий по особым законам.

— Ты зачем приехала? — заорала я и скатилась по ступенькам навстречу подруге.

Сонька вздрогнула и остановилась, вырывая босоножку из цепких плетей вездесущего вьюнка.

— А кто меня в гости звал? Все уши прожужжала: приезжай загорать и купаться. Даже карту рисовала. Вот мы и приехали.

Точно, был такой момент. Я вспомнила собственноручно изображенный маршрут от города до Бляховки и свои дурацкие приглашения. Но кто же знал, что Соньке влетит в голову приехать именно сегодня?! И потом...

— Кто это «мы»? — осторожно поинтересовалась я.

— Мы — это я, Крошка и Кеша.

— Ты завела попугая? — облегченно вздохнула я и тут же подавилась собственным вздохом, потому что из-за угла появились Крошка и Кеша. Ну, Крошка, он и есть Крошка — пегий боксер-переросток. Мы с ним давно знакомы. А вот Кешу я увидела впервые. Если бы видела раньше, ни за что бы не забыла.

Представьте себе дылду высотой около двух метров, в нелепых очках, с огненно-рыжей шевелюрой и россыпью веснушек по всем доступным обзорению частям тела. При этом выражение лица совершенно безмятежное, улыбка в пол-лица, а глаза из-под очков смотрят с наивной доверчивостью первоклассника, впервые плюхнувшегося за школьную парту.

— Это Кеша? — на всякий случай переспросила я, уже сообразив, что наш домашний паноптикум пополнился еще одним колоритнейшим персонажем.

— Это Кеша! — радостно подтвердила Сонька. — Гениальный веб-дизайнер и мой жених. Уверена, что вы понравитесь друг другу!

Одной рукой пожимая здоровенную лапу Кеши, второй принимая от Соньки пакет с чем-то ужасно тяжелым и обеими ногами отбиваясь от желающего позавтракать моими тапками Крошки, я постаралась взять себя в руки. Со спокойной жизнью, конечно, придется распрощаться, но у всего есть свои плюсы — вряд ли злоумышленники рискнут забраться в наш сад, если по нему будет шастать здоровенный зверь со страшной мордой. Я имею в виду Крошку, а вовсе не Кешу! Милый боксер весит килограммов семьдесят, морда, как и положено истинному боксеру, — под приплюснутым носом выдается вперед нижняя челюсть с крокодильими зубами. Почему-то все начинают сразу тарашиться на эти зубы, не замечая умильных карих глазок, в которых всегда один вопрос: «Что бы еще сожрать?» Что касается характера Крошки, то его можно охарактеризовать двумя словами: избалованный оболтус. Благодаря Сонькиному воспитанию, пес вырос патологически ласковым и, по-моему, даже не подозревает, что собака должна уметь кусаться. Впрочем, ему это и не нужно, одного вида вполне достаточно.

Я потащила подругу и ее жениха в дом, на ходу предупреждая, что высота дверей в нем разная. И есть... Бац! Это Кеша подтвердил мои слова, треснувшись в полумраке лбом о косяк.

— А мне тут нравится! — провозгласила Сонька, озирая гостиную-столовую, в середине которой красовался наш знаменитый семейный круглый стол. Покупая новую мебель для городской квартиры, мы так и не решились его выкинуть, а вот теперь пригодился. По оживленным голосам, донесшимся снизу, я поняла, что проснулась мамуля. Ее пробуждение означало начало нового каторжного дня. Хоть бы Аллочка поскорее вернулась — она научилась ловко управляться с «домной» и готовит вполне сносно. А я ненавижу возиться с кастрюльками.

Ага, вот и шум мотора. Я высунулась в окошко, выходящее с лестницы во двор. Наш «форд» с трудом втиснулся между забором и Сонькиной «ауди», к которой был прицеплен трейлер. Две фигурки в джинсовых комбинезонах и панамках выкатились из машины и тут же помчались к разнежившемуся на травке Крошке. Аллочка помахала мне рукой. Вернулись!

Энергии нашей мамули, когда она не спит, может позавидовать любой фокстерьер. Но я обрадовалась ее поручению закупить у местных пейзажистов свежего молока, а, по возможности, и творога, сметаны, сливок, домаш-

него масла, яиц и куриных тушек, так как за провиантом мы отправились с Сонькой и Кешей, пока матушка не успела припахать гостей к сельхозработам. Ничего, все еще впереди!

Деревенский пейзаж радовал своей живописностью. Кеша деликатно вышагивал по одной колее, а мы с Сонькой делили вторую. Ведь мне нужно было рассказать подруге о том, как я обнаружила хладный тру... вернее, тяжело раненого Алекса Бродди с переломленными граблями на груди.

— Так, говоришь, симпатичный? — перебила меня Сонька. — И по-русски понимает? Алиссандра, тебе этого мужика сам бог послал! Если ты его не охмуришь, не окольцуешь и не отбудешь на постоянное жительство в Лондон, я тебя до конца жизни буду презирать!

— Сонька, — разозлилась я, — с чего это ты взяла, что я должна ехать куда-то к черту на кулички ради мужика, которого увидела сегодня впервые в жизни? Может, он уже женат? Я успела только имя спросить!

— Но ты описывала его с таким энтузиазмом! — закатила глаза подруга.

— Ну, описывала... И я совершенно не против того, чтобы он заинтересовался мной. Но бежать впереди паровоза я не собираюсь!

Тут я заметила за щербатым забором торчащий из-за помидорной грядки тощий зад, обтянутый ветхими портками, и радостно завопила:

— Андреич! Привет, Андреич!

Зад вздрогнул, потом повернулся, и за забором появилась всклокоченная голова, увенчанная древней, как мир, тюрбетейкой. Андреич был чуть ли не единственным туземцем, с которым мы общались по-соседски. Видимо оттого, что он не был уроженцем Бляховки, а жил тут в примаках у жениной родни. Да вот только вся родня, включая жену, уже переместилась на довольно обширный деревенский погост, и Андреич вдовствовал. Я вообще заметила, что смертность среди местных жителей была какая-то ненормальная, мало кто доживал до преклонных лет, все больше гибли от каких-то нелепостей: то в доме угорят, то в болоте потонут, то друг друга в драке порешат. Как-то, вкусив очередную порцию собственной бражки, Андреич поведал дедуле и Борьке, что есть у него взрослый сын, да только живет где-то «взагранице» и в родной деревне уже лет пять не был. А Андреич к нему ехать не соглашался, ему нравилось быть самому себе хозяином.

Распрямившись во весь рост, сосед приветливо помахал нам только что выдранной морковкой и засеменял к забору.

— Ну, что, дачники, опять побираетесь? — завопил он, увидев у меня в руках корзинку. — Али по грибы снарядились? Так грибов в лесу покудова не видать.

— Побираемся, Андреич, — кивнула я. — Матушка молока купить послала.

— Эх, нету у меня молока, — расстроился Андреич. — Все, что Зинка дает, сам выпиваю, для собственного здоровья. Может, помидоров возьмете? Ранние они у меня нынче. Да разной зелени еще накидаю, не обижу.

— А яйца есть?

— Есть, как не быть, щас принесу! А помидоров, значит...

— Ну, неси и помидоры, — согласилась я, вспомнив наши чахлые кустики, выращенные из элитных семян. Помидорки на них висели редкие и совершенно зеленые. А у Андреича вон какие заросли вымахали!

Пока мы топтались у забора в ожидании, когда хозяин принесет обещанное, вдали послышался гул мотора. Через пару минут я увидела промелькнувшую за соседним домом серебристую машину. Кто-то уезжал из деревни. Не наши ли утренние визитеры? Сердце неприятно кольнула мысль, что Алекс совершенно один, в больнице. Что, если эти типы решили навестить его там?

Загрузив корзинку покупками, я потащила Соньку и Кешу по Бляховке с максимальной скоростью, и мы вернулись домой.

Глава третья

Я не стала дожидаться обеда. Какой может быть обед, если с брошенным на произвол судьбы найденышем в страшной больнице может случиться все, что угодно! Он же совершенно неприспособленный к российской действительности иностранец, да еще и с ушибленной головой. Мерзкие физиономии Жири и Стасика мерещились мне за каждым кустом, поэтому я наспех проинструктировала домашних, как им обороняться на случай появления бандитов, получила от мамы взамен длиннющий список продуктов, которые мне нужно привезти из города, и отбыла.

Как я прорывалась в палату, куда эскулапы заточили Алекса, лучше умолчу. Поместили его, естественно, в обычную шестиместную палату, где уже обитали пара пенсионеров разной степени забинтованности, тощий юнец с костылями и двое среднестатистических граждан без особых примет. Я провела еще один инструктаж и пообещала мужикам блок сигарет и ящик пива, если они не подпустят к постели раненого никаких сомнительных типов. Тут мне пришлось приложить максимум красноречия, чтобы живописать «скунса» и бородатого. Изрядно напугав всю палату, я присела на стул у кровати раненого. Минут через десять он, словно почувствовав мой взгляд, приподнял веки.

— Ну, как вы? — поинтересовалась я, но ответа не получила. Взгляд синих глаз был бессмысленным, как у новорожденного.

— Вы лучше завтра приходите, девушка, он сейчас в отключке и до утра так проваляется, — посоветовал мне мужик с соседней койки.

Пришлось согласиться. Я положила на тумбочку большое красное яблоко, пообещала вернуться завтра утром и поехала на нашу городскую квартиру. Мне нужно было забрать оттуда корзинку с маминым вязанием и проверить почтовый ящик.

И первый, кого я увидела у подъезда, был бредущий прочь от него тот самый щуплый очкарик, у которого мы купили Дом. Я посигналила, парень подпрыгнул на месте, словно в него ткнули электрошокером, и кинулся чуть ли не под колеса моей машины. И к чему бы это такая ажитация? Я быстренько припарковалась и выскочила наружу. Физиономия у очкарика была хмурая, озабоченная, слегка поцарапанная, а скула явственно припухла и покраснела. У меня возникли нехорошие предчувствия. Я не стала выслушивать невнятные вскрики юноши на улице, а втащила его в квартиру. Там, вникая в то, что он рассказывает, добыла из морозилки лед, завернула в салфетку и велела приложить к скуле.

Услышанная история мне крайне не понравилась. Часа полтора назад к Саше или Паше — не помню, как его зовут — явились два хмыря. Ага, те самые, наши бляховские соседи — «скунс» и бородатый, без вариантов — парень их очень живо описал. Вначале интересовались, окончательно ли оформлена продажа Дома. Когда узнали, что документы все получены новыми хозяевами, стали допытываться, откуда мы взялись и кто такие, потом зачем-то дали Саше или Паше по физиономии и уехали. Нет, наш городской адрес он врагам не выдал, да они и не спрашивали, ведь найти нас в Бляховке проще пареной репы. Перепуганный парень в деревню ехать не рискнул, но решил на всякий случай нас предупредить, уж больно ему визитеры не понравились.

— А откуда они твой адрес узнали? — удивилась я, наливая в чашки чай.

— Так я его в Бляховке всем соседям оставлял, когда хотел дом продавать, так что... — и он поежился.

Я настолько разнервничалась, что о необходимости закупить провиант вспомнила только в последний момент, едва не проскочив мимо супермаркета. Хорошо, что на глаза попался, иначе мамуля устроила бы мне головомойку. Подъезжая к повороту, где мне нужно было съезжать на грунтовку до Бляховки, я вдруг начала озираться, потому что в голову закралась мысль о возможной слежке. И только усилием воли и мысли я заставила себя перестать крутить головой — смысла в наблюдении за мной не было абсолютно никакого — и сосредоточилась на дороге.

В Доме царила невиданная до сих пор паника. Я ощутила ее мгновенно, еще не успев въехать во двор. На крыльце, заломив руки, возвышалась мамуля, перед ней громоздилась куча спальных мешков, сумок и каких-то отдельных шмоток. И скарб продолжал лететь из распахнутых дверей трейлера.

Аллочка тащила куда-то упирающихся детей, а папуля на повышенных тонах общался с кем-то по мобильному телефону. И только распластавшийся в тени забора Крошка мирно дрых, не ведая и ухом.

— Что произошло? — устало спросила я, выбираясь из машины.

— Первое — мы нашли настоящий мертвый труп, — буркнул Борька. — Второе — деда, кажется, похитили!

— Ну, ни фиги себе... — только и смогла произнести я.

Дальше все происходило, как в дурном кино: Борька потащил меня за дом, потом через пристройку вниз в подвал — там было нечто вроде люка с ветхой деревянной лестницей. Подвал под Домом устроен довольно хитро: в одну его часть можно спуститься, если открыть дверцу из сеней. Там все чин-чином — крутые каменные ступени, внизу довольно обширное мощеное камнем пространство. Вторая половина подвала отделялась от первой глухой каменной стеной и была куда запущенней, до нее просто пока руки не дошли. Часть ее занимал огромный фундамент «домны», а в углу проходил довольно хитрый водосток. Папуля давно хотел с ним разобраться, потому что чугунные трубы были состыкованы кое-как, что грозило утечкой и застаиванием воды в подвале. И вот сегодня мамуля заявила, что засорился желоб, по которому вода стекала за пределы нашего участка и дальше совершенно не экологично сливалась в яму, игравшую роль дренажа. В общем, система еще та... И папуля занялся прочисткой водостока. Влез в подвал и принялся там за земляные работы. Ровно через пятнадцать минут он выковырял из-под трубы череп.

Вопль, изданный им, взволновал всю округу, даже Андреич примчался.

Некоторое время все созерцали забитые землей глазницы страшной находки, потом Борька поковырялся еще и зацепил штыковой лопатой пару костей. На этом решили остановиться и вызвать полицию.

— А дед? — напомнила я, рассматривая чьи-то останки, сложенные на старой газете. В свете фонарика композиция больше всего напоминала пиратский флаг — череп и две скрещенные косточки.

— Слушай дальше. Пока мы суетились, никто не замечал, что деда нет, не до него было. А когда немного очухались и из подвала вылезли, смотрим, на капоте Сонькиной машины придавленная камнем записка лежит. Дескать, если вы немедленно подвал не запрете и все отсюда не свалите, хана вашему дедушке.

— Какого же черта ты раньше молчал?! — заорала я, как только смогла прийти в себя. Вообразить такое было просто невозможно. Надо знать нашего дедулю, чтобы понимать — похитить его могли решиться только идиоты. И вот... нашлись!

— Кто, я молчал? — оскорбился братец. — Это тебе чужие кости ближе родного деда оказались!

Я проигнорировала Борькину несправедливость, присела на какой-то ящик и задумалась. Несомненно, все это было одной цепочкой: раненый Алекс, появление пары мерзких типов, их визит к Саше (или Паше — с именем я так и не разобралась) и теперь похищение и шантаж. Но почему?! Почему всю зиму папуля с Борькой мирно ремонтировали Дом, потом сюда приехало все наше шепутное семейство, и никто не лез к нам, наоборот — сторонились, стараясь избежать любого общения. Неужели мы так досадили аборигенам, что они решили таким образом заставить нас покинуть Бляховку? Но причем тут англичанин, да еще какой-то «левый» скелет?..

Рискуя свалиться с дряхлой лестницы, я вылезла наружу. Мамуля продолжала трагически топтаться на крыльце. Из трейлера доносились сдавленные проклятия. Теперь барахло затаскивали внутрь. Вернее, Кеша меланхолически швырял его внутрь по команде «Давай!»

— Алиссандра! — донеслось из Дома. — Алисс, у тебя мобильник заряжен?

Я поспешила на зов, доставая телефон. Папуля схватил его, принялся сосредоточенно тыкать в крошечные кнопочки, а я по ходу узнала, чего он добился, пока не посадил батарейку на своем. Да ровным счетом ничего: оказывается, Бляховка — спорная территория. Наша милая деревня расположена на самой границе двух районов, и первый район считает, что Бляховку должна оберегать полиция второго, а второй — что первого, поэтому приезжать к нам никто не желал, только посоветовали почему-то вызвать археологов.

— А когда дед исчез? — поспешно спросила я, видя, что родитель с пятой попытки набрал-таки нужный номер.

— Аллочка говорит, что он собирался на реку рыбу ловить, вот с того времени его никто и не видел. Но на берегу его нет, Борька проверял.

Так, значит, если деда похитили, то случилось это либо у реки, либо по пути к ней... Я пулей вылетела из дома и свернула на тропинку, ведущую к Рузняйке. Спустившись к реке, обежала кусты ивняка и маленькую заводь, где обычно дед забрасывал удочку. Никого. Пусто было и на поросшем травой пологом бережке, где мы обычно купались. И вообще — тишина стояла какая-то зловещая, нехорошая тишина.

Я обернулась и уставилась на окрестный пейзаж. Наш Дом гордо высился над склоном. Справа виднелась крыша Панариных, солидная, крытая выкрашенным суриком железом. А слева, наполовину скрытый деревьями, маячил вражеский бастион — кирпичное двухэтажное строение. Я подозрительно прищурилась. Показалось мне или нет, что над этим домом курился

дымок? Причем, совсем не там, где торчала закопченная труба, а где-то еще левее. Такое впечатление, что костер жгут.

Словно партизан, я прокралась вдоль подножия холма и, найдя едва заметную тропинку, стала взбираться вверх. Без проблем пролезла между жердями забора, и оказалась на запущенном огороде. Притаившись за разлапистыми листьями хрена, я высунула наружу нос и обозрела открывшееся пространство. Во дворе не было ни души, даже вездесущие куры не копошились у крыльца. А дымом пахло, причем, пахло сильно, но источник возгорания был где-то с другой стороны дома.

Я уже, было, собралась выползти из своего хренового укрытия, как вдруг послышался шум мотора, и во двор вкатилась «Газель» и уткнулась носом в кучу мусора. Из кабины, вопреки моему ожиданию, появился не Жиря и не Стасик, а немолодой мужик в шортах и шлепанцах. Пару минут он слонялся по двору, пиная битый кирпич, потом полез в кузов и извлек оттуда двух до черноты загорелых, заросших длинными волосами типов. Пошатываясь, они поддернули штаны, надели замусоленные рукавицы, подняли с земли лопаты и взялись за работу. Мусор с грохотом полетел в кузов «Газели», а я решила потихоньку ретироваться, тем более что и дымом уже почти не пахло... Пятясь, отползла за кусты крыжовника и глянула вниз — от реки по тропинке поднимались две одинаково длинные и тощие фигуры: Сонька и Кеша. Шли они быстро, размахивали руками и вертели во все стороны головами. До меня долетели слова:

— ...а теперь еще и Алисс исчезла, просто Бермудский треугольник какой-то...

Черт, это же они меня ищут!

Я чуть ли не кубарем скатилась по склону прямо под ноги подруги и ее жениха.

— Ты где была?! — немедленно заорала Сонька.

Я едва успела открыть рот, как вдруг прямо у меня за спиной грохнул взрыв. Словно в замедленном кино я видела, как Кеша дергает за руку свою невесту, и они оба с изумленными и испуганными лицами обрушиваются в крапиву. Зачем-то я обернулась и успела заметить серое облако, вздымающееся над крышей того дома, около которого я только что была, парящий в небе обломок доски и летящие вместе с ним какие-то черные клочья. Потом цепкие пальцы впились в мою щиколотку, и я повалилась на что-то жесткое и угловатое, больно ушибив локоть и колено. И тут Сонька начала орать. Пожалуй, я в первый раз услышала, как она умеет вопить, и страшно удивилась.

Так мы и лежали некоторое время. Потом Сонька замолчала, и стало слышно, как галдят перепуганные вороны. Жесткое и угловатое завороча-

лось подо мной и где-то в районе моего живота робко поинтересовалось Кешиным голосом:

— Что это было?

— Похоже на теракт, — буркнула я. — Или боевики вошли в деревню.

Словно в подтверждение моих слов, раздался громкий топот, треск, и прямо по нашим поверженным телам промчались трое полуголых смуглых мужиков, резво устремившись к реке. Сонька пискнула, а Кеша взвыл и принялся спихивать меня, причитая:

— На руку наступили, сволочи! Часы раздавили!

— Кто это был? — прошептала Сонька, провожая взглядом улетающую троицу.

— Понятия не имею. — Я, наконец, сползла с Кешинога тела и уселась рядом с подругой. — Приехали на грузовике за мусором. А тут бабахнуло.

— Может, хоть теперь полиция согласится приехать, — произнес Кеша, но особой надежды в его голосе я не уловила. Действительно, если уж похищение человека и обнаружение неизвестных останков полицейских не вдохновило, то какой-то взрыв... Боже мой! Дедуля! Про него мы забыли, а что если он там, в этом бандитском гнезде — раненый, истекает кровью... Надо идти за подмогой и организовывать поиски!

— Смотри, наши белый флаг выкинули, — удивилась Сонька. — Кому сдаемся?

Я обернулась. Из окна второго этажа Дома кто-то махал шваброй с привязанной к нему белой тряпкой. Похоже, это мамуля. Да, точно, мамуля в своем сарафане с подсолнухами.

Вскочив на ноги, я помахала в ответ. Швабра описала полукружие и исчезла, вместо нее в окно высунулась мамуля и вначале показала кулак, а затем тоже принялась махать руками, явно призывая нас в стены фамильной цитадели.

Глава четвертая

Перед Домом царила суета. Во-первых, приехали-таки археологи. Борька затащил их в подвал и с подробными комментариями продемонстрировал вырытые кости, и теперь чьи-то бранные останки лежали посреди стола, вкопанного под яблоней. Их задумчиво ковыряли двое бородатых парней, а поодаль топтался всполошенный Андреич, опять прибежавший к нам, чтобы узнать, что стряслось, и кого взорвали. Во-вторых, куда-то пропал папуля. Он ушел еще до взрыва и приезда археологов, сердито заявив, что будет искать исчезнувшего дедулю самостоятельно, раз полиции наплевать. Борька, мучимый противоречивыми чувствами, то уговаривал жену

немедленно уезжать в город вместе с детьми, то начинал утверждать, что ничего страшного не случится, если они останутся. Аллочка ворчала, что бабушка могла бы еще неделю потерпеть внуков, и запихивала в машину сумки с вещами. Васька и Нюшка сидели под столом, на котором лежали кости, и ни в какую не желали оттуда вылезать.

Совершенно одинаковые, словно однойцовые близнецы, бородачи дружно уставились на меня. Звали их Денис и Дима. Парни были студентами исторического факультета нашего университета и в управление по охране памятников попали на преддипломную практику.

— Знаешь, — прочувственно сообщил мне Денис (от Димы он отличался густотой бороды и очками), — странное дело. Череп-то, кажется, гораздо старше остальных костей.

— Как это? — раскрыла я в изумлении рот.

— Похоже, когда его закопали в вашем подвале, он уже был черепом. Никаких органических остатков. Чистенький, только чем-то черным испачкан — вроде бы краской. А косточкам не так уж много лет, от силы полсотни или чуть больше. Но это мы попозже скажем. А еще внутри черепушки было вот это. — И он показал мне испачканный в земле желтенький кругляшок.

— Монета? — догадалась я.

— Ага, царский червонец. Мог, конечно, наш клиент держать его, к примеру, за щекой в момент смерти, но опять-таки — внутри никаких следов органики, чистая земля с песочком и камешки. — Для убедительности он потыкал пальцем в кучку земли на газете. Я с сомнением посмотрела на кучку. Действительно, следов органики нет. Хотя кто его знает, как должна выглядеть эта самая органика. И вообще — гадость! Как мы теперь будем чай пить на этом столе?

И тут я вспомнила про деда и заорала:

— Дым!!! — причем так громко, что Аллочка чуть не свалилась со скамейки.

— Пожар? — вскочила Сонька, до этого меланхолично созерцавшая всеобщую суету..

— Нет, я видела дым, — объяснила я, — вон за тем домом. А потом был взрыв.

— Ты хочешь сказать, что дом подожгли, и он взорвался? — спросила Аллочка.

— Если бы он взорвался, то его бы уже не было. А он вон, стоит. Значит, взорвалось что-то другое. А перед этим из-за него шел дым. Значит, что-то подожгли, а потом раздался взрыв.

— Думаешь, дед? — догадалась невестка. — А что, похоже.

Дедуля у нас носит подпольную кличку Пироман. Нет, он не устраивает пожары вследствие старческого слабоумия, с мозгами у него все в порядке. Просто до самозабвения любит всяческие огненные забавы типа фейерверков, бенгальских огней и петард. Также он большой любитель свечей и каминов. Камина у нас нет, но дед уже неоднократно выступал с идеей переделать под него «домну».

— Борька! — окликнула я появившегося из-за угла дома братца. На его шее, ухватившись за родительские уши, гордо восседала Ньюшка. — Борька, давай сходим и посмотрим, что там взорвалось.

— С ума сошла? — покрутил он пальцем у виска. — А если там гнездо террористов? Ведь говорил же я, что эта Бляховка — жутко сомнительное место, а кто меня слушал?

— Борь, — с расстановкой произнесла я, — если дедулю похитили и не отобрали у него зажигалку... И если он сумел развязать руки....

— Думаешь, он подорвался с помощью трубочной зажигалки? — вытаращил на меня глаза братец. — Ты соображаешь, что несешь?! — Потом, немного успокоившись, вздохнул: — Ладно, давай сходим и посмотрим, что там да как. Только знаешь, лучше мы с Иннокентием...

— Тогда уж и я с вами, — встряла Сонька и добавила: — Крошку возьмем?

— Ни за что! — отрезал Борис. — Мы идем не для того, чтобы наводить ужас на местных жителей и спасти их от Крошкиных облизываний.

— Весело у вас тут, — покачал головой археолог Дима. — Может, и нам с вами пойти в разведку. Или куда вы там отправляетесь?

А Кеша обреченно поднялся с мягкой травки и изобразил готовность следовать за командиром. Похоже, он уже начинал жалеть, что поддался на Сонькины уговоры погостить в нашем семейном дурдоме.

Заросший со стороны дороги вишнями и грушами дом выглядел мирно и безобидно, словно никаких взрывов и не было. Так что я даже усомнилась, действительно ли видела летящие над ним по небу ошметки. Но нет, не ошиблась, на скверной ухабистой дорожке, ведущей от калитки к крыльцу, валялся обгорелый валенок и какие-то металлические лохмотья, оказавшиеся вблизи останками ведра. Выглядело оно так, словно из него вначале с корнем выдрали дно, а потом пару раз переехали танком.

Борька опасливо покосился на ужасные предметы.

Кеша пнул валенок и поцокал языком.

Сонька спряталась за мою спину и указала вперед:

— Там!

Я выглянула из-за зарослей одичавшей мальвы и увидела то, что подруга узрела с высоты своего роста — искореженный ржавый короб, валяв-

шийся среди травы метрах в десяти от дома. Мы сошлись во мнении, что это были остатки железного шкафа для газовых баллонов. Так вот что взорвалось! И взорвалось не само — кто-то поджег хлам, валявшийся рядом с баллонами, и от взрыва остатки хлама разметало в стороны и вынесло стекла в доме. Входная дверь жалко болталась на одной петле, но, опять же, неизвестно, какой она была до подрыва баллонов. А вот стены не понесли ни малейшего урона, крепкие стены у бляховских построек!

Теперь оставалось понять, кто и с какой целью организовал диверсию. Кого же хотели взорвать?

И тут мы услышали откуда-то из-под земли глухое:

— А-а-а!

Не знаю, как у остальных, а у меня мурашки пошли по коже. Борька от неожиданности подскочил на месте и замер, разинув рот. Протяжный крик повторился, и Кеша, приложив палец к губам, наклонился и махнул рукой. К нему немедленно подскочила Сонька и тоже согнулась в три погибели.

Мы, крадучись, приблизились к стене дома, и Борька гаркнул:

— Кто тут?!

— Мы! — донесся из крошечного слухового окна, пробитого в цоколе у самой земли, знакомый голос. — Мы тут! Выпустите нас!

— Дедуля?! — радостно воскликнула я. — Ты живой?!

— Не дождетесь! — рявкнул в ответ дед.

Некоторое время мы суетливо метались вдоль стены, но кроме упомянутого окошка никаких других проемов в цоколе не обнаружили.

— Скорее всего, вход в подвал из дома. — Махнув рукой, братец довольно резво запрыгал по ступеням разошедшего крыльца, и мы последовали за ним.

Да, свинство тут царило изрядное. Похоже, хозяйева решили сломать в собственном доме все, что ломается — двери, перегородки, даже на месте печи красовались только кирпичные огрызки. Вот откуда кучи мусора за домом — в окна выкидывали.

Через несколько минут мы обнаружили лаз — он был завален кусками фанеры и досками. Борька с Кешей оттащили их в сторону и подняли крышку люка. В подвал вела деревянная лестница.

— Дед, ты где там? — закричал братец, наклоняясь.

Ответом ему были только отчетливый стук и призыв:

— Мы тут! Заперты! Ломайте дверь!

Легко сказать «ломайте». А чем? И где она, эта дверь, если внизу ни черта не видно? И почему это дед вдруг начал о себе говорить во множественном числе? Неужели он там вместе с папулей?

— У кого-нибудь есть фонарик или хотя бы зажигалка? — спросил Борис.

— У меня есть! — ответил Кеша, извлек из кармана связку ключей, отстегнул от нее брелок и протянул Борьке.

— Что это за фигня? — изумился братец. На его ладони лежал резиновый ядовито-зеленый зверек непонятной породы. С крылышками.

— Это дракончик, фонарик такой. Очень удобная штука.

— И с этим я должен лезть черт знает куда? — возмутился Борька.

— А что делать, другого же все равно нет.

— Вот сам и полезай, а я посмотрю!

— Давай сюда фонарик! — решительно произнес Кеша и довольно ловко полез вниз.

— Ау! — громко позвал он.

— Тут мы! — заголосил в ответ дедуля. — Сюда иди!

Огонек внизу метнулся в сторону и исчез. Раздался грохот и проклятия, а потом стук и лязганье металла.

— Дед! — радостно завопил Борька. — Ты прямо как граф Монте-Кристо в замке Иф! Ой, здарсьте...

Дедуля вылез, конечно же, первым. Выглядел он взъерошенным, но бодрым и даже на щеках играл румянец. Но долго разглядывать деда я не стала, потому что вслед за ним по лестнице довольно резво вскарабкался сухопарый индивидуум лет пятидесяти и пафосно вскричал:

— I thank, my young friends! — И сам же перевел: — Благодарю вас, мои юные друзья!

Чувствуя, что в ситуацию неплохо бы внести ясность, дедуля откашлялся и сообщил:

— Ребята, это мой сокамерник. Зовут его Теодор... гм... Федь, как твоя фамилия?

— Теодор Макрайстер, секретарь миссис Броуди, — отрапортовал с готовностью «сокамерник».

— Еще один иностранец, — пробормотал Борис. — То ли у нас в Бляховке шпионское гнездо, то ли ее включили в туристический маршрут «По диким просторам России».

— Да ты послушай, — замахал дед руками, — он же не один сюда приехал, а вместе с тем голубоглазеньким красавчиком, которого Алиссандра утром под смородиной нашла!

— Да, — утвердительно кивнул Макрайстер, — истинно говорю вам, Алекс, внук миссис Броуди, он был со мной. И на нас напали э-э... robbers.

— Разбойники, — машинально перевела Сонька, во все глаза рассматривая одетого явно не по сезону пришельца. Под пиджаком его мышинного цвета костюма виднелась шерстяная жилетка. Да и рубашка выглядела

отнюдь не летней. И это в жару! Хотя для сидения в подвале — в самый раз.

— О да, разбойники! — продолжил иностранец. — Они ударяли Алекса, а меня тащили в... застенки. Я не мог кричать, нет. Рот вот так, — зажал он ладонью рот и помотал головой.

— А ты? — обернулся Борис к стоящему с невинным видом деду. — Тебя-то как угораздило?

— А что я? Я рыбу ловил. Ну и задремал на берегу чуток... Они меня по голове, сволочи, стукнули. А потом меня Федя в себя привел. И мы вместе от окошка доску оторвали, кричали долго, на помощь звали. Только вас разве когда дозовешься? Вот и пришлось сигналить.

— Просигналили вы, конечно, хорошо, — хмыкнул братец, — чуть полдеревни не снесли. И как сами на воздух не взлетели...

Дед переглянулся с «сокамерником», хитро прищурился и поведал, как ему удалось организовать столь грандиозный шухер.

Похитители, сотворив свое грязное дело, допустили одну существенную оплошность: затащив потерявшего сознание деда в подвал, они бросили рядом с ним его любимую складную пятиметровую удочку. На берегу ее не оставили, наверное, чтобы сбить нас со следа. И еще — местную газету, которую дед прихватил с собой, чтобы, как он сказал, прикрываться ею от солнца. И, казалось бы, что можно взорвать при помощи удочки и газеты? Какой теракт учинить? Да никакой, если бы в кармане дедовых штанов не лежали трубка и зажигалка.

Когда узники поняли, что на их крики никто не реагирует, дед решил раскурить трубочку, потом глянул на окошко, на удочку, на газету... Тяга к поджигательству стимулирует изобретательность. Он прицепил газету на крючок, поджег и с помощью удочки просунул подальше в окошко в надежде, что от газеты успеет что-нибудь загореться. Во дворе валялось достаточно разнообразного мусора, и он занялся почти мгновенно. Теперь оставалось только ждать, что бдительные родственники заметят дым и прибегут на помощь. Ну, или, на худой конец, пожарные приедут.

Но вместо этого наверху грянул взрыв, да такой, что дрогнули стены, в оконце полетели камни, а потом по нему садануло чем-то здоровенным, типа доски.

Перепуганные сокамерники забились в угол и стали ждать, пока, наконец, не услышали наши голоса.

Закончив повествование, дед гордо выпятил грудь, ожидая аплодисментов. Но вместо этого Борька сурово проговорил:

— Дед, тебя без присмотра оставлять просто опасно. А если бы это был не обычный баллон с газом, а склад динамита, и поближе к стенам, а?

А если бы дом загорелся?! В общем, отконвоирую тебя к родителям, пусть сами с тобой проводят разъяснительную работу! А мы сейчас пойдем искать папеньку, без него мы вернуться не можем. Вы же, — грозно взглянул он на деда и Макрайстера, — немедленно отправляетесь домой.

— Не внуки, а деспоты, — вздохнул дед, но выступить более не решился. Сунул под мышку верную удочку, которую не забыл прихватить из подвала, и с видом невинного агнца направился к двери. Мы вышли за ним следом на крыльцо.

Во дворе все, вроде бы, было по-прежнему. Интересно, где пропадают хозяева, они же похитители и тюремщики?

— И все же, — с задумчивым видом произнес Борька, — где это нашего папулю черти носят? Скоро темнеть начнет, мама с ума сойдет, если мы его не найдем.

— Предлагаю разделиться и прочесать деревню двумя группами, — предложил Кеша, воинственно поблескивая очками. — Мы с Сонькой двинемся вдоль дороги, а вы — вдоль реки. И сойдемся у леса.

— Порознь они нас могут легко одолеть, — не поддержал эту идею братец, — так что пойдем все вместе. Кроме тех, кто немедленно отправляется ужинать! — красноречиво посмотрел он на деда.

Тот с независимым видом пожал плечами и потащил английского гостя к Дому, ворча, что и так сыт по горло, как приключениями, так и бессердечием потомков.

Глава пятая

Мы шли по дороге, извивавшейся между домами, то и дело заглядывая за щелястые заборы, плетни и древние частокоты и задавая один и тот же вопрос: «Дачника не видели?» В результате мы выяснили, что папуля двинулся довольно целенаправленно и успел прочесать Бляховку по диагонали, от нашего дома к реке. Потом внезапно свернул и изрядно наследил на грядках мрачной старухи, жившей около выгона. Старуха спугнула вредителя и жалела только об одном — не успела спустить на него цепного кобеля. Вслед за этим нам попался молодой нетрезвый мужик, по-видимому, немой, потому что в ответ на мой вопрос, он только покрутил пальцем у виска и широким жестом указал в направлении здорового амбара, высившегося через дорогу. В надвигающихся сумерках строение выглядело довольно зловеще. Высокие стены, построенные как минимум с полсотни, если не больше, лет назад, крошечные узкие окошки на такой высоте, что и Кеша вряд ли дотянулся бы. Скаты кровли уходили к небу, словно

это был не амбар, а готический замок. Подступы к амбару перегораживал забор из жердей. Борька воровски огляделся и шепотом спросил:

— Рискнем здоровьем?

— А что нам остается? — тоже шепотом ответила Сонька.

— А хозяин кто? — деловито поинтересовался Кеша.

— Да черт его знает, я тут ни разу не был, — ответил братец.

Мы еще некоторое время топтались у изгороди, для порядка призывая хозяев, но в ответ даже собаки не лаяли. Сонька первая, согнувшись в три погибели, пролезла под жердями, я шмыгнула за ней, Кеша перемахнул поверх ограды, а упитанный Борька долго кряхтел, но все же протиснулся, оторвав одну жердину и затем ловко пристроив ее на место. Затаившись в подсолнухах, мы огляделись, а потом цепочкой, словно партизаны, приблизились к амбару и прошли вдоль его стены. За углом была дверь, а на ней висел здоровенный замок. Его явно не открывали лет десять — отверстие, куда вставлялся ключ, заросло ржавчиной. Да и дужка, продетая в железные скобы, выглядела не лучше. Интересно, живы ли хозяева? А если живы, почему забросили такую крепкую и вместительную постройку?

Я бросила взгляд на открывшуюся часть двора. Отсюда был виден угол дома — древней избы, вросшей в землю чуть ли не по подоконники. Удивительно, но на окошках белели чистые занавески, за стеклами цвела герань, а у стены стоял велосипед. Значит, хозяева должны быть дома. Мне стало слегка не по себе.

— Эй! — крикнул Борька. — Есть кто дома?

Никто не ответил, занавески на окнах даже не колыхнулись, и мы уже прикидывали, куда нам направляться дальше, как вдруг откуда-то сверху зловеще прозвучала команда:

— Ложитесь!

Уж не знаю, кто лег первым, но мы с Сонькой плюхнулись на траву практически одновременно. Я вжала голову в плечи, ожидая, что сейчас откуда-нибудь выскочат преступные личности и учинят над нами расправу.

— Лежите тихо, — посоветовал нам голос, на этот раз показавшийся знакомым. Я перевернулась на спину и увидела маячившую в квадрантном чердачном окошке папулину физиономию. Выглядел родитель весьма загадочно, словно снайпер, затаившийся в тылу врага.

— Ты что там делаешь? — прошипел Борька. — И зачем нам тут лежать?

— Отползите за крыжовник, сейчас она выйдет, — замахал руками папуля.

Тут что-то застучало, забрякало, и внезапно метрах в десяти от нас из земляного холмика, словно мертвец из могилы, выбралась женская фигу-

ра, закутанная в темную шаль. Только потом я сообразила, что она вылезла из обычного дворового погреба. Ворча и побряхтывая, дородная дама нагнулась, захлопнула дверцу, и принялась опять чем-то громыхать. Но, очевидно, не все у нее получалось, потому что, провозившись некоторое время, женщина с досадой плюнула и подалась за дом.

Когда она скрылась, мы переглянулись.

— Видели? — тихо спросил с чердака папуля.

— Видели, ну и что? — отозвалась я. — Тетка в погреб спускалась. И что? Вполне законное дело.

— Помогите мне. — С этими словами папуля принялся выталкивать в чердачное окошко довольно хлипкую лестницу.

Мы придержали конструкцию, и родитель спустился вниз.

— Законное, говоришь? Пошли, сами послушаете. Только тихо, тут еще какой-то тип иногда слоняется.

Мы подкрались к погребу. В железных дужках, приколоченных к двери, болтался точно такой же огромный замок, что и висевший на двери амбара, но незапертый.

— Тихо! Слушайте! — Папуля наклонился к входу в погреб.

И мы услышали.

Вначале глухие тяжелые стоны, хрипение, затем жалобное бормотание и даже поскуливание. Потом хрипение стало громче и перешло в рычание. Но голос был, несомненно, человеческий, мужской. Потом стоны стали громче, послышались неразборчивые слова и вопль: «Пустите, гады, пустите!»

— Нужно туда залезть и освободить несчастного! — покачав головой, сказал Кеша.

— Так погреб заперт был, — принялся оправдываться папуля. — Поэтому я и решил засаду устроить.

Зная, что родственники могут спорить до бесконечности по любому поводу, я присела на корточки, ухватила дверцу за скобу, с некоторой натугой распахнула ее, и мы с Кешей полезли внутрь. Спускаться приходилось по земляным ступеням, кое-как укрепленным досками.

— Осторожно, — бормотал Кеша, — тут все шатается.

Наконец я почувствовала, что стою на ровном полу. Кеша повел фонариком и осветил вначале полки с какими-то банками и горшками, потом старую железную кровать, настоящий раритет, с продавленной почти до пола сеткой. На кровати, на рваном матрасе безжизненно лежала тощая фигура в майке и трусах. А кто же тут стонал и кричал?

— Почему он молчит? — ткнулась мне в спину Сонька. Она-таки полезла вслед за нами. Впрочем, братец и папуля тоже. Только места на полу им уже не хватило, и они остались балансировать на лестнице.

Словно в ответ на Сонькин вопрос лежащий внезапно дрыгнул ногой, застонал и икнул. Потом попытался сесть, но опять опрокинулся на спину и заорал:

— Пусти, сволочь! Убью! — после чего громко захрапел.

— Да он пьяный в сосиску! Перегарищем разит... — возмущенно констатировал Кеша.

— О, новые спасатели пожаловали! — раздалось прямо над нашими головами. — И что это вам от Гришки понадобилось? А ну, вылазьте! Да банки с огурцами мне не переколотите!

Мы послушно выбрались на свет божий. После темного подвала даже сумерки казались ясным днем. Та самая тетка, которую мы уже видели, стояла, уперев руки в боки, и с осуждением рассматривала наши смущенные физиономии.

— Дачники, — с непонятым удовлетворением констатировала она. — Дачники, а туда же! Алкоголики!

— Мы не алкоголики, — забухтел братец. — Нельзя же вот так сразу людей обвинять! Вы вот зачем живого человека в погребке взаперти держите? Может, ему с сердцем плохо?

— С сердцем ему хорошо, — отрезала хозяйка, — Иначе не пил бы у свата неделю. На собственном горбу приперла и — в изолятор!

— В изолятор? — заинтересованно переспросил Кеша. — И надолго?

— Так дня на три, — махнула рукой тетка. — Протрезвится окончательно, и выпущу. А иначе сбежит не к свату, так к куму. И начнется вторая часть Марлезонского балета, — неожиданно добавила она. — Ладно, дачники, проведали Гришку и идите себе.

— Вы уж простите, что так вышло, — принялась извиняться Сонька. Но хозяйка только кивнула и отправилась по своим делам.

Домой мы вернулись к тому времени, когда собрались отчаливать накормленные ужином и напоенные чаем археологи. Череп, кости и монетку они упаковали и забрали с собой, пообещав назавтра приехать, чтобы в спокойной обстановке покопаться в нашем подвале. Насчет спокойной обстановки, это они, конечно, загнули. Но если есть желание, пусть копаются, может, это заставит папулю поменять, наконец, злосчастные трубы. Вот только я не поняла, почему Макрайстер таким волком смотрел на отъезжающих. Пара косых взглядов, брошенных англичанином на Диму и Дениса, выражали откровенную неприязнь и раздражение. Но в тот момент мне было не до рассуждений — встала проблема устройства на ночь Соньки с Кешей и приبلудного иностранца, а оборудованных спальных

мест для размещения гостей было пока явно недостаточно, так что я решила заняться обустройством ночлега.

Так как внизу две отремонтированные спальни были уже заняты родителями и дедом, я забралась на второй этаж. Соньку с Кешей вполне можно устроить в той комнате, где я по утрам обычно пью кофе на подоконнике, созерцая рассвет над Рузнейкой. Но тут возникла проблема с кроватью. Огромное двуспальное ложе арабского производства, поставленное на попа во дворе под навесом, втащить наверх по загнутой буквой «г» лестнице было в принципе невозможно. Зная способности своих родственников, я не сомневалась, что эта операция стала бы смертным часом для древней кровати. Поэтому, побегав с портновским сантиметром со второго этажа во двор и обратно, я нашла решение проблемы. Оставалось только заставить других согласиться на рискованную операцию.

Когда братец услышал, что ему предстоит поднимать на веревках арабскую кровать в окно второго этажа, причем не завтра и не через неделю, а именно сейчас, он едва не подавился жареной сосиской и, откашлявшись, завопил:

— Какого черта? Нельзя было это сделать днем, а не темной ночью?!

Пришлось ему напомнить, что днем нам было не до этого.

— Может, не надо? — робко попытался поддержать Бориса Кеша.

— Надо! — отрезала я. — Сейчас, по крайней мере, все в сборе, так что управимся быстро. Да и ничего сложного — никуда лезть не надо, веревка уже висит на тополе, просто привязать, подтянуть и втащить. Вот и вся работа!

Глава шестая

Не знаю, что бы подумали бляховские аборигены, увидев, чем мы занимались в потемках. Больше всего это напоминало подготовку к смертной казни через повешение.

Как ни странно, но кровать до уровня окна мы все же подтянули. Толстую тополиную ветку, нависавшую над крышей дома, папуля весной использовал для поднятия необходимых для ремонта этой самой крыши материалов. Для этой цели он обмотал основание ветки куском рубероида и перекинул через него веревку.

Мы отыскали трос покрепче, привязали его к болтавшейся веревке, и через минуту у нас был вполне удобоваримый подъемник.

Несчастливая кровать, скрипя деревянным каркасом, взмыла на уровень второго этажа и была поймана за ножку высывающимся из окна Кешей.

— Тащи ее, — руководила снизу Сонька, — затаскивай внутрь!

— Идите кто-нибудь сюда, — потребовал Кеша. — Я один не справлюсь — слишком тяжелая!

— Я иду! — заорал Борька, и через минуту они с Кешей втащили-таки упирающуюся всеми ножками кровать в окно.

Чертыхаясь, я взлетела на второй этаж, ожидая увидеть изувеченную мебель, но, к моему удивлению, древнее ложе оказалось целым и практически невредимым, если не считать слегка треснувшую спинку. Гораздо больше пострадало окно, вернее, подоконник. Толстую доску от удара перекосило и практически вырвало из рамы и стены.

Почесав в затылке, Кеша ухватил злополучный подоконник и попытался вернуть на место, но мешал торчащий сбоку здоровенный изогнутый гвоздь. Кеша нажал посильнее, и доска грохнулась ему на ногу.

На Кешины вопли прибежала Сонька, вслед за ней мамуля. Мы принялись утешать травмированного и проверять целостность его конечности. А Борька тем временем как-то странно притих. Обернувшись, я увидела, что он стоит у окна с непонятным выражением на лице.

— Эй! — окликнула я братца. — Очнись! Ты что, очередной череп нашел?

Мне стало слегка нехорошо. Что, если наш Дом нашпигован не погребенными костями, словно колбаса салом? Ужас какой... Но, глянув на углубление, открывшееся под вывернутым подоконником, никаких костей я не увидела.

Собственно, углубление было небольшим — всего один вынутый или не уложенный в стену кирпич. И в этой ямке лежал смятый пожелтевший кусок старой газеты, а под ним — кучка желтых монет. Точно таких же, как та, что археологи нашли внутри вырытого в подвале черепа. И еще что-то, тоже желтое, но длинное и блестящее. Через секунду я держала в руках сверкающий золотой ножик с прямым граненым лезвием.

— Ну, ни фиги себе, — очнувшись, присвистнул Борька. — Мы, кажется, нашли клад!

При слове «клад» мамуля, Аллочка и Кеша немедленно замолчали и повернулись в нашу сторону.

— Ой, кинжал! — всплеснула руками мамуля.

— Это не кинжал, — возразила я, — скорее, десертный нож, — и прикоснулась к лезвию пальцем. Оно было совсем не острым, без всяких следов заточки. На округлой рукоятке никаких украшений, кроме тонкой и сложной монограммы. «М» и, кажется, «И» и «О».

Раздался топот, и в комнату ввалились папуля с дедом, таща полосатый матрас для кровати. Увидев в моих руках золотой нож, они так и застыли. А Борька тут же принялся выгребать из выемки монеты. Одну за другой.

— Семнадцать!

Итак, семнадцать золотых монет и нож. Это не считая черепа и еще одной монеты, увезенной археологами. Для одного дня — солидный улов.

— И что нам со всем этим делать? — спросил Борька.

— Интересно, если я сейчас позвоню в полицию и сообщу, что мы нашли клад, они приедут? — задумчиво пробормотал папуля.

— Вот только полиции нам сегодня не хватало, — простонала Аллочка, хватаясь за виски.

Тут в комнату наконец-то смог просочиться Макрайстер, который до этого изнывал от любопытства на площадке перед дверью. Увидев ножик, он быстренько подскочил ко мне и ловко выхватил его из моих рук, после чего с благоговейным восторгом уставился на вензель.

— О! — провозгласил он. — О!

— Что «о»? — с подозрением спросил дедуля. — Ты, Федя, яснее выражайся.

— Теперь доктор Уиллоу посрамлен будет! — внес ясность Макрайстер. — Никакого старческого слабоумия, да! Никаких причуд и капризов! Прекрасная память и полная ясность мысли. Я знал!

— У кого? — пожав плечами, уточнил дедуля.

— У миссис Броуди, — торжественно произнес англичанин. Потом попытал в рукоятку толстеньким пальцем и заявил: — Это значит, что они действительно были тут.

— Кто? Да не тяни ты, Федя, кота за хвост, выкладывай все, что знаешь, — начал терять терпение дед.

— Я не могу, не имею прав говорить остальное. Только Алекс, когда вернется из госпиталя.

— Кажется, я поняла, — заявила я. — Вся катавасия закрутилась вокруг этого клада. Да?

— Нет, не этого, не вокруг, совсем нет! — отрицательно замотал головой Макрайстер.

— Ах, не этого? — удивилась я. — Тогда какого?

— Алиссандра, — запротестовала мамуля. — Мистер Макрайстер наш гость, и нельзя...

Тут все заговорили одновременно. Аллочка требовала прекратить орать, потому что дети могут проснуться, папуля заранее возмущался тем, что подоконники-то оторвут, а ему обратно приколачивать. Мамулю заклинило на необходимости искать где-то кровать для Алекса. Борька мрачно предвещал, что все только начинается, и нас ждет еще множество разнообразных потрясений. Кеша с Сонькой вертели головами и со всеми соглашались. А дед тем временем тихонько шмыгнул из комнаты. Я ринулась следом

и застала его в своей собственной спальне пристально изучающим подоконник.

— Даже не думай! — заслонила я телом окно. — Если собираешься заниматься поисками клада, начинай со своей комнаты! И вообще — глупая затея, так и знай.

— Почему глупая? — слегка отступил дед.

— Потому что тот тайник был почти пуст, монеты и ножик занимали едва ли пятую его часть. Так что вряд ли был смысл делать еще один.

— Ну, это как сказать, — не согласился дед. — Предусмотрительные люди все яйца в одну корзину не кладут.

— А ты уверен, что тут жили предусмотрительные люди? Судя по всему, они и сами забыли о припрятанном золотишке. Иначе хотя бы собственным наследникам о нем сообщили, и те достали бы золото, прежде чем дом продавать. Вообще-то надо бы пообщаться еще раз с этим Сашей или Пашей на предмет истории дома и его обитателей. Если он — наследник, значит, должен знать. К тому же, как наследнику, ему полагается часть клада. Если нашедшему — двадцать пять процентов, то наследнику... — Тут я надолго задумалась. Интересно, можно ли считать кладом припрятанное наследство? И если мы купили дом вместе со всем его содержимым, то имеем какое-то право на этот клад или нет?

Защитив от разрушения свою комнату, я достала из шкафа постельные принадлежности и потащила их, чтобы застелить постель для Соньки и Кешки. Потом заставила папулю с братцем перетащить кресло-кровать из детской в соседнюю пустующую комнатушку — больше Макрайстера уложить было просто негде и не на что. И, наконец, все начали разбредаться. Правда, возник спор, куда спрятать ценности. В конце концов, я просто спустилась в столовую, завернула золото в льняную салфетку и заперла в буфете, сунув ключ в карман.

Глава седьмая

Утром, еще не совсем проснувшись, я вспомнила о страдальце-Алексе. О его синих глазах, трогательной забинтованной голове, из которой торчали розовые уши, и о том, что мне нужно срочно и немедленно мчаться в больницу — к мужчине своей мечты. А Макрайстера я днем в больницу отвезу, небось дрыхнет без задних ног после вчерашних походов.

Мужики сонно захлопали глазами, когда я с пакетом винограда и пачкой апельсинового сока ввалилась к ним в палату без четверти семь. Судя по выкатившейся мне под ноги пустой двухлитровой бутылке из-под пива, вечер у них не пропал даром.

Алекс лежал, заботливо укрытый до самого носа казенным фланелевым одеялом, и спал. Я придвинула стул к его кровати и только хотела сказать что-нибудь тихое и ласковое, как в палату ракетой влетела рыжеволосая толстуха в коротком белом халате и рявкнула:

— Кому на уколы — в процедурную! Иванов — мочу на анализ, Курепеченко — сдавать кровь из вены! И приготовьтесь, мальчики, к перевязке!

Я обернулась к Алексу и увидела, что он открыл глаза и с ужасом прислушивается к воплям медички.

— Who is it? — потрясенно спросил он, ухватив меня за руку. Потом подумал и перешел на русский язык: — Где я?

— Вы в больнице, — как можно более нежно сообщила я.

— В больнице? — Выражение синих глаз стало озабоченным и растерянным. — А... кто вы? Мы знакомы?

— Практически нет. Меня зовут Алиссандра. Я вчера нашла вас около нашего дома. Без сознания. Пришлось вызвать «скорую помощь».

— Это хорошо, Алиссандра! — совершенно непоследовательно обрадовался Алекс. — А то я подумал, что совсем потерял память!

— Можете называть меня Алисс, так короче, — улыбнулась я. — Вы совсем не помните, что с вами случилось?

— Плохо. Мне кажется, мы куда-то ехали, потом шли... я бежал. И сразу — больница. Голова болит, — пожаловался он и, подняв руку, встревожено ощупал повязку. — В меня стреляли? Кто?

— Нет, в вас не стреляли, вас ударили граблями. А кто — понятия не имею, так что если вы сами не помните...

— Нет, не помню.

— Ваш доктор сказал, что ничего страшного, легкое сотрясение мозга и несколько швов. Кости целы. Так что надеюсь, что вас скоро выпишут, — поспешила я успокоить его. — А еще мистер Макрайстер сегодня приедет вас навестить.

— Теодор? С ним все в порядке?

— Да, в полном порядке. Он у нас. Сейчас спит, и я не стала его будить.

Алекс непроизвольно облизнул губы. Я тут же вскрыла пакет и налила в стакан сока. Синие глаза благодарно улыбнулись мне.

— Алисс, — робко попросил он, — не могли бы вы позвонить моей бабушке в Лондон и сообщить ей, что я в больнице, но со мной все в порядке. Я напишу номер телефона. Дело в том, что я обещал звонить ей каждый день, а вчера не смог. Да и мой телефон куда-то исчез. Она наверняка волнуется.

— Вы думаете, что ваша бабушка станет меньше волноваться, если я ей сообщу, что вы угодили в травматологическое отделение? — спросила я с большим сомнением. Потом достала свой сотовый и предложила: — По-

звоните сами. Только на вашем месте я бы бабушке про больницу не говорила, старушка наверняка расстроится от такого известия.

— Это вряд ли, — пробормотал Алекс, хватая трубку. — Вы просто не знаете мою бабушку. Такая мелочь, как разбитая голова, в нашей семье — не повод для особых переживаний... О, грэнни! — и он быстро залопотал по-английски.

Чтобы не мешать разговору, в котором я все равно ни бельмеса не понимала, я вышла в коридор. Дождавшись, когда Алекс закончил говорить, я простилась с ним и его соседями по палате, уже начавшими коситься в мою сторону, и, покинув больницу, отправилась к Саше или Паше, чтобы выяснить у него кое-что касаемо дома.

Хорошо, что я предусмотрительно поинтересовалась вчера, где обитает побитый очкарик. Подъехав к его дому, я обнаружила на скамейке пару интеллигентных старушек в плюшевых шляпках. На мой вопрос, не видели ли они парня из пятой квартиры, одна лишь пожала острыми плечиками, зато вторая скороговоркой уточнила:

— Миша? В очках? Он только что к гаражам прошел.

— Спасибо! — от всей души поблагодарила я и ринулась к нестройному ряду железных коробок, радуясь, что наконец-то узнала, что Сашу или Пашу на самом деле зовут Миша.

Пробежала три гаража, просочилась между четвертым и пятым и обнаружила Саш... тьфу, ты, Мишу! Он задумчиво топтался около раздолбанной «копейки», из-под которой торчали чьи-то тощие ноги в грязных джинсах и китайских резиновых тапочках. Увидев меня, Миша засмутился. Хотя чего смущаться — его побитую физиономию я вчера уже видела.

Когда я сообщила парню, что мне срочно нужно с ним поговорить, он стушевался еще больше, и я поняла, что ему очень не хочется приглашать меня к себе домой, поэтому предложила посидеть полчаса в каком-нибудь кафе-мороженом и поболтать. Парень радостно согласился, и мы немедленно отправились в ближайшую забегаловку, где подавали чудовищный растворимый кофе и сливочное мороженое под видом пломбира.

Сделав заказ и дождавшись, пока сонная официантка отвалит от нашего столика, я приступила к расспросам. Миша, памятуя вчерашнее происшествие с мордобоем и испытывая явное беспокойство за нашу судьбу, тут же согласился поведать все, что знает. А знал он не слишком много, так как еще в раннем детстве вместе с родителями переехал из Бляховки в город. Родом из Бляховки был Мишин папа. К сожалению, он несколько лет назад умер от какой-то неизлечимой болезни. Матушка была жива-здоровая, но в деревне она прожила всего несколько лет и до сих пор вспоминала об этом

периоде своей жизни с явным отвращением. Как я поняла из Мишиного повествования, главная проблема заключалась в его деде. Ко времени женитьбы единственного сына он успел овдоветь и превратился в настоящего домашнего тирана, деспота и самодура. Все это, приправленное изрядной долей паранойи, усугублялось тем, что он ежедневно устраивал родным и близким вечера воспоминаний и без конца излагал историю семьи, заменяя отсутствующий в доме телевизор.

Миша эти истории помнил смутно, поскольку был мал. Но облик деда, сидящего под оранжевым абажуром, прихлебывающего чай из блюдца и злобным голосом описывающего всякие ужасы, врезался в его память настолько, что когда он получил в наследство дедов дом, то ни минуты не колебался — только продавать. Мать горячо поддержала его желание избавиться от родового гнезда Лаптевых.

Ага, значит, фамилия прежнего владельца дома — Лаптев.

— А какие истории рассказывал дед? Ну, хотя бы в общих чертах? — спросила я.

— Мама мне потом кое-что еще пересказывала, — застеснялся Миша. — Она не хотела, чтобы я на каникулы ездил к деду, поэтому и старалась напугать. Уж не знаю, что там правда, а что дед сочинил, а мама усугубила.

— Михаил, — торжественно произнесла я, — тебе нечего стесняться, никто за проделки предков ответственности не несет. А нам ты можешь помочь, так как в этой вашей Бляховке творятся какие-то подозрительные дела, и хотелось бы понять, не растут ли их корни из далекого прошлого.

— Ладно, расскажу, что помню, — пробормотал он, слизывая шоколадное мороженое и морщась так, словно оно было приправлено стрихнином. — Дед, а звали его Семеном Михайловичем, как Буденного, особенно любил рассказывать про гражданскую войну...

Как я поняла, Семен Михайлович родился куда позже этого периода, уже перед войной Отечественной. Но, видимо, в семье традиция семейных слушаний существовала испокон веку, и эти предания дед излагал так, словно сам во всем участвовал. И получалось, что в гражданскую войну Бляховка была чем-то вроде самостоятельного государства — ни красным, ни белым, сами себе на уме. Деревень таких было тогда много, но бляховцы отличались от прочих злобной хитростью и коварством. Хлебом-солью встречали и деникинцев, и буденовцев, и разные банды непонятных расцветок. А потом непременно какую-нибудь пакость новоявленной власти устраивали, да так, что виновных было не сыскать. Хитрые были бляховцы: на единственной дороге устроили секретный пост, и как только наблюдатель замечал, что очередной отряд к ним направляется, подавал некий сигнал. Те, кто помоложе, успевали скрыться вместе со скотом

в лесу, а подлые старикашки оставались и вредили: то с невинным видом отвара болиголова в конскую поилку подольют, то бледных поганок в кашу незваным гостям тайком накидают.

И пошла тогда о Бляховке совсем уж дурная слава, странно, что не спалили дотла. А если и собирались спалить, то не вышло.

Обо всех этих фокусах Семен Михайлович повествовал неоднократно и с особым удовольствием. По его рассказам выходило, что главным зачинщиком и идеологом бляховской вольницы был его дед Матвей. Среди односельчан Матвей Лаптев славился редким даже для них коварством и стратегическим складом ума. Впрочем, к его роли предводителя местных безобразников Миша относился несколько скептически, поскольку Семен Михайлович обладал, мягко говоря, склонностью к преувеличению. Так, например, он иногда начинал повествовать о каком-то богатом князе, который бежал от революционных масс и явился в дом Матвея поздно ночью. При себе у князя был целый мешок золота, очень тяжелый, а еще красавица-жена, красивая дочка и подросток-сын. Вариантов развития этого сюжета было несколько. По одной версии, князь купил у Матвея двух лошадей, расплатившись за них частью золота, и все семейство уехало на этих лошадях за границу. По другой — за границу смотался один князь, а семью упробил скрытно оставить в деревне, опять-таки заплатив кучу золота. И все трое остались жить в Бляховке: дочка вышла замуж за сына Матвея Михаила, и, стало быть, Семен Михайлович происходит из знатного княжеского рода. Сыночек князя спустя несколько лет повзрослел и сбежал в город, где поступил в ремесленное училище и доучился до крупного инженера, а после был расстрелян как враг народа. Сама же княгиня недолго прожила и померла, так и не дождавшись мужа, который сгинул в дальней загранице или по дороге к ней.

Когда же дед был в особо дурном расположении духа и нетрезв, то принимался излагать иную версию, по которой никуда из Бляховки князь не уехал, и вообще никто в живых из его ближних не остался, потому как Матвей совершил акт классовой справедливости и всех их отправил на тот свет при помощи все тех же болиголова и поганок. Правда, наутро, спохватившись, Семен Михайлович заявлял, что про поганки спьяну сочинил, а на самом деле все остались живы-здоровы.

О своем отце Михаиле Семен Михайлович также рассказывал всякие ужасы: и про то, как он голыми руками двух волков задушил и пасти им порвал, и про то, как рыбинспектора чуть из обреза не порешил, а, будучи посаженным в тюрьму за воровство совхозного сена, сбежал оттуда и жил диким бирюком в лесу на заимке, питаюсь пойманными в силки белками. В общем, все далекие предки Миши по мужской линии в изложении деда

выглядели на редкость непривлекательно. А по женской — неизвестно как, потому что ни одна из прабабок просто не удостоилась упоминания. Разве что та самая княжна, судьба которой так до конца и осталась невыясненной.

Я задумалась. Если в рассказах о богатом князе, которыми пичкал ближних Семен Михайлович Лаптев, была хотя бы капелька правды, то становилось более-менее понятным, откуда появился тайник с монетами и ножом. Но откуда взялись в подвале череп и кости? И чьи они? Вопросов не стало меньше, но они обрели иную тональность.

— Ну что, помогло то, что я рассказал? — с надеждой взглянул на меня Миша. — Если надо, я еще маму расспрошу, может, забыл что-то.

— Пока ничего не ясно, — честно призналась я. — Ты ведь и сам не знаешь, что из всего сказанного правда, а что — фантазия деда. Но если твоя мама сможет что-то уточнить, это будет замечательно.

— Тогда я сегодня же устрою ей допрос с пристрастием и позвоню тебе.

Я вдруг сообразила, что не сообщила ему номер своего телефона, полезла в сумку и вспомнила, что забыла мобильник на тумбочке у кровати Алекса. Пришлось продиктовать свой номер по памяти, и я, распростившись с Мишей, помчалась обратно в травматологию.

Влетела в палату и обнаружила там Макрайстера, квохчущего вокруг Алекса, злого, как черт, Борьку и распекающую медперсонал Соньку. Соседи Алекса по палате разбрелись, кто куда, видимо, окончательно поставив крест на спокойной жизни.

— Где ты была?! — заорала Сонька, увидев меня. — Уехала неизвестно куда, я уже хотела в морги и в полицию звонить!

— С ума сошла? Я всего лишь посидела в кафе с парнем, у которого мы купили дом, узнала кое-что интересное. И вообще, мне не пять лет, чтобы меня, спустя час начинать искать с полицией.

— Ты исчезла рано утром, никому ничего не сказав, на звонки не отвечаешь, неизвестно где находишься. А кругом такое творится!

— Но мой телефон остался у Алекса, — удивилась я. — Он-то почему не ответил?

— Э-э-э... — смутился англичанин. — Это как-то не очень прилично — отвечать по чужому телефону.

— Ну, вот что, — поднялся Борька, — раз Алисс тут, значит, я отправляюсь обратно в Бляховку. А вы вернетесь на ее машине. Пока вы тут чирикаете, там может бог знает что произойти.

— Что это ты такой нервный? — удивилась я.

— Станешь тут нервным! На мамулю сегодня кто-то напал в столовой!

— Ох ты... И как она?!

— Она-то нормально. Но в буфете все стекла переколочены и чашки с блюдцами. Так что ты купи новые, а за стеклами для дверцы я сам в магазин заеду.

— Рассказывай! — потребовала я нетерпеливо.

Оказалось, что после вчерашних пертурбаций, все сегодня спали долго и крепко. Кроме меня, разумеется, но я уехала ни свет ни заря. Мамуля проснулась после меня, что для нее никак не свойственно, и прямым ходом отправилась пить кофе. Очки мамуля по утрам надевать не любит. А зря. Когда она вошла в столовую, то увидела около буфета какую-то смутно различимую в полумраке фигуру, роющуюся на полках.

— Гошик? — окликнула мамуля, потому что фигура более всего напоминала папулю. Странно, но она совершенно не учла, что оставила супруга мирно спящим, и обогнать ее он никак не мог.

Фигура вначале замерла, а затем медленно обернулась. И тут мамуля поняла, что перед ней не папуля, потому что тот не имеет привычки носить на голове черные колготки, и издала дикий вопль. Но после этого она не схватилась за сердце и не стала ждать, пока ей поднесут двадцать капель вальерьянки, а запустила в него стоявшей на столе сахарницей, потом вазочкой с сухариками и здоровенным томом Себастьяна Жапризо. После этого грабитель, обсыпанный сахаром и обломками сухарей, пулей ринулся на кухню и выскочил через открытое окно в сад.

На мамулины вопли сбежалось все семейство. Что за тип рылся в столовой, осталось невыясненным, так как злоумышленник благополучно удрал.

В общем, утро опять случилось бурное. Это становится уже дурной традицией.

Борька замолк, и тут раздался душераздирающий вздох. Мы обернулись. Физиономия Алекса выражала такую скорбь и раскаяние, что мое сердце дрогнуло.

— Это все из-за меня, — воскликнул несчастный англичанин. — Вернее, из-за бабушки. И зачем только я поддался ее уговорам?!

Макрайстер подскочил на шатком больничном стуле и что-то быстро залопотал по-английски. Алекс выслушал его и ответил по-русски:

— Нет, Тэд, эти милые люди спасли мне жизнь, а тебя вырвали из рук преступников. Поэтому я считаю, что они должны знать, почему на их семью обрушилось столько неприятных событий.

Макрайстер попытался что-то возразить, но Алекс, не обращая на него внимания, обратился ко мне:

— Алисс, если можно, я хотел бы вначале рассказать все вам, большое количество слушателей меня смущает.

Сонька хмыкнула, но первой вышла из палаты, за нею Борька. Теодору Макрайстеру ничего не оставалось, как последовать за ними. Закрывая за собой дверь, он все же неодобрительно покачал головой.

— Алисс, — заговорил Алекс, когда мы остались одни, — садитесь поближе, потому что рассказ у меня будет довольно долгий. Тэд сказал, что вы вчера нашли какие-то монеты и нож с монограммой. И это совершенно меняет дело. Скажите, это правда? Там действительно была монограмма Моршанских?!

— Насчет Моршанских не знаю, — покачала я головой. Там, кажется, три буквы — «М», «И» и «О».

— Это она! Нет никаких сомнений. — Алекс вцепился в мою руку и попросил: — Только бабушке пока ничего не говорите. В свете последних событий у меня появились нехорошие подозрения. А бабушка считает, что в нашем роду подлецов не может быть в принципе. Но, похоже, они есть! Но об этом чуть позже. Вначале я объясню, зачем бабушка послал меня и Тэда в Россию.

Глава восьмая

Рассказ Алекса занял довольно много времени и, если отбросить малопримечательные для меня детали, состоял в следующем.

Миссис Броуди, в девичестве Софья Моршанская, родилась в Великобритании в семье русских эмигрантов. Ее отца родители ребенком вывезли в Грецию вскоре после революции. Долгое время семейство скиталось по миру, пока не осело в уважаемом пригороде Лондона. Женился Павел Моршанский на соотечественнице Лизавете, правда, она была из «простых», но тогда это уже особой роли не играло. У них родилось трое детей, младшая из которых, Сонечка, и стала спустя полвека бабушкой Алекса. Муж Сонечки был англичанином, но с детьми, а впоследствии и с внуками, в семье разговаривали большей частью на русском языке.

Насколько я поняла, Софья Павловна была дамой своеобразной. Мужа, человека мягкого и не слишком предприимчивого, держала в ежовых рукавицах, и всеми делами в семейном бизнесе заправляла именно она. В семье Броуди родилось трое детей — Майкл, отец Алекса, Джордж и Маргарет.

В общем, довольно многочисленное и вполне состоятельное семейство со своими скелетами в шкафах, драмами, мезальянсами и прочими выкрутасами. Алекс рос под присмотром бабушки. Родители его были не то этнографами, не то палеонтологами и постоянно разъезжали по всему миру с экспедициями. Сам же он, насмотревшись на такой образ жизни, избрал для себя мирную и оседлую профессию экономиста, окончил университет

и тихо-мирно работал в авиастроительной фирме. До тех пор, пока бабушка не решила в одиннадцатый раз переписать завещание.

В самой процедуре переписывания завещания не было ничего необычного: Софья Павловна наследства никого не лишала и вносить смуту в родственные отношения не собиралась. Просто отражала текущий момент — кто-то из кузенов, племянников или внуков со времени написания предыдущего завещания успевал умереть, сочетаться браком или обзавестись новым потомством, и следовало эти изменения отразить в столь важном документе. Но в этот раз неожиданно совпало два обстоятельства — бабушка перед приездом нотариуса принялась просматривать семейный фотоархив и одновременно краем глаза следила за экраном телевизора, по которому шла передача о какой-то выставке ювелирных изделий. И тут старушку переклинило. Хлопнув ладонью по раскрытому альбому с семейными фотографиями, Софья Павловна велела своему секретарю Теодору Макрайстеру срочно позвать к ней любимого внука. Усевшись на диван, Алекс и Тэд в очередной раз выслушали авантюрную историю, вернее, семейное предание о бегстве Моршанских из охваченной гражданской войной России. Большую часть пути они преодолели по железной дороге или на корабле. Но был один этап, на котором им пришлось очень несладко: везший их поезд остановился на перегоне между двух станций. То ли уголь для паровоза закончился, то ли кто-то вообще решил этот самый паровоз реквизировать. Но факт в том, что довольно многочисленное семейство решило не сидеть и не ждать у моря погоды, а отправилось к следующей станции пешком через лес.

Как впоследствии выяснилось, это довольно опрометчивое решение оказалось для них спасительным, потому что те, кто остался в вагонах, вскоре подверглись нападению и ограблению. Желающих поживиться за счет беженцев тогда хватало. А Моршанские уезжали не с пустыми руками — пытались вывезти кое-что из семейных ценностей. Отчасти им это удалось, но не совсем — ведь приходилось платить за еду и проезд.

Вот и в тот день они добрались до какой-то деревеньки и, измотанные долгой ходьбой, остановились там на ночлег. Полночи глава семейства торговался с хозяином дома о найме лошадей и подводы, на которой можно было доехать до станции. Мужик попался на редкость алчный и упрямый и запрашивал несуразно огромную цену. При этом он так зыркал глазами, что было видно — не будь среди путешествующих трех сильных мужчин, мог бы и за топор взяться. Этими мужчинами были Игнат Тихонович Моршанский, его брат Осип и зять Никита. И все трое не сомкнули ночью глаз, опасаясь за жизнь женщин и детей.

Наутро они тронулись в путь и благополучно добрались до станции. Там везший их мужик получил обещанную плату, нехорошо ухмыльнулся и развернул лошадей. И только в поезде, в который им удалось втиснуться, жена Игната Тихоновича заглянула в свой дорожный саквояж.

Тут нужно сделать отступление и сказать, что никаким князем Игнат Тихонович Моршанский не был. А был он до несчастного тысяча девятьсот семнадцатого года купцом первой гильдии и весьма успешно торговал мануфактурой и коврами. Дом у него слыл хлебосольным, а его хозяин привечал художников и артистов, так что салон, который устраивали по средам его дочь и супруга, славился среди столичной богемы. Захаживал туда и известный ювелир Мансуров, демонической внешности и капризного характера брюнет, баловень судьбы, а также дам и барышень.

Не удивительно, что именно Мансурову заказал Игнат Тихонович подарок для жены на двадцатилетие свадьбы. Выслушав пожелание купца, ювелир согласился выполнить заказ. Но когда спустя три недели привез его, Моршанский ахнул. Заказывал-то он супруге дорогую безделицу в стиле Фаберже — папиросницу или туалетный набор с камнями и херувимами, а своенравный творец поставил перед ним на стол статуэтку из белого золота. И изображала эта статуэтка обнаженную супругу Игната Тихоновича, Елену Николаевну. Словно наяда, вышедшая из воды, была она прекрасна и томна, металл лился живым телом, а глаза сверкали темными изумрудами. И ведь надо же: угадал, негодяй, под шелками и соболями все очертания фигуры, словно она сама ему позировала! Елена Прекрасная во всей красе.

Закусил губу Игнат Тихонович, замотал головой. Хоть и современных взглядов он придерживался, но все же — супруга, мать его детей! Как такое непотребство в честь дня свадьбы дарить? Ох, и пересудов будет... Мансуров все понял, улыбнулся и уже, было, руку протянул, чтобы забрать статуэтку, но тут позади раздался умоляющий возглас — Елена Николаевна случайно заглянула в мужнин кабинет. Уж как она его уговаривала, неизвестно, но Моршанский сдался, расплатился с ювелиром и оставил «Елену Прекрасную». Только любовались ею лишь он сам да супруга — статуэтка была заперта в сейфе и никому более не показывалась.

Когда же пришло время собираться в дальний путь, супруги Моршанские не знали, как быть с драгоценной статуэткой — спрятать ее сложно, а открыто везти с собой слишком рискованно, такие вещи в багаже сразу привлекают ненужное внимание. Драгоценности и золотые монеты они зашили в подкладки одежды, спрятали в двойное дно кофров, в пудреницы и баночки с кремами. Да мало ли куда можно затолкать браслет или монеты. А тут — довольно большой кусок металла.

Но Елене Николаевне, которой особенно не хотелось расставаться с дорогой безделушкой, пришла в голову неожиданная идея. Повозившись полдня с гипсом и формами, она сумела отлить точную копию собачки, стоявшей у них на полочке в детской, и внутри ее спрятать «Елену Прекрасную». Затем уложила ее в свой личный саквояж — между несессером и Библией. Ну, кому в голову придет позариться на такую дешевую безделушку?

Однако пришло. Потому что Елена Николаевна обнаружила, что глупая гипсовая собачка исчезла вместе с льняной салфеткой, в которую была завернута.

Вернуться, чтобы разобраться с вороватым мужиком, было уже невозможно. Моршанский успокаивал расстроенную жену, говорил, что невежественный крестьянин позарился на безделицу, и что когда закончится смута, они непременно разыщут статуэтку. Но тут заодно обнаружилось, что кроме собачки исчез сверток, в котором лежал фамильный бювар и крестильные ложечки детей. Игнат Тихонович только зубами заскрежетал от досады. Но делать было нечего, оставалось только смириться с утраченным.

В Россию скитальцы так и не вернулись, но надежды отыскать пропажу не теряли. Поэтому история о пропавших ценностях была неоднократно рассказана ими детям, а после и внукам. Названия деревни никто не знал, но сохранилось ее описание с нарисованной Игнатом Тихоновичем подробной картой.

И вот теперь Софья Павловна внезапно решила, что настало время попытаться отыскать «Елену Прекрасную» и тем самым исполнить желание бабки и деда. Но прежде нужно было разузнать, не всплывала ли где-то злополучная статуэтка. В то, что ее могли уничтожить, верилось слабо, разве что выкинули на помойку вместе с лупоглазой собачкой. А вот продать, перепродать — вполне. И если так, то она должна промелькнуть в каком-нибудь каталоге музея, аукциона или выставки.

Именно этим и занялся Алекс. Две недели он шарил в Интернете и консультировался с самыми известными британскими искусствоведами. Фотографии «Елены Прекрасной» не сохранилось, что вполне объяснялось нежеланием Моршанского кому-либо ее показывать. Вместо этого Алексу была вручена фотография самой госпожи Моршанской, по которой бабушка и предлагала опознать скульптурное изображение, что, несомненно, выглядело крайне утопически. Поэтому Алекс вопросы формулировал более конкретно и утилитарно. Но все равно — миниатюрная скульптура обнаженной женщины из белого золота с изумрудными глазами работы Мансурова никому никогда не встречалась.

Интернет тоже не выявил ничего похожего, хотя там можно было найти и черта в пеньюаре. Все подходящего размера и тематики статуэтки

были либо из другого материала, либо совершенно не соответствовали описанию.

Алекс доложил бабушке о результатах поисков, надеясь на то, что на этом его миссия закончена и дальнейшие шаги по отысканию «Елены Прекрасной» будут поручены кому-то другому, вроде профессионального детектива. Однако Софья Павловна была иного мнения. Дело это семейное, и посвящать в него посторонних лиц она считала недопустимым. Ну, разве что Теодора Макрайстера, много лет исполнявшего при ней роль секретаря и вполне сносно говорившего по-русски. Как ни упирался и ни старался переубедить Алекс упрямую старушку, она стояла на своем. Так что ровно месяц спустя двое британских подданных, вооруженные ксерокопиями семейных мемуаров и дилетантски исполненного плана, вылетели из аэропорта Хитроу в Москву.

Российская столица произвела на англичан оглушающее впечатление, и они были рады поскорее взять билеты на поезд в нужном направлении. Ехали они с приключениями, но это неважно. Главное, они заметили, что с самой Москвы за ними тащился какой-то тощий и пасмурный тип.

Прибыв в наш город, Алекс первым делом приобрел на железнодорожном вокзале карту области и принялся сличать ее с каракулями прапрадеда. Макрайстер все стонал и требовал провести хотя бы одну ночь в отеле, прежде чем ехать в какую-то глушь. А тощий тип все время нагло ошивался поблизости, помятый и несчастный. На его физиономии был явственно написан вопрос: «Куда еще черт понесет этих ненормальных иностранцев?»

Весь ужас состоял в том, что под описание к древнему плану подходила, как оказалось, не одна, а целых три деревни. Все они располагались примерно на одном расстоянии от железной дороги, в лесу около речек, и различались только названиями. Алекс старательно обвел розовым маркером на карте Лупово, Бляховку и Курники. Жуткие, варварские названия вселяли в душу тревогу и смятение.

О том, как им пришлось колесить по рытвинам и ухабам в древних автобусах и на попутных машинах, Алекс подробно не стал рассказывать. Первые две деревни оказались не теми: прапрадед точно помнил, что искомое место холмисто и разделяется дорогой. Лупово же было построено на огромной ровной прогалине, а Курники и вовсе под горой. Зато Бляховка полностью соответствовала описанию — куча несуразных домов, натканных на буграх и в ямах.

Теперь предстояло разыскать дом, где ночевало семейство Моршанских. И это, пожалуй, было самым сложным, потому что планировка деревни оказалась ни на что не похожим кошмаром. Бедняги слонялись от подворья к подворью, прячась в лопухах и отбиваясь от приставучих коз. Один

бог знает, каково пришлось таскавшемуся за ними соглятаю, про него уже почти не вспоминали, да и на глаза он теперь почти не попадался.

К вечеру были отобраны три более других подходящих по описанию и расположению дома. Около первого на них набросился здоровенный цепной кобель и едва не довел Макрайстера до инфаркта. Во втором обитало шумное семейство, из окон звучала музыка, а со двора слышались дикие крики и грохот. Третий же дом выглядел так, словно хозяева решили разобрать его по кирпичику, да так и бросили. И все три строения находились поблизости друг от друга.

Возвращаться в город было поздно, да и не на чем. Поэтому уставшие до беспамяतства Алекс и Макрайстер решили не рисковать, просясь на постой, а устроились ночевать в том самом пустом доме.

Тягостный сон, в котором Алекс преследовал какого-то усатого типа, уносящего от него в туманную даль скульптуру Венеры Милосской, был прерван глубокой ночью, вернее, уже перед рассветом. Внизу послышались чьи-то шаги, грохот и ругань. Эти звуки и разбудили успевших изрядно продрогнуть англичан. Макрайстер с перепуга забился в угол, а Алекс опрометчиво решил посмотреть, кто там шумит.

Остальное он помнил отрывочно. Вроде бы какие-то головорезы гнались за ним по каким-то колючим зарослям, а он вначале катился вниз, а потом карабкался вверх. Потом окружающий мир вдруг раскололся, и наступила темнота, в которой стало хорошо и спокойно... Очнулся Алекс уже в больнице и поначалу вообще ничего из ночного происшествия не мог вспомнить.

— Алисс, кто это был? — задумчиво спросил он. — И зачем они напали на нас? Теодор рассказал, что они заперли его в подземелье, откуда вы спасли его. Но зачем? Не понимаю! Мы ведь ничего плохого не хотели.

Сложно объяснить человеку, мало знакомому с нашими российскими порядками, почему у кого-то возникает желание треснуть ближнего по башке или запереть в подвале. Да просто захотелось.

— Алекс, скажите мне, — как можно мягче спросила я, — кто, кроме бабушки, знал, куда и зачем вы отправляетесь?

— Вот в этом-то все и дело! — хлопнул он себя по коленке. — Этот чертов кузен Грегори! Мне с самого начала казалось, что он специально подслушивает и кружит около бабушкиного кабинета. И когда мы уезжали, мне показалось, что в Хитроу где-то толпе мелькнула его гнусная рожа. Извините, Алисс, но иначе про этого типа и сказать нельзя — именно гнусная рожа. Более подлого существа я еще никогда в жизни не встречал. Самое главное, что Грегори считает себя вечно обделенным — то, что бабушка не сделала его основным наследником и преемником, не дает ему

спокойно спать. Он хотел бы получить контрольный пакет акций бабушкиной фирмы. А почему ты спросила насчет того, был ли кто осведомлен о цели нашей поездки? Ох, извините, у меня «ты» случайно вырвалось...

— Мне самой надоели эти китайские церемонии,— улыбнулась я.

История «Елены Прекрасной» меня заинтриговала по-настоящему. И дело даже не в стоимости фигурки, хотя она должна быть немалой, а в том романтическом флере, который явственно чувствовался за сухими фактами. Мансуров. Фамилию я слышала, но вот в каком контексте? Ювелир Мансуров. Профессия ювелира одновременно прагматична и таинственна. А чьи имена сохранились спустя много лет? Челлини, Фаберже... Других я не знала, ну, разве что Глеб Вахрушкин, наш местный умелец, изготавливающий «эксклюзив» для городской элиты и имеющий помпезный салон в центре. Но его бриллиантово-платиновые поделки мне не слишком нравились, не было в них того изысканного шарма, который я ценю в драгоценностях. И тут мне в голову пришло, что на свете есть Котя Патрушев, один из моих ухажеров в позапрошлом сезоне. Вот кто мне может рассказать о Мансурове! К сожалению, номер Котькиного телефона уже успел за давностью и ненужностью испариться из моей памяти, так что придется опять ехать домой. Почему именно Котя? У него исключительная память на персоналии отечественной культуры начала прошлого века, он по ним писал диссертацию, а после — некий культурологический роман. Интересно, дописал ли?

Глава девятая

Все время, пока я предавалась размышлениям, Алекс деликатно молчал. Наверное, ожидал, что после дедуктивных выкладок я сообщу ему имя коварных недоброжелателей и найду способ избавиться от их преследования. Но, увы, я только повторила, что ему нужно быть осторожнее, а во время следующего разговора с бабушкой попытаться узнать, все ли их родственники наличествуют в Лондоне. И если отсутствуют, то где находятся, и можно ли это как-то проверить.

Алекс закатил глаза. Нет, это невозможно — семейка у него на редкость непоседливая, болтаются все постоянно в разных концах света, причем общаться о перемещениях большей частью не считают нужным. Проверить, кто в данный момент где находится, нет никакой возможности. Тот же Грегори, сидя за соседним плетнем, может соврать, что в данный момент прогуливается по Пикадилли или афинскому Акрополю.

— Тогда придется быть вдвойне бдительными, — сказала я. — И хорошо бы разыскать ваши с Теодором документы, просто для порядка.

— Документы были в сумке, — вздохнул Алекс. — А сумка осталась в доме. Если те бандиты ее не забрали.

— Забрали, можешь не сомневаться. Хотя проверить не мешает, могли просто спрятать в том же доме. Но надежда на это слабая, почти...

Я не успела договорить, потому что в палату заглянула Сонька и напомнила, что пора бы уже попрощаться с Алексом — мало ли какие еще гадости могут ждать нас дома в ближайшее время. Но тут же сама подбодрила:

— Спасение утопающих, сами знаете, чье дело. В общем, без паники, ребята! Нас слишком много, чтобы кто-то мог с нами справиться. Вот только организация хромает. Надо собирать военный совет и выработать план действий.

Рациональное зерно в ее словах было. Тем более что солнце начинало припекать, показывая приближение обеденного времени. Мы отправили Макрайстера в палату к Алексу, где он решил остаться рядом с ним до самого вечера, а Сонька, как только села в машину, принялась названивать Кеше и выяснять, как обстоят дела на вверенной ему для охраны территории. Судя по выражению ее лица, дела там творились не совсем обычные, но и не катастрофические.

— Приехали археологи и встали биваком у вас в огороде, — сообщила она, отключившись от связи.

— А почему не в доме? — удивилась я.

— Ну, видимо, деликатные ребята. Да и дачка у вас не безразмерная. Кстати, я в больнице небольшой шухер устроила, — виновато добавила Сонька, — так что если тебе будут предъявлять претензии, не удивляйся.

— Что ты опять натворила?

— Ничего особенного, просто устроила дежурной медсестре маленький экзамен. Оказывается, она не в курсе, что к Алексу никого нельзя пускать, кроме нас. Вот я и поскандалила.

— Так, с археологами понятно, с тобой тоже. — Я свернула к нашему дому и затормозила. — Больше, надеюсь, ничего не случилось?

— Пока нет, — ответила подруга, выпархивая из машины. — Но сейчас может случиться, — добавила она изменившимся голосом.

Я дернулась и уставилась на «скулса» Жирю, который вырулил из-за детской горки и теперь в компании со здоровенным амбалом, направлялся напрямик к нам.

— Удираем! — прошипела я, заводя мотор.

— погоди! — отмахнулась Сонька, вытряхивая на сиденье содержимое сумочки. Вслед за пудреницей, пачкой влажных салфеток и амулетом в виде деревянной лягушки из нее вывалился здоровенный пистолет. Она

ухватила оружие, направила его на приближающегося противника и злобно гаркнула:

— Стоять! Стоять и слушать!

Амбал послушно остановился и изумленно уставился на пистолет. Жиря осклабился и шагнул вперед:

— Надо же, какие тут агрессивные девушки водятся.

— Девчонки, вы чего? — недоуменно пожал плечами амбал. — Мы только поговорить хотели.

— Говорить тут буду я! — рявкнула Сонька. — После всех ваших пакостей слово вам никто не давал!

— Каких пакостей? — изобразил полное недоумение «скунс» и попытался сунуть руку в карман. — Вы нас с кем-то путаете.

— Ужас... — пробормотал амбал, во все глаза таращась то на меня, то на мою вооруженную напарницу.

— Слушайте сюда, орлы, — перебила его Сонька. — Чтобы больше мы вас около дома не видели! Ни вас, ни ваших дружков! Ни тут, ни в Бляховке! Увижу, разговаривать не буду, на клочки порву! Усвоили информацию?!

Амбал послушно кивнул, Жиря поднял глаза к небу, изображая полную индифферентность и непричастность.

— А теперь пошли вон! И не дай бог вам вернуться!

Парочка медленно и неохотно развернулась и поплелась прочь. Дождавшись, пока они исчезнут за углом, Сонька плюхнулась на сиденье и громко выдохнула:

— Уф-ф-ф...

— Сонька, — простонала я, — ты откуда всех этих выражений набралась?

— Откуда, откуда... Что я, по-твоему, зря телевизор смотрю? Или надо было, чтобы они нас по башке огрели и в подвале заперли? Слушай, у тебя попить ничего нет, а то у меня что-то во рту пересохло после всего этого крика.

— В машине нет, пошли домой, там найду что-нибудь подходящее.

Квартира встретила нас духотой и тишиной. Я распахнула окна и на всякий случай выглянула во двор. Вряд ли враги посмеют вернуться так быстро, но проверить не мешает. Сонька тем временем вытащила из холодильника бутылку минералки и пыталась отыскать стакан. Разбежалась! Стаканы уехали на дачу, так что пришлось предложить кофейные чашечки.

Не обращая внимания на ее ворчание и бряканье посуды, я отыскала старую записную книжку, а в ней номер Коти.

На звонок ответил звонкий женский голос:

— Кто там?

О господи, если это супруга Патрушева, то... в общем, конечно, главное, не культурный уровень, а то, что она — мать его детей.

— Константина можно? — выдавила я из себя.

— Щас гляну, хде он, — невозмутимо ответила трубка, и на время в ней воцарилась тишина.

— Да, — через минуту отозвался Котькин бархатный баритон, который когда-то пленил меня до такой степени, что я иногда специально набирала номер Патрушева, чтобы его услышать.

— Коть, это я.

— Алисс? Слушай, как я рад! Просто безумно соскучился! Давай встретимся?

— Э-э-э... — растерялась я. — В общем, я не против, ты нужен мне по одному делу, очень срочному. Но твоя жена...

— Моя жена на работе.

— А кто мне отвечал сейчас?

— Няня это! Степкина и Маруськина няня, — расхохотался Патрушев. — Ну, так что, будем встречаться? Когда и где? Я сегодня, в принципе, совершенно свободен. Статью сдал, гонорар получил, имею полное право пригласить даму...

— Двух дам, — перебила я его.

— Двух дам, — без запинки подхватил он, — туда, куда им захочется.

— Тогда в «Бонапарт»?

— Хорошо, «Бонапарт», так «Бонапарт», — одобрил Котя. — Через час пойдет, или не успеете?

— Успеем, — обрадовалась я.

— Заехать за вами?

— Не нужно, сами доберемся, — ответила я и положила трубку.

«Бонапарт» — очаровательное место. Совсем небольшой ресторанчик богемного плана, но без экстремизма. Кухня большей частью французская, но с отклонениями в сторону итальянской и частично мексиканской. Главное же, за что я любила это заведение, — вода. В центре журчал небольшой фонтан с каменными фигурками рыб и лягушек, вода из него стекала в мраморное русло, вьющееся через весь зал. Особенно уютно было там по вечерам, когда зажигали маленькие фонарики, и они отражались в прозрачной воде. Но и днем было неплохо.

Патрушев уже занял столик у окна и поднялся нам навстречу с радостной улыбкой. Поцеловал руку мне, затем Соньке.

Мы сделали заказ, и я сразу же приступила к делу.

— Котик, мне нужна информация. Кроме тебя мне никто помочь не может.

— Это вдохновляет, — кивнул Патрушев. — Излагай.

— Был такой ювелир Мансуров. Насколько я знаю, жил в начале прошлого века в Москве. Вот о нем мне и нужно получить сведения.

— Георгий Мансуров? — удивился Котя, разворачивая полотняную салфетку с вышивкой. — Да, был такой. Талантливый хлопец, не то из обрусевших татар, не то из грузин. А что тебя конкретно интересует?

— Ну, во-первых, биография. Хотя бы в общих чертах. Но главное — хотелось бы увидеть его работы. Наверняка есть какие-то каталоги, альбомы...

— Насчет отдельных альбомов не знаю, но в монографиях о ювелирном искусстве конца девятнадцатого — начала двадцатого веков он фигурирует. Знаешь, большая часть его работ оказалась за границей, так что если собирать по крохам в разных коллекциях и в каталогах аукционов, можно многое найти, но на это потребуется не одна неделя. Это срочно?

— Нет, мне все не нужно, я же не собираюсь писать монографию. Только то, что можно найти быстро и без особых проблем. Особенно меня интересуют его статуэтки. Обнаженные женщины.

— Обнаженные? — задумался Котя. — А одетые не подойдут?

— Подойдут любые, но лучше обнаженные. Я хочу их видеть, хотя бы на фотографиях!

— Хорошо, я постараюсь к завтрашнему дню кое-что для тебя подобрать. Кажется, у меня есть пара альбомов с мелкой пластикой того времени. А еще мне кажется, что этот тип, Мансуров, имел отношение к императорским заказам, так что у Генки Одинцова можно поспрашивать. Позвони мне завтра днем, тогда точнее скажу.

Тут нам принесли рыбное ассорти, и Коте пришлось замолчать.

Из ресторана мы вышли спустя час, объевшиеся до безобразия. И ведь наверняка, десерт можно было ограничить одним фруктовым кремом. Но зачем-то нам понадобился еще и фирменный торт «Ватерлоо», от души покрытый взбитыми сливками и утыканный фигурными цукатами.

— Вас подвезти? — спросил Котя, указывая на свою синюю «тойоту».

— Спасибо, мы на колесах. Да и подвозить далековато, мы сейчас в Бляховке живем, — ответила я.

— Где? — опешил Патрушев.

— Деревня такая. Мы там дачу купили.

— А-а-а... — с сомнением протянул Котя. — Дача — это хорошо.

По его лицу было видно, что сам бы он в подобном месте жить не стал ни за какие коврижки. Даже если бы ему там предлагали приобрести мраморный дворец за сто баксов.

Глава десятая

Мы вернулись на машине в Бляховку. Деревня встретила нас так, словно вчера не гремело никаких взрывов. Так же мирно бродили козы и куры, старательно дергал сорняки в огороде Андреич, а со двора Панариных доносились невразумительные вопли, это проспавшийся после очередного загула глава семейства выяснял, что произошло за время его «отсутствия».

Дома тоже царила на удивление благостная атмосфера. Умотанная приготовлением обеда, а потом и ужина, Аллочка валялась в привязанном к двум старым яблоням гамаке, вокруг которого с визгом носились Васька и Нюшка. За садовым столом папуля резался с Кешей в шахматы. Судя по их напряженным физиономиям, игра шла, как минимум, на звание чемпиона Бляховки. Археологи поставили свою палатку вовсе не у нас в огороде, а ниже по склону, между Домом и речкой. И теперь подвергались обхаживаниям мамули, явно прикидывавшей, как можно использовать в хозяйстве двух крепких молодых землекопов. Дед отправился на рыбалку.

Мы с Сонькой призвали шахматистов на помощь и с помощью Кеши перетащили покупки в Дом. Папуля складировал еду в холодильник, ворча на малую вместимость морозилки.

— Как там, ничего не слышно? — тихо спросила я у Кеши, кивнув на соседний дом. — Больше никто не появлялся?

— Вроде бы нет, — тоже шепотом ответил рыжий гений. — Но знаешь, только ты Соньке не говори... Короче, кто-то опять свистнул мой пистолет.

— Ладно, не скажу, — закивала я. — Но ты все-таки поищи еще, вдруг он куда-то завалился.

Кеша заморгал глазами, пытаясь сообразить, как и куда могла завалиться такая немаленькая штука, как пистолет. Я же украдкой прошипела Соньке, что если она сейчас же не подкинет куда-нибудь оружие, я ее сдам жехнику с потрохами.

— Если бы я не взяла эту штуку, — оскорбилась подруга, — знаешь, что с нами сделали бы Жиря с приятелем? — Потом, подумав, добавила: — Ладно, верну пушку, опять в холодильник суну. А мы завтра с тобой что-нибудь придумаем.

Я послонялась немного по двору и, так как особых дел для меня не нашлось, решила съездить в больницу за Макрайстером и привезти его в Бляховку. Но смоталась я туда напрасно — секретарь миссис Броуди зря время не терял и успел обаять медсестер и санитарок травматологического отделения настолько, что они накормили его больничным ужином и сами предложили для ночлега продавленный диван в ординаторской. В общем,

Тэд ехать в деревню категорически отказался. А я в очередной раз убедилась, насколько неудобно отсутствие постоянной мобильной связи.

Поэтому пришлось срочно ехать в ближайший салон за двумя трубками. Оба номера я немедленно забила в память своего мобильного и, вернувшись, вручила один аппарат Макрайстеру, а второй положила на тумбочку около успевшего уснуть медикаментозным сном Алекса и отправилась обратно домой.

Сонька, с хрустом грызя редиску, увидев, как я паркую машину, удивилась:

— Что-то ты уж слишком быстро вернулась.

— Тэд решил остаться ночевать в больнице на диване, — ответила я.

— Чувство ответственности взыграло?

— Возможно. Опасается, что бабушка Алекса устроит ему взбучку, когда узнает, что они на пару с нашим дедом едва полдеревни не взорвали. Кстати, надо ему мой номер скинуть, мало ли что.

Макрайстер ответил моментально и доложил, что все тихо и спокойно. О, не нравилось мне это повсеместное спокойствие...

А Сонька, неожиданно вспомнив про Котю, спросила у меня:

— Патрушев тебе когда обещал позвонить?

— Вроде, завтра. Хочешь с ним еще раз пообщаться?

— Я на фотографии хочу посмотреть. Меня эта история с фигуркой прабабушки заинтриговала.

— Не тебя одну, — хмыкнула я.

— Слушай, по-моему, где-то мобильник надрывается, — толкнулась мне в спину подруга.

И точно, я прислушалась и тоже услышала знакомый писк и рычание. Это бился в припадке мой телефон, поставленный на вибро и звуковой сигналы. А звонок в такое время...

Снеся на своем пути пару стульев, я добралась до своей сумки, выудила из нее трубку и увидела, что звонит Макрайстер.

— Мисс Алисс?! — громко проорал Тэд. — Алекса хотели убить, похитить, отравить! Что нам делать?!

— Так, спокойно!!! — закричала я еще громче. — Что с ним, он жив?!

— Жив. Он не пострадал, я успел на них наброситься! Они сбежали, очень и очень быстро сбежали. По лестнице.

— Ждите меня, я сейчас приеду! — бросила я в трубку и отключилась.

— Что там, кто жив?! — заметалась вокруг меня Сонька. — Кто звонил?

— На Алекса кто-то напал, но Тэд показал им кузькину мать, и те сбежали, — кратко сообщила я, уже вылетая из квартиры. Сонька пыталась увязаться за мной, но я только отмахнулась.

...В травматологии царила тихая паника. Перед дверью в луже какой-то жидкости валялся железный штатив и растоптанная капельница. Около нее Макрайстер шепотом ругался с очкастым толстяком в зеленом халате. Подождать маячили две перепуганные медсестры и еще один охранник. Я ментально включилась в ругань и из шипения Тэда узнала следующее.

Он действительно чувствовал вину за то, что случилось с Алексом, и решил, что должен, во что бы то ни стало, вернуть своей хозяйке любимого внука в целостности и сохранности. Поэтому, когда больные уснули, и в отделении наступила тишина, расположился в одном из кресел, стоявших в маленьком холле в середине коридора. Некоторое время читал какие-то медицинские журналы, потом начал клевать носом. Сколько он дремал, сказать сложно, а проснулся то ли оттого, что затекла шея, то ли от какого-то звука. Тут же вскочил и увидел, что по коридору в направлении палаты, где лежит Алекс, двигаются две фигуры в белых халатах. В руках у одной была какая-то жуткая конструкция. Макрайстер вытаращил сонные глаза, а потом с каким-то боевым британским кличем ринулся на врагов. От неожиданности те выронили орудие убийства и довольно быстро смылись по лестнице. Судя по прыти, злоумышленники были молоды и обладали неплохой спортивной подготовкой.

— Наверняка это был кто-то из персонала, — замахал руками толстяк в халате.

Я с подозрением глянула на него и задала резонный вопрос:

— В белых халатах? Разве у вас тут не в зеленых ходят?

— Они могли быть из другого отделения, просто этаж перепутали! Вызвали их капельницу кому-то поставить, а они...

— У вас тут везде на дверях здоровенными красными буквами написано «Отделение травматологии», — парировала я.

— Вы что, действительно считаете, что нашего пациента хотели убить?

— Именно! И надо еще разобраться, как они сюда прошли. Не больница, а проходной двор какой-то!

— Между прочим, ваш... э-э-э... ваш знакомый у нас вообще на птичьих правах, без медицинской страховки! Да еще и подданный другого государства! — разозлился толстяк. — Мы вообще не обязаны его лечить!

— Еще как обязаны! Клятву Гиппократата кто давал? Мы вам доверили человеческую жизнь не для того, чтобы на нее с ядовитой капельницей покушались!

— То, что она ядовитая, еще проверить надо!

— Вот и проверяйте! А пока извольте выставить у палаты охрану. Мы бы и сейчас забрали мистера Бродди, но он спит после укола.

— Где я вам возьму охрану? — опять возмутился толстяк, на котором я наконец-то заметила бэйджик «Опанасенко Григорий Петрович — дежурный врач»

— А это что? — ткнула я пальцем в охранников. — Если они за входом вдвоем уследить не могут, пусть один тут сидит, у двери палаты.

Опанасенко раскрыл, было, рот, чтобы возразить, но тут один из парней махнул рукой:

— Ладно, Петрович, не кипятись, я могу тут посидеть. Все лучше, чем на «жмура» ментов вызывать.

— Да делайте, что хотите, только не мешайте больным спать! — воскликнул толстяк и поспешно умчался куда-то дробной рысью.

— Что, серьезно будете охранять? — настороженно уставилась я на парня-добровольца.

— Однозначно. На входе Димка и один справится. Девчата, железяку-то из-под ног приберите!

Медсестры, слышавшие мои слова о ядовитой капельнице, с опаской взялись за уборку, а я, наконец, перевела дух. Вряд ли сегодня ночью злоумышленники еще раз рискнут повторить покушение, но все-таки охрана не помешает.

Всучив покладистому парню номера своего мобильного и Сонькиного домашнего телефонов, я в очередной раз отбыла из больницы.

Сонька встретила меня вопросами. В квартире божественно пахло свежесваренным кофе. Я рассказала о происшедшем в больнице, с удовольствием выпила чашку кофе, присела на диван и не заметила, как задремала.

Разбудила меня Сонька, сообщив, что мне надо принять душ и отправляться за Алексом — звонил Макрайстер и сказал, что Алекса выписывают.

Мы с Сонькой вяло позавтракали и поехали в больницу. Я ожидала, что нам предъявят счет за лечение, но врачи так хотели поскорее избавиться от хлопотного пациента, что о плате даже не заикнулись и о полисе больше не вспоминали.

Глава одиннадцатая

Алекс вышел из палаты улыбающийся, на голове его красовалась марлевая нашлапка, привязанная бинтом к подбородку и ушам.

— Куда поедем? — спросила я у него, когда все уселись в машину. — Прямо в Бляховку или лучше поселить вас с Тэдом в городской квартире?

— А может, мы все-таки в гостинице останемся? — неуверенно произнес Алекс.

— Это исключено, тип, который следил за вами, прекрасно знает, где вы остановились!

— Тогда в Бляховку, — резюмировала Сонька. — Адрес городской квартиры эти гады уже пронюхали.

— Что-то еще произошло? — забеспокоился Макрайстер.

— Ничего, только то, что вчера у дома мы видели Жирю с еще одним головорезом.

— И что они от вас хотели?!

— Понятия не имею, спросить не успели.

Сонька хихикнула, а я повернула к центру и предложила:

— Сейчас мы все вместе заходим в гостиницу, вы выписываетесь и забираете вещи. Потом едем в Бляховку.

— Мне сначала нужно заехать в банк, бабушка обещала выслать деньги. Правда, без документов я не смогу открыть счет и получить кредитную карточку, так что придется наличными...

— А получать ты их как будешь без документов? — удивилась Сонька.

— Получить смогу, она на пароль выслала.

— Хорошо, но первым делом мы приобретем для тебя какую-нибудь шляпу, — решила я. — Надо прикрыть повязку.

Мы остановились у только что открывшегося магазинчика, торгующего всякой галантерейной чепухой, и Алекс остановил свой выбор на джинсовой панамке системы «поганка». Опущенные поля почти прикрывали уши, так что виден был только бинт, завязанный под подбородком кокетливым бантиком.

На все хлопоты у нас ушло больше часа. Вначале Алекс выстоял очередь в банке, затем с ним пытались скандалить в отеле, чтобы слупить какой-то штраф за простой номера. Растерявшийся Алекс решил заплатить, но я потребовала от администраторши выдать нам квитанцию на этот штраф и пригрозила немедленно накатать заявление в суд. После чего вредная тетка с кислой миной капитулировала и отдала нам ключ.

Погрузив в багажник два клетчатых чемодана, мы поехали завтракать в расположенную по соседству «Блинную». Именно там мой мобильник начал звонить, не переставая. Сначала Котя Патрушев сообщил, что готов свести меня с упомянутым вчера Генкой Одинцовым, который владеет некоторой информацией о ювелире Мансурове. И лучше это сделать поскорее, так как Генка собирается завтра сваливать на какой-то конгресс не то к финнам, не то к норвежцам. В общем, потом его неделю ловить придется.

Едва я успела пообещать Коте подъехать по названному им адресу через час, как позвонил Борька и с усталой меланхолией в голосе проин-

формировал, что в нашем огороде обнаружена подозрительная сумка, скорее всего, с бомбой. Археологи нашли.

— Ты в нее заглядывал? — перебила я брата.

— Я что, похож на камикадзе? Ее этот Денис или Дима приволок сдуру. Теперь посреди двора валяется. Маменька боится, что на воздух взлетим.

— В полицию звонили? — беспокойно спросила я, заранее предчувствуя ответ.

— Еще бы, в обе! Их уже, похоже, тошнит от наших звонков. Пореккомендовали сумку отнести в лес и утопить в болоте. Ты как считаешь?

— погоди, — внезапно стукнула мне в голову вполне логичная мысль, — опиши-ка сумку.

— Черная, кожаная, с двумя короткими ручками и одной длинной. Сбоку железяка с буквами, но я не читал.

Вопросу о том, какая у Алекса была с собой сумка, он не слишком удивился и повторил почти то же самое, что и Борька, добавив только, что на железной пластинке не буквы, а вид порта Сидней. Я задумалась. Если это сумка Алекса, то совсем не исключено, что ее заминировали. А если нет?

— Борька, не вздумай топить, — сказала я брату. — Осторожно отнеси в лес и просто завали каким-нибудь хворостом. Мы скоро вернемся и что-нибудь придумаем..

Следующий звонок был от Миши. Ничего нового узнать у матери ему не удалось, но одно странное событие имело место быть. Вчера вечером, когда Миша был на работе, к ним домой наведалься какая-то женщина, интересовавшаяся, как она сказала, примитивным народным творчеством. Представившись сотрудницей краеведческого музея, дама принялась расспрашивать о вещах, которые, по имеющимся у них данным, они перевезли к себе из бляховского дома. Когда мать с возмущением заявила, что ни одной чайной ложки, ни одной иголки оттуда ни за какие коврижки не взяла бы, женщина тут же испарилась. Сегодня Миша специально позвонил в музей, и там страшно удивились — никто от них по квартирам не ходит, и вообще, у них ремонт и демонтаж экспозиции, так что им не до этого.

— Опиши тетку, — заинтересовалась я.

— Стриженая, в очках и сарафане. Мать сказала, на французскую артистку похожа... на эту, Джирардо.

— Жирардо, Ани Жирардо, — машинально поправила я его.

— Ага, она так сказала.

— Скажи маме спасибо. И предупреди, чтобы больше никого незнакомого на порог не пускала, — посоветовала я.

— Уже запугал, больше не откроет, — вздохнул Михаил.

— Слушай, Миш, а ты сам не помнишь, были ли в доме у деда какие-нибудь гипсовые кошки или собаки. Ну, знаешь, раньше такие копилки продавались. Может, ты в детстве ими играл?

— Кошек точно не было. А вот собака... Или она не у деда была? Но что-то такое я смутно помню. У матери спрошу и, если что, перезвоню.

Когда я с ним попрощалась и отключилась, три пары глаз внимательно уставились на меня.

— Плохо дело, — сообщила я. — Похоже, кто-то очень хочет нас опередить. Вчера у прежних владельцев пытались узнать, не привезли ли они из Бляховки какие-то вещи.

— И что, — встрепенулся Алекс, — привезли?

— В том и дело, что последние владельцы питали к дому отвращение, после смерти Семена Михайловича они туда старались вообще не навещать и быстренько избавились от родового гнезда.

— Кто есть Семен Михайлович? — поинтересовался Макрайстер.

— Последний обитатель дома, мне сейчас его внук звонил.

— История, с одной стороны, вроде бы совершенно ясная и понятная, а с другой — творится нечто несусветное, со всеми этими нападениями, похищениями и покушениями. А всего-то надо отыскать вполне определенную вещь в маленькой деревне, — заметила Сонька.

Патрушев встретил нас около входа в драматический театр, втиснулся на заднее сиденье и велел мне ехать в переулок, а потом свернуть в подворотню. Сама бы я этот дом и дверь в полуподвал ни за что не нашла. Мы спустились по древней темной лестнице и внезапно оказались в огромном помещении, где человек десять что-то ломали, строили и штукатурили.

— Тут будет антикварный магазин, — объяснил Котя, перепрыгивая через корыто с цементным раствором, — просто вход с улицы еще не пробили. Генка! — внезапно заорал он так, что мы дружно вздрогнули. Тощий работяга в грязном комбинезоне отложил шпатель и приветливо помахал рукой.

— Знакомьтесь, Геннадий Одинцов, искусствовед и совладелец будущего магазина, — представил его Патрушев.

— Пошли в мою келью, — предложил Одинцов. Вблизи стало видно, что он представляет собой тип худосочного интеллектуала. Лохматая шевелюра и поблескивающие антрацитом глазки больше подошли бы какому-нибудь физику, чем искусствоведу.

Мы опять вышли на ту же лестницу и на этот раз поднялись на два этажа. Там была узенькая площадка, на которую выходили две обшарпанные двери.

— Черный ход, — пояснил хозяин, отпирая одну из них.

Мы вошли и оказались в просторной кухне. Одинцов распахнул перед нами двустворчатую дверь и пригласил нас в кабинет. Пока мы оглядывались, он шустро выскочил из своего комбинезона и остался в шортах и футболке. После чего уселся на стол и, почесав нос, произнес:

— Мансуровым, значит, интересуетесь?

— Да, — дружно закивали мы.

— Щас... Котька, достань с пятой полки том Щелганова. А вы садитесь поближе, чтобы виднее было. Итак, Мансуров Георгий Георгиевич, третий в роду потомственных московских ювелиров, самый известный и удачливый. Унаследовал мастерские, построенные дедом и отцом. А вот и он сам.

Мы устали на фолиант, раскрытый на фотографии усатого здоровяка. Зачесанные на косо пробор волосы, разбойничьи глаза и здоровенный нос с горбинкой. Грудь Мансурова, туго затянутая во фрак, была украшена двумя орденами.

— Вот такой вот орел, — любовно погладил Одинцов фотографию, словно демонстрировал нам снимок собственного отпрыска. — До славы Фаберже ему было, конечно, далеко, но все же в начале века он был весьма популярен. Мне в его работах нравится стильность.

Он принялся листать альбом, потом схватил с полки другой, потом включил компьютер, и на мониторе появились еще фотографии — кулоны, диадемы, гарнитур с опалами и сапфирами и оправленные в золото флакончики-подвески. Действительно, стиль был заметен — драгоценные камни словно вырастали из струй металла. Особенно мне понравилась платиновая брошь в виде двух переплетенных стеблями водяных лилий.

— А крупная пластика у него есть? — спросил Патрушев, памятуя о нашем разговоре.

— Немного, но есть. Сейчас найду. Вообще, Мансуров не слишком любил делать крупные вещи — письменные приборы, сигаретницы и несесеры я не встречал. Разве что этот бювар. Вот тут хорошо видно его клеймо — буква «М» в виде перевернутой короны. А это из коллекции Эрмитажа — две бонбоньерки, табакерка и неизбежные пасхальные яйца.

— А человеческие фигуры он делал? — спросила я, разглядывая на снимке бювара клеймо, чтобы лучше его запомнить.

— Говорят, что во Франции в одной частной коллекции есть нечто подобное — фигурка балерины, сделанная в подарок какой-то танцовщице. Но фотографий у меня нет.

— Только одна? — удивился Алекс.

— Ну, это то, что известно и атрибутировано. После революции многие вещи просто исчезли. Некоторые всплывают где-то на аукционах, нахо-

дятся в запасниках музеев, что-то спрятано от людских глаз в частных коллекциях. А сам Мансуров по имеющимся сведениям был расстрелян осенью восемнадцатого года по декрету о врагах революции. Не успел эмигрировать. Ну вот, в общих чертах и все. А если не секрет — зачем вам понадобилась информация именно о Мансурове?

Я оглянулась на Алекса. Тот смутился и пожал плечами. Потом решил:

— По некоторым данным, есть одна работа Мансурова, принадлежавшая нашей семье. Но пока это только легенда, так что ничего конкретного сказать не могу.

Мы распрощались с шустрым искусствоведом и Патрушевым, спешащим по каким-то своим делам.

— Все, — заявила я, усаживаясь снова за руль, — теперь прямым ходом дует в Бляховку. Там у нас очередное ЧП.

— Опять золото нашли? Или кого-то взорвали? — заинтересовалась Сонька. Англичане выжидательно молчали.

— Борька считает, что бомбу подложили, — вздохнула я. — Так что поедем сразу на нее смотреть. Если это и бомба, то она лежит в сумке, очень похожей на ту, что бандюги сперли у Алекса.

Сворачивая к Бляховке, я позвонила Борьке и договорилась, что он встретит нас сразу на въезде в деревню, чтобы лишний раз не трястись по ухабам.

Братец выглядел злым и встрепанным. С утра Аллочка запрягла его чистить картошку, которой требовалось просто жуткое количество, а потом притащили сумку, додумались до того, что в ней может лежать бомба, и по этому поводу была объявлена всеобщая тревога. Затем Борька долго ругался по телефону с полицией под ехидные реплики папули и ворчание жены.

— Ехать-то куда? — бессердечно перебила я жалобы братца.

— За выгон давай, там вроде бы проехать можно. А дальше пешком придется.

Мы проскакали по кочкам, лихо сделали разворот у опушки, и я заглушила мотор.

— Вон в том овражке, — махнул рукой Борис.

В небольшой ложбинке действительно виднелась куча веток, возле которой мы и застыли.

— Разгрести тоже мне? — раздраженно спросил братец.

— Нет, я должен сам, — мужественно произнес Алекс. — Раз там моя сумка, значит, это мой долг.

Услышав это, Макрайстер горячо запротестовал, размахивая руками. Убеждал он Алекса по-английски, но все было понятно и без перевода. Я тоже начала уговаривать Алекса не рисковать. Но он молча отстранил

нас и принялся довольно быстро откидывать одну ветку за другой. Пришлось ему помогать. Впятером мы разметали кучу за минуту. Алекс ястребом накинулся на кейс и открыл его. Мы замерли, но ничего не взорвалось. На траву полетели пустые пивные банки, какая-то тряпка, а затем раздался ликующий крик:

— Паспорта на месте!!! Кредитную карточку тоже не взяли. Только мобильного телефона нет. А это что? — вдруг удивленно протянул Алекс, показывая нам какую-то бумагу.

Мы все дружно сунули нос в листок, на котором заглавными буквами было отпечатано на принтере: «ЕСЛИ ХОТИТЕ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ, НЕМЕДЛЕННО УЕЗЖАЙТЕ!»

— Так вот почему они документы вернули. Ведь без них Алекс и Тэд не смогут покинуть Россию. А тут они явно кому-то мешают. Вот и хотят их спровадить, — резюмировала Сонька.

— Ну, это понятно, — пожал плечами Алекс, вытряхивая из кейса крошки и мусор. — Хотелось бы выяснить, кто они такие.

— По крайней мере, одну фамилию и инициалы мы знаем. Хотя не факт, что именно гражданин Опухликов во всей этой банде главный. Он вполне может оказаться древним дедом, а развлекаются его внуки или вообще посторонние люди, — заметила я.

— Ладно, ребята, не знаю, как вы, а я от всего этого уже устал. Поехали домой, — простонал Борька и зашагал к машине.

Глава двенадцатая

Идиллическая картина, которую мы застали вокруг дома, ничем не напоминала о недавней панике. Маменька развешивала на веревке выстиранное белье, дедуля спал в гамаке, папуля играл с внуками, швыряя летающую пластиковую тарелку, за которой наперегонки с визгом носились Васька и Нюшка. Кеша и Крошка спали на моем любимом одеяле, расстеленном в тени сарая.

Ну, с картошкой мы разделались за четверть часа, а потом все собрались в столовой на «военный совет»..

Вначале я кратко изложила ситуацию — в доме найдено хм... золотое изделие (тут я покосилась на присутствовавших в столовой археологов, которым совсем не обязательно знать, что мы обнаружили еще что-то, кроме пресловутой монеты), а в подвале — человеческие кости. И одновременно с этим совершен ряд покушений на гостей из Лондона и на членов нашей семьи. Конкретизировать я не стала, чтобы не посвящать родственников в подробности вчерашней беседы с Жирей и его подручным.

Также было сообщено, что мистер Броуди и мистер Макрайстер приехали с довольно непростой миссией — разыскать фигурку прапрабабушки Алекса. И фигурка эта, скорее всего, находится в Бляховке, а еще скорее — где-то рядом с Домом или в самом Доме. Отсюда следовал вопрос: не видел ли кто-нибудь во время ремонта Дома и расчистки авгиевых конюшен в нем гипсовую собачку, в которую, по преданию, была замурована статуэтка? Возможно, видели саму фигурку или гипсовые осколки?

Воцарилась тишина. Потом мамуля задумчиво спросила:

— Гошик, ты видел что-то подобное?

— Ну откуда я помню? — пожал плечами папуля. — Тут столько хлама было — и в комнатах, и в подвалах. Алискины женихи трудились, как проклятые, тачками хлам вывозили.

— А вывозили-то куда? — ревниво спросил дед, который в уборке мусора участия не принимал.

— Сначала в яму во дворе сваливали. Нет, стоп, в яму — это уже позже, туда мы строительный мусор сыпали. А хлам... В сарае деревяшки у входа сложили, чтобы печь ими топить, и там же железная емкость, куда ссыпали остальное. Помойки тут поблизости нет, так я собирался грузовик пригнать, и все разом на свалку вывезти, — ответил папуля.

— Ну вот, — недовольно высказалась Аллочка, — теперь еще в мусоре начнем дружно рыться!

— Нам не привыкать! — воодушевленно заявил один из археологов, которые до этого слушали с напряженным интересом. — Ежели чего, так мы всегда поможем.

— Как интересно! — подхватил Кеша. — Я и не думал, что мы будем искать настоящие сокровища!

— Итак, — перебила его я. — Где еще может быть барахло из дома?

— Ну, часть вещей Андреич забрал, — сказал папуля. — В частности, две табуретки, кухонный стол и кучу бутылок.

— Кухонный стол пустой был? — спросил Борька, с трудом удерживая оседлавших его колени отпрысков.

— Да он вообще без ящиков был — столешница и четыре ноги, самоделка. Еще Андреич домотканые половики приватизировал и швейную машинку. Сказал, что в хозяйстве сгодится. Только машинка сломанная была, и вроде больше ничего. Разве что еще до нас, но дом заперт был, так что вряд ли.

— Теперь о текущей ситуации, — грозно обвел всех взглядом Борька. — В связи со всей этой катавасией запрещается шастать по деревне в одиночку. Только вдвоем, а лучше втроем! Особенно это касается любителей рыбалки и дурных приключений на свою... хм, голову, — покосился он на нас с дедом.

— Это понятно, — вклинился Кеша. — Но надо бы еще раз проверить тот подозрительный дом. Ведь кто-то же подкинул ночью сумку на наш участок. Должны были, значит, где-то и следы остаться.

Желающих сходить после обеда на разведку было больше, чем надо. Но не отправляться же целым отрядом. Поэтому решили, что пойдут Борька, я и Алекс. Неумный англичанин наотрез отказался отдыхать и набираться сил, как ему настоятельно рекомендовали врачи.

Все разошлись по своим делам, а я извлекла из буфета сверток, затащила Алекса на второй этаж и продемонстрировала ему наши находки. Монеты на него особого впечатления не произвели, а вот в ножичек он вцепился, как клещ, и долго рассматривал вензель на его черенке.

— Да, это монограмма Моршанских, — сделал он, наконец, заключение. — Нож для разрезания бумаг из украденного бювара прапрадеда Игната Тихоновича. И сделал его все тот же Мансуров. Вот, посмотри.

Я увидела у основания лезвия знакомое клеймо — крохотную корону, перевернутую букву «М». Интересно, какие предметы были еще в бюваре?

— Наверняка должна быть ручка, дорожная чернильница, песочница и папка для бумаги и конвертов. Это минимум. Что там еще придумал Мансуров, неизвестно, описание бювара не сохранилось, — произнес Алекс, словно угадав мои мысли. — Прапрадед к его утрате отнесся гораздо спокойнее, чем к потере «Елены Прекрасной».

— Насколько я помню, бювар — вещь дорожная. Не представляю, зачем делать подобные вещи из золота, ведь это жуткая тяжесть.

— Ну, во-первых, тогда багаж сами не таскали, носильщики были, — усмехнулся Алекс. — А во-вторых, это почти наверняка был подарок. Дорогая безделица, которой можно было пользоваться время от времени. Да и не такой уж он тяжелый, судя по всему, рукоятка ножа полая.

— Ну, вы идете? — появился в дверях братец. — Сколько можно шушукаться?

Я все же уговорила его дать мне время переодеться в шорты и майку, в джинсах становилось слишком жарко. Во время переодевания мне в голову пришла интересная мысль. Откуда злоумышленник, пытавшийся взломать буфет, узнал, что именно там мы спрятали золото? Я быстренько обежала комнаты. Тут мы нашли клад и спрятали его в буфет. Ага... с чердака вражьего бастиона вполне можно было через окна рассмотреть все, что у нас творилось. Особенно в бинокль. Значит... Значит, в это время там кто-то был. Но тогда почему он не полез ночью, как все разумные грабители, почему дождался утра? Этого я пока не понимала.

Выступить в поход мы решили скрытно, чтобы заранее не привлекать к себе внимания.

— Сначала надо осмотреть чердак, — решительно заявила я, когда мы вскарабкались по склону и оказались на огороде в зарослях хрена, облюбованных мной два дня назад. — Похоже, оттуда за нами наблюдают.

К моему удивлению, братец возражать не стал. Он немного подумал и сказал:

— Снаружи не влезть. И никакой лестницы во дворе я не видел. Ладно, пошли!

Мы выскочили из хрена и перебежали к стене дома. Тихо. Вдоль стены прокрались к углу. Именно тут я в прошлый раз увидела машину с грузчиками. Но сегодня никаких признаков жизни не наблюдалось.

— А ведь еще одна свежая куча появилась, — отметил братец. — На этом месте как раз «Газель» стояла, а теперь камней навалили.

Мы внимательно осмотрели фасад с этой стороны. Никаких признаков лестницы, никаких возможностей влезть на крышу. Разве что с навеса над входом, но он такой старый и перекошенный, что вот-вот рухнет. Странно, но дверь была заново укреплена на петлях и даже заперта на замок. Так что взламывать ее мы не стали. Зачем утруждаться, если в любое окно влезть можно.

— Алисс, может, ты на стреме постоишь? — неуверенно спросил братец, на что я молча показала ему язык.

Первым через окно в дом проник Алекс, потом за руку втащил меня. Борька напоследок оглянулся и тяжело вздохнул. Если появится хозяин, сложно будет объяснить, зачем мы нарушили неприкосновенность его жилища.

Мы обошли весь первый этаж, выглядывая на всякий случай в окна. Но все было тихо. Показали Алексу лаз в погреб, а он нам — лестницу на второй этаж. По крутым шатким ступеням я полезла первая. Наверху было всего две больших комнаты. В одной валялись куча какого-то барахла и три надувных матраса. Еще тут стоял стол и раскладные стульчики с плотняными сидениями. На столе царил бардак — пустые банки из-под пива, огрызки сыра и хлебные корки. Под столом валялись две водочные бутылки.

— Типовой натюрморт, — брезгливо буркнул братец. — А вот это уже интересно...

Он шмыгнул в соседнюю комнату и поманил нас за собой. Мы вошли и замерли — по пыльному полу от двери тянулись хорошо заметные в косых солнечных лучах следы, словно кто-то постоянно бегал от двери к стенному шкафу. Алекс прошел вперед и распахнул дверцы. Внутри была крутая деревянная лестница, и вела она к люку в потолке. Да, странные тут люди жили...

На этот раз первым полез Борька.

— А тут еще интереснее! — раздалось через полминуты сверху. — Ползите сюда скорее!

Мы с Алексом по очереди одолели скрипучую древнюю конструкцию и оказались на чердаке. Там было душно, несмотря на отсутствие стекол в маленьких треугольных окошках. Чердак был невелик, так как занимал только часть крыши. Впрочем, возможно есть и второй чердак, уровнем ниже, но он нам был уже не нужен.

— Понятно, — задумчиво пробормотал Алекс, внимательно осматривая небольшую видеокамеру, пристроенную к чердачному оконцу. Проводок от нее тянулся к полу и исчезал в дыре.

— Значит, действительно шпионят постоянно, — кивнул Борис. — Где-то есть записывающая аппаратура и, скорее всего, монитор. Вчера утром кто-то приехал, просмотрел сделанную вечером запись и решил, что надо как можно быстрее стурить наш клад. Вот гнида!

Больше ничего интересного на чердаке не было, кроме кучи сломанных ящиков.

— Может, сломаем им аппаратуру? — вернулся к объективу Алекс. — Если выковырять пару деталей...

— Есть более оригинальный план! — протестующе замахала я руками. — Вечером осуществим.

— Надо все-таки глянуть, что там у них за система. — С этими словами Борька решительно полез вниз. Я на всякий случай прикинула, в каком именно углу проходит провод, и последовала за ним. Но на втором этаже мы ничего не нашли, так же, как и на первом, — шнур от видеокамеры уходил в подвал. Прежде чем спускаться туда, мы выглянули во двор и убедились, что за это время там никто не появился.

Оба моих спутника один за другим исчезли в люке, а я все не могла решиться. Ох, не хотелось мне лезть в этот черный провал. И хотя на этот раз Борька предусмотрительно взял с собой мощный фонарик, я долго топталась, прежде чем рискнула. Свесила ноги вниз, нашарила лестничную перекладину и тут же едва не загремела вниз, благо, Алекс успел схватить меня и удержать. Спустившись вниз, я огляделась. Ага, вот та дверь, похоже, ведет в комнату, где были заключены Макрайстер с дедулей... Подвал был оборудован куда более рационально, чем у нас — из центральной части можно было попасть в три или четыре помещения. Борька осторожно прошел вперед и пнул ногой следующую дверь. Отсыревшее дерево поддалось не сразу, но потом, издав жалобный вой, створка приоткрылась.

— Ага, вот оно! — торжествующе констатировал братец.

В квадратной комнатухе стоял стол, а на нем самый простой видеомагнитофон и старенький телевизор «Голдстар». Рядом громоздились штук пять видеокассет. Примитив, но работает.

— Все ясно, — проговорила я, — пошли отсюда, пока не попались!

— Сейчас, — бормотал Борька, — смотри-ка, тут даже верстак есть. А это что? Ох, ни фиги себе...

Что-то в его голосе заставило меня вздрогнуть. Алекс тоже резко обернулся. Стараясь ступать как можно тише и осторожнее, мы подошли к замершему в полусогнутом положении Борьке. И первое, что я увидела — опять башмаки и джинсы. Да что же это такое! Вцепившись в локоть впавшего в столбняк братца, я отобрала у него фонарик. Дрожащий луч света двинулся дальше. И так, штiblеты и штаны, рубашка и... противная физиономия Стасика, бледная и осунувшаяся. Да уж, везет мне в этом сезоне на потрясения.

— Он мертвый? — шепотом спросил Алекс.

— Ну откуда я знаю? — так же шепотом ответила я.

Неподвижное тело было втиснуто между длинным обшарпанным столом и стеной. Стасик лежал, изогнувшись пропеллером, но никаких видимых ран на нем не было, крови, вроде, тоже. Хотя это ничего не значит, рана могла быть на спине, а кровь — впитаться в земляной пол. При таком освещении рассмотреть что-то просто невозможно — батарейки фонарика начинали садиться, и горел он уже из последних сил.

Алекс наклонился, на четвереньках полез под стол и через пару минут сообщил оттуда:

— Пульс есть. Надо вызывать медицинскую помощь.

— Будем его вытаскивать наверх? — нервно сглотнув, спросил братец.

— Не стоит, в таких случаях раненых лучше не трогать, — с некоторым сомнением ответил, выпрямляясь, Алекс.

— Ты уверен, что он ранен?

— Ну, вряд ли это сердечный приступ. Он бы тогда не полез под стол. И на лице у него какие-то пятна. Ужасно...

— Тогда и полицию надо вызывать, — заскрежетал зубами Борька. — А они опять будут кивать на другой район.

— Пошли наверх, — вздохнула я, доставая мобильник, — а то скоро свет погаснет. — И на ходу набрала номер «скорой».

Вызов приняли и пообещали прислать бригаду. Потом я позвонила-таки в полицию, сообщила о происшествии и в ультимативном тоне потребовала, чтобы вызов зафиксировали, даже если ехать не собираются. Потому что потерпевший вполне может отдать концы, и тогда разговор будет совсем другим. Дежурный бурчал так долго, что я пообещала позвонить еще

и дежурному по УВД. Парень на том конце разозлился и посоветовал звонить сразу президенту.

— Ты номер Спиридонова не помнишь? — спросила я у Бориса, отключившись от связи.

— Вовки? У меня где-то записан был, я в прошлом году ему звонил, когда дед паспорт посеял, но только служебный. А по домашнему не пробовала?

— Вряд ли он дома, — проворчала я, но на всякий случай набрала знакомые цифры. Спиридонов был в нашем классе асом по математике, и раньше мне приходилось часто ему названивать, потому что самой мучиться с косинусами и уравнениями было просто лень. Так что номер телефона Вовки был высечен у меня в памяти навечно, как на гранитной плите.

Услышав от меня о находке и хамском поведении районного отдела полиции, Вовка, который, к счастью, оказался дома, пообещал стукнуть кому надо.

— Сам не сможешь приехать? — на всякий случай поинтересовалась я. — Все-таки не каждый день я бездыханные тела нахожу.

— Нет, Алисс, никак не могу, через три часа вылетаем в отпуск, а Светка тут рвет и мечет, что я еще чемодан не собрал. В Грецию отправляемся, представляешь!

— Представляю, — вздохнула я, пытаюсь сообразить, какого черта сама не поехала в Грецию или Турцию, а поперлась в Бляховку вкушать прелести русской глубинки. Впрочем, тогда бы я не встретила Алекса, так что ну ее, эту Грецию!

— А ведь когда ты Алекса нашла, мы его и тащили, и бинтовали, — вдруг с легким упреком произнес братец. — Не по-человечески как-то оставлять беднягу в таком виде. Может, пойти попробовать хотя бы верстак убрать?

— Хорошо, давай мы с тобой спустимся, а Алисс пусть разыщет и принесет другой фонарик или свечи. Этот недолго протянет, — предложил англичанин.

Носиться по такой жаре удовольствие небольшое, но понятно, что свет нам действительно понадобится. Пришлось, чертыхаясь и обливаясь потом, нестись вниз по дороге к Дому. Там я устроила изрядный переполох среди оставшихся в наличии обитателей, так что каждый счел своим долгом схватить первый попавшийся источник света и отправиться со мной.

На группу психов мы были похожи однозначно. Впереди бежал Кеша с фонарем «летучая мышь», за ним я с охапкой свечей, за мной семенила Сонька с бра под розовым шелковым абажуром. Когда я заметила, что для бра нужна электрическая розетка, подруга логично парировала, что с розеткой разберется на месте, не может быть, чтобы ее там не нашлось.

Замыкали шествие археологи со здоровенной автомобильной фарой и жутко тяжелой штукой — то ли аккумулятором, то ли генератором. Зрелище было настолько феерическое, что даже аборигены не выдержали и в количестве трех штук — Андреича и двух весьма резвых старушек — в ажитации покинули свои огороды и устремились за нами.

На подступах к соседнему дому нас с воем обогнала карета «скорой помощи». Так что взволнованная толпа, включая все ту же дородную врачиху и юношу в белом халате, полезла в подвал практически одновременно.

— Туда, — указала я медикам правильный курс, в то время как остальные участники марш-броска рассеялись по разным углам подземелья.

— Мы здесь! — подал, наконец, голос Борис. — Осторожно только, не...

«Бэмс!», это археологи с фарой сходу врезались в сдвинутый к двери стол, но тут же сориентировались и щелкнули тумблером. Ослепительный свет залил небольшое помещение, лежащего на спине Стасика и сидящих около него на корточках Алекса с Борькой.

— Ну, что у вас тут? — кое-как протиснувшись в узкую щель врачиха. — Опять черепно-мозговая? Вася, давай сюда сумку! Да не светите мне в глаза, молодые люди, вниз светите!

Пока Стасику оказывали помощь, мы болтались по подвалу и шушукались. Судя по всему, бородатому тоже дали по голове. Но кто и зачем? Неужели сами соратники? Но тогда почему сделали это в доме, куда они явно еще собирались возвращаться — ведь иначе забрали бы свою шпионскую аппаратуру. Ох, не нравилось мне все это.

Наконец неподвижное тело водрузили на носилки, прикрутили к ним ремнями и с трудом выволокли наверх.

Следом выкарабкалась врачиха, злая и потная.

— Уж не знаю, кем вам приходится этот парень, но только пьян он до изумления, — раздраженно сообщила она нам, обмахиваясь полой халата.

— То есть, как пьян? — удивился Кеша.

— А так, назюзюкался и треснулся об угол стола. Или треснули, так тоже бывает.

— А что мы теперь полиции скажем? — растерялась я.

— А то и скажем, — вздохнул Борька. — Шли, мол, гулять, заглянули в подвал, а там кто-то хрипит.

— Интересная прогулка — по чужим домам, — не к месту хихикнула Сонька, пытаясь всучить жениху злополучное бра.

Ткнув ее кулаком в бок, я обратилась к медикам:

— А вы полицию дождетесь или?..

— Их дожدهшься, — проворчала врачиха. — Но если приедут, скажете, что травмированного мы увезли.

— Тоже в третью больницу?

— В третью. Значит, имя и фамилию пострадавшего вы не знаете?

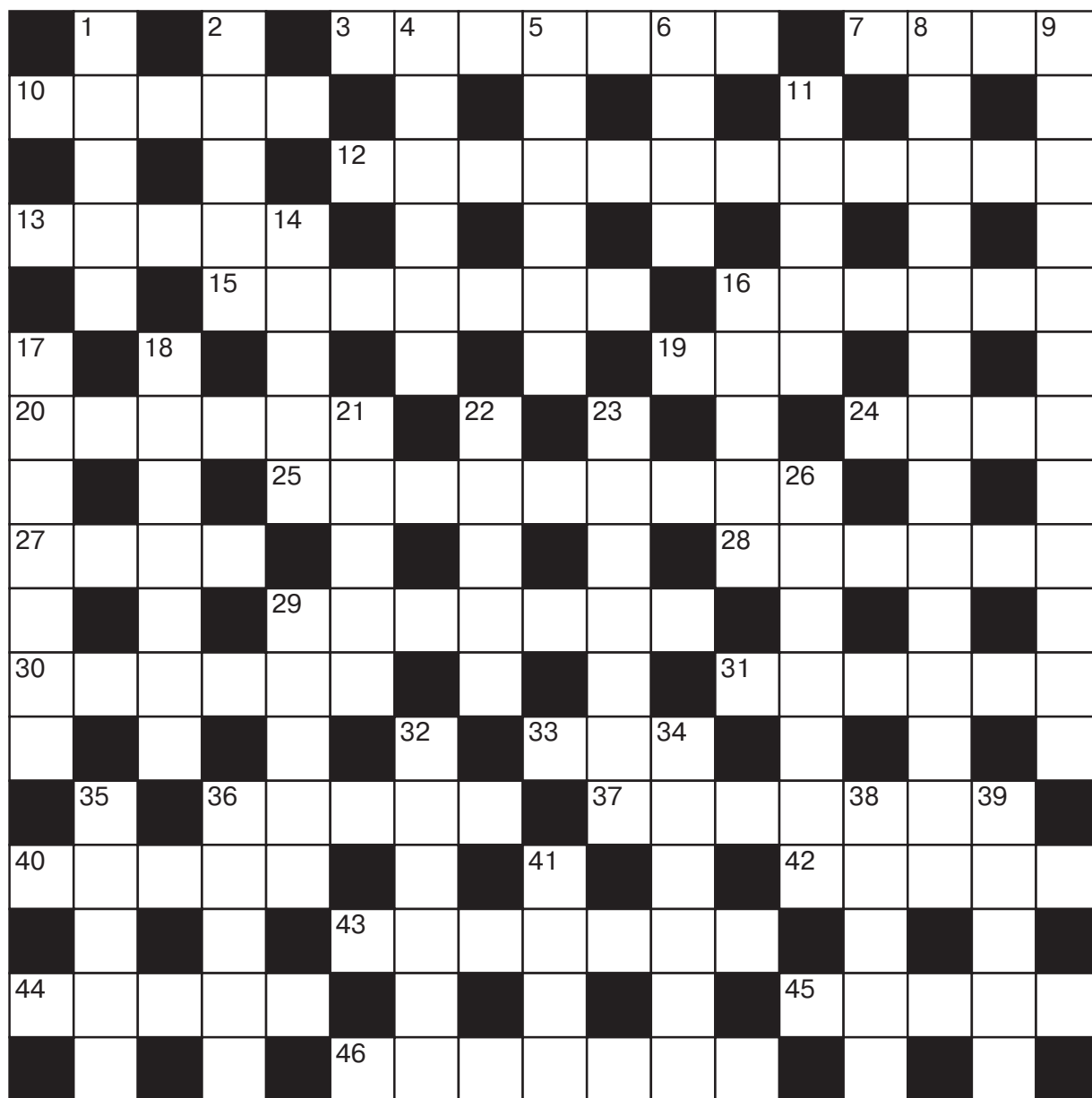
— Нет, — ответила я. — Только имя — Стасик.

— Ну, хоть не иностранец, и то хлеб, — покосилась врачиха на Алекса. — Ну что, погрузили клиента? Тогда поехали!

Я с любопытством смотрела вслед отъезжающей машине. Если так дальше пойдет, у нас появится персональная бригада «скорой помощи»! Хорошо бы еще появились хоть какие-нибудь менты. Может быть, если гражданином Опухликовым вплотную займется полиция, он хотя бы на время отвяжется от нашей компании... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Первая театральная «роль» Федора Шляпина. **7.** Натуральный рыжий ... волос встречается в природе реже всего. **10.** «Фруктовый бумеранг». **12.** Якин из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». **13.** Кто из вестернов в своих руках всю власть держит? **15.** О какой религиозной группе можно узнать из «Этюда в багровых тонах»?

16. Народ, чей рост древние греки сопоставляли с кулаком. **19.** Что хочет увидеть тот, кто собрался «на боковую»? **20.** «Убийственный диаметр». **24.** Время восхода. **25.** Аппарат, превращающий молоко в масло. **27.** Игра с пронумерованными карточками. **28.** К кому Отелло приревновал свою Дездемону? **29.** Московская усадьба, когда-то принад-

лежавшая графам Шереметевым. **30.** Американский штат с бобром на флаге. **31.** На чем можно разориться, играя на тотализаторе? **33.** Любимый ученик Зигмунда Фрейда. **36.** «Золотится роза чайная, как ... вина». **37.** Кто привез целую охапку цветов Валентине Терешковой в больницу сразу после рождения у нее девочки? **40.** Курьезная история. **42.** Какой доктор изложил суть своей диеты в книге «Я не умею худеть»? **43.** Карикатурный стиль. **44.** Опус драматурга. **45.** В каком качестве используют овсяную пудру для косметических целей? **46.** На чем играл Василий Теркин?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Искусство Терпсихоры. **2.** Какой хищник выставляет свой подвижный ус, чтобы клюнула добыча? **4.** Успех, ставший поводом для возведения арки. **5.** «Два сыночка и лапочка-дочка» разом. **6.** Что в мультфильме «Корпорация монстров» дает энергии в десять раз больше, чем страх? **8.** Эверест с точки зрения высоты. **9.** Слова научного звучания. **11.** Какой вклад внесли

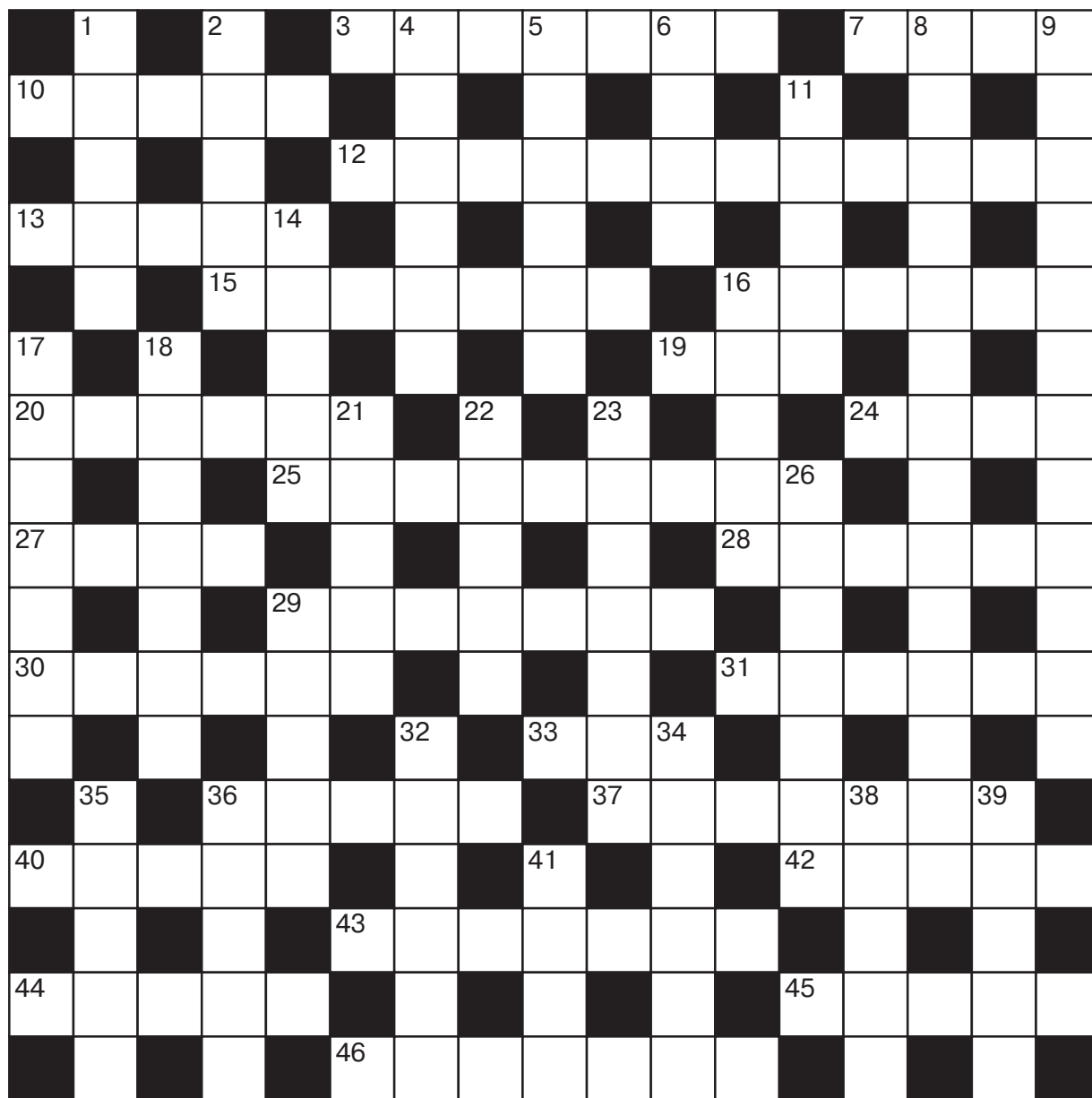
Жозеф Каванту и Пьер Пеллетье в победу над малярией? **14.** Где миллиардеров по ранжиру публикуют? **16.** Чаще всего чужой ... бичуют лишь затем, чтобы с еще большим комфортом предаваться своим. **17.** Уход позвоночника с прямой дороги. **18.** Какая Джессика проводит расследования в детективном сериале «Она написала убийство»? **21.** Какая обезьяна знаменита своим исключительно громким голосом? **22.** Летчик в команде мультяшных спасателей. **23.** Из-за какого спортивного увлечения уши туристов может закладывать до нескольких недель? **26.** Англичанин Джонатан Свифт иронизирует: «Я должен жаловаться, что карты плохо перетасованы, пока не получу хороший ...» **29.** Дойный орех. **32.** «Восточный гамбургер». **34.** Официант с прононсом. **35.** Самая прямолинейная из шахматных фигур. **36.** Обувь, чтобы голы забивать. **38.** Что, как считал Джек Лондон, и привело его на смертный одр? **39.** Кто действует с максимальной бесцеремонностью? **41.** Компонент молекулы.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Насос. **7.** Стон. **10.** Туземец. **12.** Геронтолог. **13.** Бубенец. **14.** Бильярдист. **15.** Водолаз. **17.** Талалихин. **20.** Порок. **23.** Кости. **24.** Гетры. **25.** Гелий. **28.** Лицей. **29.** Якорь. **30.** Автостоп. **32.** Мережка. **35.** Торгаш. **37.** Вера. **38.** Ламбрекен. **41.** Мать. **42.** Царапина. **43.** Школа. **44.** Сера. **45.** Плавание.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Футуролог. **2.** Переворот. **3.** Меценат. **5.** Американец. **6.** Окольничий. **8.** Таллин. **9.** Ноготь. **11.** Вторник. **16.** Зал. **18.** Носки. **19.** Шторм. **21.** Ресторатор. **22.** Кристал. **25.** Гипербола. **26.** Леденец. **27.** Фантомас. **28.** Лом. **31.** Сквер. **33.** Легион. **34.** Кабаре. **36.** Шарки. **39.** Карл. **40.** Наив.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Казнь медом и молоком у древних персов. **7.** Сицилийская нимфа, провалившаяся сквозь землю. **10.** В каком американском штате расположен крупнейший город на границе с Мексикой? **12.** Летящий ящер. **13.** Сеть для ловли пушных зверей. **15.** Где расположен храм из пивных бутылок? **16.** Писатель с криминальным прошлым, снявший-

ся в «Бешеных псах» у Квентина Тарантино. **19.** Духовная сущность у гностиков. **20.** Вымышленное море у Стива Эриксона. **24.** Метод расчета процентов при досрочном изъятии вклада. **25.** Уж крупного калибра. **27.** Византийский акрополь. **28.** Последний конь маршала Семена Буденного. **29.** Скульптурный молоток. **30.** «Божья благодать» среди трав.

31. Какая безобидная игра в 1792 году унесла жизни сразу 38 обитателей монастыря в Марселе? **33.** Какой метод толкования священных текстов самый ходовой в каббале? **36.** Каждая из мексиканских подводных пещер. **37.** Кто первым в России применил понятие «физическое воспитание»? **40.** Любимый музыкальный инструмент царицы Нефертити. **42.** Армянский кувшин. **43.** Литовский танец урожая. **44.** Первая женщина в скандинавских мифах. **45.** Ткань на зонты. **46.** Какой плиткой выложены тротуары в Португалии?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Оперная дива, чей прах хоронят герои фильма «И корабль плывет» Федерико Феллини. **2.** Мясо в горшочке по кипрскому рецепту. **4.** Какая религия объединила Владимира Ленина с Уильямом Шекспиром, а Луи Пастера с Уинстоном Черчиллем? **5.** Немецкий епископ, завещавший каждый год выливать на свою могилу бочку вина. **6.** Без кого библейская Ева «не состоялась бы как историческая личность»? **8.** Какое лекарство под-

вело Курта Кобейна к роковой черте? **9.** «Легкая поэзия» лицейских годов Александра Пушкина. **11.** Один из шести мифических титанов. **14.** Прежняя сфера профессиональных интересов для голливудского секс-символа Джереми Реннера. **16.** Глиняная основа живописных красок. **17.** Географический статус Калининградской области. **18.** Горный кенгуру. **21.** По какой звезде жрецы Древнего Египта сверяли сроки полевых работ? **22.** «Человек только тогда становится свободным, когда сознательно перешагивает через свой ...». **23.** «Ангел бездны». **26.** Темперамент Стьюи из «Гриффинов». **29.** Девичья фамилия матери Агаты Кристи. **32.** Какой индейский город связан с возведением самой большой в мире пирамиды? **34.** «Сто сорок дюжин» из романа «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса. **35.** Какая юбка загадана в кроссворде из комедии «Смотрины» Юрия Полякова? **36.** Женский хитон в Древнем Риме. **38.** Спутница Афродиты, отвечавшая за времена года. **39.** Дальневосточная навага. **41.** Тема в начале фуги.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Цинга. **7.** Хааб. **10.** Патриот. **12.** Скарлатина. **13.** Обшивка. **14.** Мирафлорес. **15.** Никонов. **17.** Полиэдрит. **20.** Тубул. **23.** Дреды. **24.** Силон. **25.** «Посев». **28.** Бирон. **29.** Дятел. **30.** Альбакор. **32.** Костров. **35.** Квезал. **37.** Саул. **38.** Лепидолит. **41.** Осия. **42.** Левенгук. **43.** Успех. **44.** Аяга. **45.** Декантер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гамбринус. **2.** Аргировул. **3.** Воркшоп. **5.** Инквизитор. **6.** Герхардсен. **8.** Ариари. **9.** Брасси. **11.** Таблоид. **16.** Вор. **18.** Траян. **19.** Адвен. **21.** Бильдеринг. **22.** Локапал. **25.** Пирокинез. **26.** Софтбол. **27.** Халкиопа. **28.** Бок. **31.** Хорив. **33.** Тайгет. **34.** Блукер. **36.** Лесси. **39.** Леже. **40.** «Тема».

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

СМЕНА

номер: П2431 и П2446 - льготный

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

